



РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

ГОЛОСА ЛЕТА
ШТОРМОВОЙ ДЕНЬ
НАЧАТЬ СНАЧАЛА

От автора романа «Собиратели ракушек»,
включенного в топ-50 лучших книг
по версии BBC

The Big Book

Розамунда Пилчер

**Голоса лета. Штормовой
день. Начать сначала**

«Азбука-Аттикус»

1984, 1975, 1969

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Голоса лета. Штормовой день. Начать сначала / Р. Пилчер —
«Азбука-Аттикус», 1984, 1975, 1969 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21231-2

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо», и в данном случае это один из столпов устойчивого читательского успеха. Главные героини трех романов, представленных в сборнике, совсем не похожи друг на друга, но их объединяет любовь к суровому, ветреному и неизменно прекрасному Корнуоллу. Роман «Голоса лета» перекликается со знаменитой «Ребеккой» Дюморье, написанной почти на полвека раньше. Брак с разведенным мужчиной стал настоящим испытанием для Лоры – ей кажется, что она не выдерживает сравнения с его первой женой-красавицей. Согласившись погостить у родных мужа в чудесном уголке Корнуолла, Лора постепенно избавляется от неуверенности и начинает привязываться к людям, с которыми свела ее судьба. Но тихую, размеренную жизнь нарушает злое анонимное письмо... Решительная и независимая Ребекка, героиня романа «Штормовой день», узнает о том, что она внучка знаменитого художника, и отправляется к нему в Корнуолл – в родовое гнездо, хранящее не одну семейную тайну... Эмма, как никто другой, нуждается в близких людях («Начать сначала») и мечтает провести несколько недель в Корнуолле с отцом, посвятившим себя искусству. Ей многое придется пережить, чтобы понять важную вещь: иногда отпустить того, кого любишь, – это первый шаг к сохранению любви.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21231-2

© Пилчер Р., 1984, 1975, 1969

© Азбука-Аттикус, 1984, 1975, 1969

Содержание

Голоса лета	7
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Розамунда Пилчер

Голоса лета; Штормовой день; Начать сначала (сборник)

Rosamunde Pilcher

VOICES IN SUMMER

Copyright © 1984 by Rosamunde Pilcher

THE DAY OF THE STORM

Copyright © 1975 by Rosamunde Pilcher

ANOTHER VIEW

Copyright © 1969 by Rosamunde Pilcher

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© И. П. Архангельская (наследник), перевод, 2003

© И. П. Новоселецкая, перевод, 2012

© Е. В. Осенева, перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Одна из самых успешных писателей современности! Общий тираж книг Розамунды Пилчер превысил 60 миллионов экземпляров!

Я никогда не стану писать о тех местах или людях, которых недостаточно знаю. Все, о чем я рассказываю, мне близко и дорого.

Розамунда Пилчер

Розамунду Пилчер можно с полным правом назвать Джейн Остин нашего времени.

Cosmopolitan

Гениальное умение создавать героев, к которым привязываешься по-настоящему.

Daily Express

Это так прекрасно, когда люди обретают друг друга.

Розамунда Пилчер. В канун Рождества

Голоса лета

Посвящается Марку – по известным ему причинам

1

Хэмпстед

Секретарь приемной врача, милая девушка в очках, проводила Лору к выходу, распахнула перед ней дверь и отступила в сторону, улыбаясь, будто прощалась с подругой, чей визит доставил ей большое удовольствие. За открытыми дверями выскобленное крыльцо выходило на Харли-стрит. Дома на противоположной стороне улицы бросали тень на дорогу, разрезая ее на светлые и темные полосы.

– Чудесный день, – заметила секретарь.

День на исходе июля действительно выдался чудесный – солнечный и ясный. Наряд девушки состоял из накрахмаленной юбки и блузки; на обтянутых нейлоновыми колготками полноватых ногах – деловые черные туфли-лодочки. Лора же пришла на прием к врачу в хлопчатобумажном платье, а ноги у нее были голые. Правда, гулявший по летним улицам свежий ветерок нес прохладу, и ее плечи укрывал светлый кашемировый кардиган, который она закрепила на себе, связав спереди рукава.

Лора выразила свое согласие, но не сообразила, что еще добавить про погоду.

– Спасибо, – поблагодарила она секретаря, хотя та ничего особенно не сделала, – просто доложила о ее приходе доктору Хикли, а после приема, окончившегося через пятнадцать минут, вновь появилась, чтобы проводить ее на улицу.

– Пожалуйста. До свидания, миссис Хаверсток.

– До свидания.

Сияющая, выкрашенная в черный цвет дверь закрылась за ней. Лора повернулась спиной к фасаду красивого импозантного дома и пошла по тротуару к парковке, где ей чудом удалось найти место для своей машины. Наклонившись, она открыла дверцу. С заднего сиденья тут же донесся шорох. Лора села за руль. Люси легко перепрыгнула с заднего сиденья к ней на колени, поднялась на задних лапах и, виляя пушистым хвостом, длинным розовым языком с любовью лизнула Лору в лицо.

– Бедняжка Люси. Ты здесь, наверное, сварилась.

Лора оставила окно машины чуть приоткрытым, но в салоне все равно было жарко, как в печке. Лора открыла люк в крыше автомобиля, и микроклимат в салоне мгновенно изменился. Она ощутила движение прохладного воздуха, ее макушку обжег горячий солнечный луч.

Люси тяжело дышала, как бы демонстрируя свое личное собачье неудовольствие и в то же время давая понять, что она простила хозяйку и любит ее. Лору Люси обожала, но при этом была весьма благовоспитанным маленьким существом, с очаровательными манерами и всегда дружелюбно приветствовала Алека, когда тот возвращался домой с работы. Алек всем всегда говорил, что, женившись на Лоре, он в нагрузку к жене приобрел и собаку.

Когда Лоре хотелось поплакаться, она выбирала в наперсницы Люси, делилась с ней секретами, которые не смогла бы доверить никому другому. Даже Алеку. Особенно Алеку. Потому что ее сокровенные мысли обычно касались его. Порой Лора задумывалась о других замужних женщинах. Они тоже скрывают что-то от своих мужей? Марджори Энсти, например. Та

шестнадцать лет состоит в браке с Джорджем, организуя его жизнь до самых мелочей – от чистых носков до авиабилетов. Или Дафна Боулдерстоун, флиртующая со всеми мужчинами подряд; ее постоянно можно видеть в каком-нибудь укромном ресторане в компании чужого мужа. Делится ли Дафна с Томом своими сокровенными мыслями, смеется ли вместе с ним над своим безрассудством? Или Том и ей внимает с сухим безразличием на лице, без всякого интереса, сохраняя присущий ему чопорный отстраненный вид? Возможно, ему просто нет дела до жены. Может быть, на следующей неделе, когда они будут все вместе в Шотландии, в Гленшандре, на давно запланированном отдыхе с рыбалкой, у Лоры найдется время понаблюдать за отношениями в других семьях и прийти к какому-то заключению...

Она глубоко вздохнула, злясь на себя. Что за глупости? Какой смысл сидеть здесь и строить предположения, если она вообще не поедет в Шотландию? Доктор Хикли на этот счет не деликатничала. «Проблему нужно решать немедленно, не теряя времени. Пару деньков в больнице, затем хороший отдых».

То, чего Лора страшилась, произошло. Бог с ними, с Дафной и Марджори, сказала она себе. Нужно сосредоточиться на Алеке. Действовать энергично, решительно, выработать план действий. Ибо, что бы ни случилось, Алек должен поехать в Гленшандру вместе с остальными. А ей придется остаться. Главное – настоять на своем. Придумать убедительный надежный план. И сделать это она должна сама. Прямо сейчас.

Сидя за рулем в своей машине, обмякшая, обессиленная, Лора не чувствовала себя ни деятельной, ни решительной.

Болела голова, болела спина, все тело болело. Лора подумала, что нужно ехать домой. Жила она в высоком узком доме в Ислингтоне – не очень далеко, но и не близко, если учесть, что она была утомлена и подавлена, а на улице стояла июльская жара. Лора представила, как она приезжает домой, поднимается по лестнице, ложится в прохладную постель и засыпает до вечера. Алек был убежден: если перестать думать о проблеме, подсознание подскажет неожиданное решение. А вдруг и у Лоры, пока она будет спать, подсознание поднапряжется и по ее пробуждении представит ей некий блестящий очевидный план. Чем черт не шутит. Лора подумала об этом и снова вздохнула. Вся беда в том, что не верит она в свое подсознание. Да и в себя тоже, если уж не кривить душой, тоже не особо верит.

– Вы очень бледны. Такой я вас прежде не видела, – сказала доктор Хикли, что настояжало само по себе, поскольку доктор Хикли была сдержанной дамой, профессионалом в своем деле и редко отпускала импульсивные замечания. – Пожалуй, вам нужно сдать кровь на анализ.

Неужели она и впрямь так бледна?

Лора опустила солнцезащитный козырек и внимательно посмотрела на себя в зеркало на его обратной стороне. Через некоторое время без всякого энтузиазма достала из сумочки расческу и попыталась привести в порядок волосы. Потом подкрасила губы. Помада была слишком яркой, плохо сочеталась с ее цветом кожи.

Она посмотрела в свои глаза. Они у нее были темно-карие, с длинными ресницами. Слишком большие для ее лица, пришла она к выводу, будто две дыры, вырезанные в листе бумаги. Лора стойко встретила свой взгляд в зеркале. «Возвращение домой и сон ничего не решат. Ты ведь это знаешь, верно?» Должен быть кто-то, к кому можно обратиться за помощью, кто-то, с кем можно поговорить. Дома такого человека она не найдет: миссис Эбни, жившая на цокольном этаже, ежедневно отдыхает с двух до четырех и категорически против того, чтобы кто-то нарушал ее сон, даже по такому важному делу, как снятие показаний счетчика.

С кем бы поговорить?

С Филлис.

Замечательно. «Выйдя из больницы, я могу пожить у Филлис. Если я буду с Филлис, Алек спокойно может ехать в Шотландию».

Лора недоумевала, почему эта очевидная мысль не пришла ей в голову раньше. Довольная собой, она заулыбалась, но в этот момент короткий сигнал другого автомобиля вернул ее в реальность. Рядом с ее машиной затормозил большой синий «ровер», и его водитель, краснотелый мужчина, хотел знать, готова ли она освободить для него парковочное место или до вечера будет сидеть и пялиться на себя в зеркало.

Смутившись, Лора быстро подняла козырек, завела машину, улыбнулась более чарующе, чем требовалось, и, немного краснея, вырулила на дорогу. Ей повезло: она ни в кого не врезалась. Она выехала на Юстон-роуд, в трехрядном потоке транспорта тихим ходом добралась до Эвершолт-стрит, свернула на север и покатила в гору в направлении Хэмпстеда.

Лора сразу почувствовала себя чуть лучше. У нее созрел план, и теперь только оставалось претворить его в жизнь. Машин здесь было меньше, и она поехала быстрее; в открытый люк струился свежий воздух. Дорога была знакомая: в юности, когда Лора жила с Филлис, она каждый божий день ездила этим маршрутом на автобусе – сначала в школу, потом в колледж. Остановившись на светофоре, она глянула по сторонам, узнавая дома. Ветхие, укрытые тенью деревьев, некоторые из них теперь имели облагороженные фасады и яркие двери. По залитым солнцем тротуарам сновали люди в легкой одежде: девушки с оголенными руками, матери с полуголыми ребятишками. Хозяева небольших лавок установили на тротуарах навесы и выставили под ними свои товары. Лора увидела лоток с красиво разложенными овощами, пару стульев из сосновой древесины и зеленые ведра с розами и гвоздиками. Маленький ресторанчик даже вынес на улицу пару столиков и белые железные стулья, которые стояли под полосатыми зонтиками. «Как в Париже, – подумала Лора. – Жаль, что мы живем не в Хэмпстеде». А потом стоявший за ней автомобиль засигналил, и она сообразила, что зажегся зеленый свет.

И только когда она уже ехала по хэмпстедской Хай-стрит, ей пришлось в голову, что Филлис, возможно, нет дома.

Конечно, следовало бы сначала позвонить. Лора попыталась представить, чем занимается Филлис в погожий летний денек. Собственно, это было нетрудно, поскольку вариантов не так уж много. Филлис могла ходить по магазинам, покупая одежду или антиквариат, рыскать по своим любимым художественным галереям, сидеть в каком-нибудь комитете, продвигая музыку в массы, или собирать деньги на восстановление какого-то разрушающегося особняка в Хэмпстеде.

Правда, теперь было слишком поздно что-либо предпринимать, ведь она почти добралась до места. Через несколько минут она свернула с центральной дороги на улицу, которая сужалась, петляя вверх по холму, а потом выпрямлялась. Лора увидела убегающий вверх вместе с улицей ряд домов в георгианском стиле. Каждый стоял на ступеньку выше предыдущего, входные двери находились вровень с мощным булыжником тротуаром. Перед коттеджем Филлис был припаркован ее автомобиль – обнадеживающий знак, но это еще не значит, что Филлис дома. Неутомимый ходок, она садилась за руль только тогда, когда ей приходилось «ехать в Лондон».

Лора остановилась за машиной Филлис, закрыла люк, взяла Люси на руки и вылезла из автомобиля. По обе стороны от входной двери дома Филлис стояли кадки с гортензией. Лора постучала в дверь и скрестила пальцы. «Если ее нет, я просто уеду, вернусь домой и оттуда позвоню ей». Но почти сразу до нее донесся звук цокающих шагов Филлис (та всегда ходила на высоченных каблуках), а в следующую секунду дверь распахнулась и все мгновенно встало на свои места.

– Девочка моя.

Лучше приветствия Лора не слыхала. Они обнялись. Люси, конечно, мешала. Как всегда, когда она обнимала Филлис, Лоре казалось, будто она сжимает в объятиях птичку. Хрупкую птаху с ярким оперением. Сегодня на Филлис был туалет абрикосового цвета, на шее – модные

прозрачные бусы, серьги в ушах смотрелись как елочные украшения. Пальцы на ее маленьких, как у ребенка, руках были унизаны кольцами, на лице, как всегда, безупречный макияж. Только волосы были чуть растрепаны, выбивались на лоб. Теперь в них блестела седина, но это ни в коей мере не приглушало юношеского задора на ее лице.

– Почему не позвонила?!

– Это было спонтанное решение. Захотела и приехала.

– Какая же ты молодчина, милая. Входи!

Лора вошла в дом, Филлис закрыла за ней дверь. Но в помещении не было темно: узкий коридор тянулся через весь дом к другой двери, выходившей в сад, и она была открыта. В проеме виднелся залитый солнцем мощный зеленый дворик, а в глубине – белая решетчатая беседка.

Лора наклонилась и посадила Люси на рубиново-красный ковер. Собачка тяжело дышала, и Лора, бросив сумочку у подножия лестницы, прошла на кухню, чтобы налить для своей питомицы миску воды. Филлис наблюдала за ней, стоя в дверях.

– Я сидела в саду, – сказала она, – но там уже жарко. Пройдем лучше в гостиную. Там прохладно, да и окна открыты. Ты прямо как тростиночка, дорогая. Худеешь?

– Не знаю. Может быть. Не специально.

– Что-нибудь выпьешь? Я только что приготовила отменный лимонад. В холодильнике стоит.

– Не откажусь.

Филлис пошла за бокалами.

– Ты иди располагайся поудобнее. Забирайся с ногами на диван, и мы с тобой чудненько поболтаем. Сто лет тебя не видела. Как твой красавчик Алек?

– Нормально.

– Ты должна все мне рассказать.

Располагайся, забирайся с ногами на диван. Какое это счастье. Как в старые добрые времена. Послушавшись Филлис, Лора прилегла в уголке огромного мягкого дивана. За открытыми стеклянными дверями сад волновался, едва слышно шелестел на тихом ветру. Воздух наполнял аромат желтофиоли. Царил умиротворяющий покой. Что само по себе было удивительно, поскольку Филлис по натуре была очень деятельным человеком. Всегда куда-то спешила, кружила, как мошка, на своих тощих ногах по сто раз на день бегала вверх-вниз по лестнице.

Лоре она приходилась тетей, была младшей сестрой ее отца. Они выросли в семье обедневшего англиканского священника, которому пришлось экономить каждый пенни, дабы скопить необходимую сумму на то, чтобы послать отца Лоры в университет учиться на врача.

На образование Филлис денег уже не осталось.

И хотя к тому времени, слава богу, миновала та эра, когда считалось, что удел дочерей приходских священников – жить дома, с родителями, помогая матери украшать цветами церковь, и вести занятия в воскресной школе, лучшее, что ожидало Филлис, – это брак с каким-нибудь надежным, подходящим человеком. Но Филлис с детства была своевольной. Каким-то образом ей удалось окончить курсы секретарей-машинисток, а после она отправилась в Лондон – не с благословения родителей, – где сумела за рекордно короткое время найти себе не только жилье, но и работу – устроилась младшим секретарем-машинисткой в старинный издательский дом «Хей Макдональдс». Очень скоро ее энтузиазм и предприимчивость были оценены по заслугам. Она стала секретарем заведующего редакцией художественной литературы, а потом, в возрасте двадцати четырех лет, – личным помощником руководителя компании – Мориса Хей.

Он был холостяком пятидесяти трех лет, и все думали, что этот свой благословенный статус он сохранит до самой смерти. Не тут-то было. Морис без памяти влюбился в Филлис

и увез ее – пусть и не на белом коне, а всего лишь в большом внушительном «бентли» – в свой небольшой, но роскошный дом в Хэмпстеде. С ней он был безмерно счастлив, они ни на день не расставались, и правильно делали: как оказалось, времени им было отпущено немного: через три года Морис умер от сердечного приступа.

Филлис он оставил дом, мебель и все свои деньги. Он не был ни мелочным, ни ревнивым человеком и не внес в завешание никаких мерзких дополнительных распоряжений типа того, что его вдова в случае повторного замужества будет лишена оставленного ей наследства. Но Филлис все равно второй раз замуж не вышла. Для всех, кто ее знал, это была загадка. Вроде бы недостатка в поклонниках у нее не было. Как раз наоборот. За ней постоянно ухаживали сразу по нескольку кавалеров – звонили, присылали цветы, приглашали в рестораны, возили отдыхать за границу, зимой водили в театры, летом – на скачки в Аскоте.

– Милые мои, – отвечала она, когда ей ставили в укор любовь к независимому образу жизни. – Я не хочу еще раз выходить замуж. Такого лапочку, как Морис, я больше никогда не найду. И вообще, без мужа куда веселее. Особенно если ты богата.

Когда Лора была маленькой, на Филлис она взирала как на фею. И неудивительно. Иногда, на Рождество, родители привозили ее в Лондон, чтобы показать украшенную Риджент-стрит и магазины, сводить в «Палладиум» или на балет. После они всегда оставались погостить у Филлис, и Лоре, воспитывавшейся в семье занятого сельского врача в атмосфере унылого однообразия, казалось, будто она внезапно попала в волшебный мир. Все было так красиво, так радужно, так ароматно. А Филлис...

– Мотылек, – говорила про нее мать Лоры, добродушно, без всякого осуждения в голосе, когда они возвращались домой, в Дорсет. А Лора, словно пришибленная, тихо сидела на заднем сиденье автомобиля, потрясенная воспоминаниями о столь небывалом великолепии. – Трудно представить, чтобы она когда-то пожелала окунуться в прозу жизни, занялась чем-то полезным... Да и зачем ей это?

Но здесь мама Лоры глубоко ошибалась. Ибо когда Лоре было двенадцать лет, ее родители погибли в автомобильной аварии, возвращаясь домой с совершенно безобидного званого ужина по дороге, которую оба знали как свои пять пальцев, потому что ездили по ней всю жизнь. Автокатастрофа произошла в результате неудачного стечения целого ряда обстоятельств: Т-образный перекресток, грузовик дальнего следования, автомобиль с неисправными тормозами, двигавшийся на недозволенной скорости, – все это привело к столкновению с печальными последствиями. И казалось, еще пыль на дороге не улеглась после всего этого кошмара, а Филлис уже была там.

Она ничего не сказала Лоре. Крепись, не плачь, на все воля Божья – ничего этого Филлис не говорила. Просто обняла Лору и умоляюще попросила уважить тетю и чуть-чуть пожить с ней в Хэмпстеде, чтоб ей не было скучно.

Лора поехала с Филлис и осталась у нее. Филлис обо всем позаботилась: организовала похороны, наняла адвокатов, распорядилась практикой отца Лоры, продала мебель. Для племянницы она оставила несколько ценных и личных вещей из дома ее родителей, и те были помещены в спальню, которая стала комнатой Лоры. Письменный стол отца, кукольный домик и книги Лоры, туалетный набор в серебряной оправе, принадлежавший ее матери.

– С кем ты живешь? – спросили Лору девочки в ее новой школе в Лондоне, когда им открылась – в результате бесцеремонных расспросов – печальная правда, что она – сирота.

– С тетей Филлис.

– Уфф, я бы не хотела жить с тетей. А муж у нее есть?

– Нет, она вдова.

– Еще хуже.

Лора промолчала, ибо знала, что не хотела бы жить ни с кем другим, кроме тети Филлис, если уж она не может жить в Дорсете со своими любимыми папой и мамой.

Между ними, по всем меркам, сложились весьма необычные отношения. Тихая прилежная девочка и ее энергичная общительная тетя стали близкими подругами. Они никогда не ссорились, не действовали друг другу на нервы. И только когда Лора окончила колледж и получила профессиональную подготовку, позволявшую ей самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, они с тетей впервые разошлись во мнениях. Филлис хотела, чтобы Лора пошла работать в «Хей Макдональдс»; ей казалось, что это самый верный и очевидный путь.

Лора воспротивилась, считая, что, если она воспользуется предложением тети, в издательстве это будет расценено как семейственность. К тому же это подорвет ее решимость стать самостоятельной.

Филлис сказала, что никто не посягает на ее независимость, ведь она сама будет зарабатывать свой хлеб.

Лора заметила, что она и так в большом долгу перед тетей, что она предпочла бы вступить во взрослую жизнь – где бы она ни начала работать, – не пользуясь ничьей протекцией.

Какая протекция? Разве можно отказываться от замечательных перспектив только потому, что она племянница Филлис?

Лора заявила, что хочет быть самостоятельной.

Вздыхнув, Филлис объяснила, что она и так будет самостоятельной. Ни о каком nepотизме не может быть и речи. Если Лора не будет справляться с работой, никто не станет держать ее в издательстве из милости – уволят без всяких угрызений совести.

Это было слабым утешением. Лора пробормотала что-то в том смысле, что ей нужно научиться самой преодолевать трудности.

Так ведь «Хей Макдональдс» не благотворительное заведение. Лора вполне могла бы попробовать свои силы в этом издательстве.

Спор продолжался с перерывами на протяжении трех дней, и Лора в конце концов сдалась. Но тут же сообщила Филлис, что нашла себе небольшую двухкомнатную квартиру в Фулеме, намерена покинуть Хэмпстед и жить там. Это решение Лора приняла давно. Со спором относительно работы оно никак не было связано. Дело не в том, что она больше не хотела жить с Филлис. Напротив, она бы с радостью всю жизнь провела в ее теплом уютном маленьком домике, стоявшем высоко на холме, возвышающемся над Лондоном, но она понимала, что ни к чему хорошему это не приведет. Ситуация несколько изменилась. Теперь они были не просто тетя и племянница, а две взрослые женщины. Нельзя было ставить под угрозу уникальные тонкие отношения, что сложились между ними; обе ими очень дорожили.

У Филлис была своя жизнь – все еще увлекательная и полная разнообразия, несмотря на то что ей уже было далеко за пятьдесят. А девятнадцатилетней Лоре пора было строить *свою* жизнь, и это ей вряд ли удастся, если она не найдет в себе силы воли покинуть уютное гнездышко Филлис.

Филлис поначалу пришла в смятение, но потом согласилась с племянницей. Правда, добавила:

- Ты не долго пробудешь одна. Выскочишь замуж.
- С чего это вдруг?
- Потому что ты из тех, кто выходит замуж. Из тех женщин, которым нужны мужья.
- То же самое про тебя говорили после смерти Мориса.
- Ты – не я, милая. Поработаешь немного и заведешь семью. Даю тебе сроку три года.

Ни днем больше.

Но Филлис в кои-то веки ошиблась. Прошло девять лет, прежде чем Лора обратила внимание на Алека Хаверстока, и еще шесть – к тому времени Лоре уже было тридцать пять, – прежде чем они поженились.

– А вот и я...

Позвякивание кубиков льда в стеклянном бокале, цоканье высоких каблучков. Лора открыла глаза, увидела рядом Филлис. Та ставила поднос на низкий столик.

– Спала?

– Нет. Просто думала. Вспоминала.

Филлис опустилась на другой диван. Она не откинулась на спинку: отдых в любой форме был абсолютно чужд ее натуре. Она сидела прямо, будто готова была в любую секунду подхватиться и убежать по какому-то важному делу.

– Что ж, рассказывай. Все. Чем занималась? Надеюсь, ходила по магазинам.

Филлис налила лимонад в высокий бокал и подала его Лоре. Ледяное стекло обжигало руки. Лора глотнула лимонаду и поставила бокал на пол рядом с собой.

– Нет, не по магазинам. Я была у доктора Хикли.

Филлис склонила голову набок. В ее лице мгновенно отразился острый интерес. Она вскинула брови, вытаращила глаза.

– Нет, – сказала Лора. – Я не беременна.

– А зачем же ты к ней ходила?

– Все с тем же.

– Бедняжка ты моя.

Не было необходимости говорить что-то еще. Они скорбно смотрели друг на друга. В раздвинутых стеклянных дверях появилась Люси, выбегавшая в сад по маленькой нужде. Царапая когтями паркет, она просеменила через комнату, проворно запрыгнула Лоре на колени, свернулась клубочком и вновь задремала.

– Когда это началось?

– Да уж некоторое время назад. Просто я все тянула с визитом к доктору Хикли – не хотела об этом думать. Знаешь ведь как: кажется, что, если не обращаешь внимания, не смотришь, все рассосется само собой.

– Это ты зря.

– Вот и она то же самое сказала. Но это ничего не меняет. Мне придется снова лечь в больницу.

– Когда?

– Чем быстрее, тем лучше. Может, через пару дней.

– Но, дорогая, ты же собиралась в Шотландию.

– Доктор Хикли говорит, мне нельзя ехать.

– Девочка моя. – В голосе Филлис слышалось отчаяние. – Ты так этого ждала, это твоя первая поездка на отдых вместе с Алеком в Шотландию... Что он будет делать? Не поедет же без тебя.

– Вот потому-то я здесь. Хочу попросить тебя об одолжении. Не откажешь?

– Смотря в чем.

– Можно пожить с тобой после того, как я выйду из больницы? Если Алек будет знать, что я с тобой, он поедет в Гленшандру с остальными. Для него это так важно. Он несколько месяцев планировал эту поездку. Забронировал отель, арендовал участок реки для рыбалки. Я уж не говорю про Боулдерстоунов и Энсти.

– Когда это будет?

– На следующей неделе. В больнице я проведу всего пару дней, и за мной не надо ухаживать и все такое...

– Боже, какой кошмар. Понимаешь, я уезжаю.

– Ты... – Нет, это невыносимо. Лора смотрела на Филлис, надеясь, что ей удастся удержаться от слез. – Тебя не будет здесь?

– Я еду на месяц во Флоренцию. С Лоренсом Хаддоном и четой Бирли. Мы только на прошлой неделе все организовали. Но если другого выхода нет, я могла бы отложить поездку.

– Ни в коем случае.

– А если, допустим, ты поживешь у брата Алека и его жены? У того, что из Девона. Разве они не могли бы позаботиться о тебе?

– Ты предлагаешь мне поехать в Чагуэлл?

– Ты, я вижу, не в восторге от этой идеи? Мне казалось, они понравились тебе, когда ты была у них на Пасху.

– Да, они мне понравились. Милые люди. Но у них пятеро детей, а сейчас каникулы и у Джейни хлопот полон рот. А тут еще я нарисуюсь – бледная, осунувшаяся, завтрак мне в постель подавай. К тому же я знаю, как бывает после таких операций. Чувствуешь себя абсолютно выдохшейся. Наверное, из-за анестезии. А в Чагуэлле всегда шум стоит в миллион децибелов. Полагаю, это неизбежно, когда в доме пятеро детей.

Филлис согласилась с ее доводами и, отказавшись от варианта с Чагуэллом, стала искать другие.

– Всегда есть миссис Эбни.

– Алек ни за что не оставит меня на миссис Эбни. Она стала сдавать, ей тяжело подниматься по лестнице.

– А доктор Хикли не может отложить операцию?

– Нет. Я спрашивала, она категорически против. – Лора вздохнула. – Когда обстоятельства складываются подобным образом, я всегда жалею, что у меня нет большой семьи. Родных и двоюродных братьев и сестер, дедушек с бабушками, матери и отца...

– Родная ты моя, – проронила Филлис, и Лору кольнуло чувство вины.

– Глупость я сказала. Прости.

– Может, нанять сиделку, – предложила Филлис. – Вдвоем с миссис Эбни они, наверное, справились бы...

– Или остаться в больнице?

– Вот еще. И вообще весь этот разговор – пустая трата времени. Не думаю, что Алек захочет поехать в Шотландию без тебя. У вас ведь фактически все еще медовый месяц!

– Мы женаты девять месяцев.

– В таком случае пусть отменит поездку и отвезет тебя на Мадейру, когда тебе станет лучше.

– Не получится. Он не может брать отпуск тогда, когда ему заблагорассудится. Он слишком важный человек. А Гленшандра – это своего рода традиция. Он всю жизнь туда ездит в июле с Энсти и Боулдерстоунами. Он весь год живет в предвкушении этой поездки. Так заведено. И это именно то, что ему нравится, как он мне говорит. Тот же отель, та же река, тот же инструктор по рыбной ловле, те же друзья. Для Алека это – отдышина, глоток свежего воздуха, то, что дает ему силы целый год ишачить в Сити.

– Ты же знаешь, ему нравится ишачить, как ты выражаешься. Нравится, что он всегда при деле, преуспевает, председательствует то тут, то там.

– И он не может подвести остальных в последний момент. Если он не поедет, они решат, что это по моей вине, и я, если испорчу им отдых, упаду в их глазах ниже плинтуса.

– При чем тут Энсти и Боулдерстоуны? – возразила Филлис. – Ты не о них должна думать, а об Алеке.

– Я о нем и думаю. Мне кажется, я приношу ему одни разочарования.

– Глупости. Ты же не виновата в том, что неожиданно заболела. Да и этой поездки в Шотландию ты ждала не меньше его. Или нет?

– Даже не знаю, Филлис. Если б я собиралась туда только с Алеком, это было бы совсем другое дело. Когда мы вместе, только он и я, у меня все получается. Мы счастливы, ему со мной весело. Как будто я со своей второй половиной. Но когда с нами его друзья, у меня такое чувство, что я забрела в чужой клуб, и, как бы я ни старалась, своей там никогда не стану.

– А ты этого хочешь?

– Не уверена. Просто они знают друг друга так хорошо многие годы, и большую часть этого времени Алек был женат на Эрике. Дафна – лучшая подруга Эрики и крестная Габриэлы. У Алека с Эрикой в Нью-Форесте был дом, Дипбрук, куда они все ездили на выходные. Все, что они делали вместе, их общие воспоминания – все это имеет пятнадцатилетнюю историю.

– Да, неприятно, – вздохнула Филлис. – Трудно мириться с чужими воспоминаниями. Но ты ведь все это сознавала, когда выходила замуж за Алека.

– Я ни о чем таком не думала. Знала только, что хочу быть его женой. Я не хотела думать ни об Эрике, ни о Габриэле. Просто делала вид, что их не существует, что, в общем-то, было легко, поскольку они обе живут далеко, в Америке.

– Ты бы ведь не хотела, чтобы Алек бросил всех своих друзей. Старые друзья – неотъемлемая часть человека. Часть того, кто он есть. Им ведь тоже не просто. Поставь себя на их место.

– Да, наверное.

– Они упоминают Эрику и Габриэлу?

– Иногда. Но потом все мгновенно умолкает и кто-нибудь сразу меняет тему разговора.

– Может, тебе стоит самой поднять эту тему.

– Это исключено, Филлис. Как я могу завести разговор об очаровательной Эрике, бросившей Алека ради другого мужчины? Как я могу болтать о Габриэле, если Алек не видел ее с тех пор, как расстался со своей бывшей женой?

– Она ему пишет?

– Нет. А вот он ей пишет. С работы. Однажды его секретарша забыла отправить письмо и он принес его домой. Я увидела адрес, напечатанный на машинке. Тогда-то я и поняла, что он пишет ей каждую неделю. Но ответа, по-моему, не получает. В доме нет фотографий Эрики, зато на его туалетном столике стоит фотография Габриэлы, а еще рисунок, который она для него нарисовала, когда ей было пять лет. В серебряной рамке из «Асприз»¹. Наверное, если в доме случится пожар, первое, что он кинется спасать из огня, это тот самый рисунок.

– Ему нужен еще один ребенок, – твердо сказала Филлис.

– Знаю. Но я, возможно, никогда не смогу родить.

– Сможешь.

– Нет. – Лора повернула голову на синей шелковой подушке и посмотрела на Филлис. – Может, и не получится. Мне ведь уже почти тридцать семь.

– Ерунда.

– И, если моя болячка снова даст о себе знать, доктор Хикли говорит, мне придется удалить матку.

– Лора, не думай об этом.

– А я хочу ребенка. Очень.

– Все будет хорошо. На этот раз все будет хорошо. Не паникуй. Главное – позитивный настрой. Что касается Энсти и Боулдерстоунов, они поймут. Они – симпатичные обычные люди. Мне они показались очень даже приятными, когда я познакомилась с ними на том милом званом ужине, что ты устроила в мою честь.

– И Дафна тоже? – усмехнулась Лора.

– И Дафна тоже, – не колеблясь, ответила Филлис. – Да, она весь вечер флиртowała с Алеком, но у некоторых женщин кокетство в крови, они иначе не могут. Даже если они уже не первой молодости. Ты ведь не думаешь, что между ними что-то было?

– Порой, когда мне тоскливо на душе, я волей-неволей... Алек пять лет жил один после того, как Эрика его бросила.

¹ «Асприз» – фешенебельный магазин галантерейных изделий и подарков в лондонском Вест-Энде.

– С ума сошла. Разве можно представить, чтобы такой порядочный человек, как Алек, крутил шашни с женой своего лучшего друга? Я – не могу. Ты недооцениваешь себя, Лора. Но что гораздо опаснее, ты недооцениваешь Алека.

Лора откинулась на диванную подушку и закрыла глаза. Стало прохладнее, но Люси, лежавшая у нее на коленях, обжигала как грелка.

– Как же быть? – спросила она.

– Езжай домой, – сказала Филлис. – Прими душ, надень свое лучшее платье и, когда Алек придет с работы, налей ему мартини со льдом и поговори с ним. И если он захочет отказаться от отдыха в Шотландии и остаться с тобой, пусть так и будет.

– Но я хочу, чтобы он поехал. Правда хочу.

– Тогда так и скажи ему. И еще скажи, что в худшем случае я отменю поездку во Флоренцию и ты после больницы поживешь у меня.

– О Филлис...

– Но я уверена, он придумает что-нибудь толковое, и окажется, что все твои метания абсолютно напрасны. Так что давай больше не будем об этом. – Филлис глянула на часы. – Что ты скажешь по поводу чашечки ароматного китайского чая?

2

Дипбрук

Алек Хаверсток, выпускник Винчестерского колледжа и Кембриджского университета, экономист-аналитик в области капиталовложений, менеджер инвестиционной компании «Форбрайт норзерн инвестмент траст» и директор банка «Мерчант» в составе «Сэндберг Харперз», был уроженцем – к удивлению многих – одного из графств, расположенных к юго-западу от Лондона.

Он появился на свет в Чагуэлле, был вторым сыном в семье, которая на протяжении трех поколений возделывала участок земли площадью около тысячи акров на западных склонах Дартмура. Длинный и низкий каменный дом с большими комнатами, в котором вырос Алек, был предназначен для проживания большой семьи. Прочный и надежный, фасадом он был обращен на холмистые зеленые пастбища, где паслись стада молочного скота гернзейской породы, на зеленые пашни и небольшую речушку Чаг, утопающую в камышовых зарослях. Дальше, на горизонте, виднелся пролив Ла-Манш, зачастую затянутый пеленой тумана и дождя, но в ясные дни отливавший синевой на солнце.

Плодовитый род Хаверстоков подразделялся на множество ветвей, пустивших корни по всему Девону и Корнуоллу. Некоторые из этих отростков пошли по стезе, не связанной с сельским хозяйством, дали миру целую плеяду адвокатов, врачей и бухгалтеров, но в целом представители мужской половины клана сохраняли верность земле: разводили племенной скот, занимались овцеводством и коневодством, летом рыбачили, зимой охотились с английскими паратыми гончими. Кто-нибудь из молодых Хаверстоков непременно принимал участие в ежегодных скачках с препятствиями, и сломанные ключицы вызывали не больше переполоха, чем простуда.

Поскольку землю обычно наследовал старший сын в семье, младшим приходилось зарабатывать на жизнь другими способами, и они, следуя традиции девонских мужчин, обычно становились моряками. Хаверстоки всегда входили в фермерское сообщество страны, и вот уже более ста лет представители этого рода неизменно служили офицерами британских Военно-морских сил, причем в самых разных званиях – от младшего гардемарина до капитана, а двое даже стали адмиралами.

В ВМС служил дядя Алека, Джеральд. Того же самого ожидали и от Алека, поскольку Чагуэлл должен был отойти к его старшему брату Брайану. Но он, в отличие от его грубовато-добродушных предков-моряков, родился под другой звездой, которая вывела его на совершенно иной путь. Упорства и сообразительности ему было не занимать, но уже после первого семестра в местной начальной школе стало ясно, что он еще и очень умен. С подачи директора этой маленькой школы Алек стал готовиться к поступлению в Винчестерский колледж, куда впоследствии был принят с правом на стипендию. Окончив Винчестерский колледж, Алек поступил в Кембриджский университет; там он занимался греблей, играл в регби, изучал экономику; по окончании курса получил диплом бакалавра. Алека, еще студента Кембриджа, заметил «разведчик талантов» из «Сэндберг Харперз»; он предложил ему работу в компании, находившейся в лондонском Сити.

Алеку тогда было двадцать два года. Он купил себе два темных деловых костюма, складной зонт, портфель и ринулся в волнующий новый мир с безрассудным энтузиазмом наездника, вознамерившегося перескочить на лошади забор из пяти перекладин. Его взяли в отдел банка, занимавшийся анализом экономической эффективности капиталовложений. Как раз тогда он и познакомился с Томом Боулдерстоуном, который к тому времени уже полгода работал в «Сэндберг Харперз». У молодых людей оказалось очень много общего, и, когда Том предложил Алеку переселиться в его квартиру, тот с радостью согласился.

То была счастливая пора. Несмотря на то что оба не покладая рук трудились в «Сэндберг Харперз», они находили массу возможностей для бездумных развлечений, которые, по большому счету, подворачиваются только раз в жизни. В их маленькой квартирке постоянно толпились блестящие молодые люди. Импровизированные вечеринки возникали на пустом месте: спагетти в кастрюле, упаковки пива на столике возле раковины – и пошло-поехало. Алек купил свой первый автомобиль, и на выходные вместе с Томом и парой девчонок ездил за город к кому-нибудь в гости, летом – на крикетные матчи, зимой – на охоту.

Именно Алек познакомил Дафну с Томом. Он учился с ее братом в Кембридже, и тот попросил его присмотреть за невинным созданием, когда Дафна устроилась на работу в Лондоне. Просьба друга не привела его в восторг, но он был приятно удивлен, когда увидел, что Дафна мила, как картинка, и восхитительно забавна. Пару раз он сам пригласил ее на свидание, а потом одним воскресным вечером привел домой, где она приготовила для него и Тома отвратительную яичницу, хуже ему пробовать не приходилось.

Несмотря на то что Дафна совсем не умела готовить, Том, к удивлению Алека, влюбился в нее. Долгое время она отклоняла его ухаживания, продолжая флиртовать со своими многочисленными поклонниками, но Том, упрямый парень, регулярно предлагал ей руку и сердце и регулярно слышал в ответ бесконечные отговорки. Как следствие, его первоначальная эйфория сменилась глубоким унынием, но, едва он решил, что у него нет шансов завоевать любовь Дафны, и начал изживать ее из своего сердца, она, возможно почувствовав его настрой, внезапно изменила к нему отношение, бросила всех остальных ухажеров и сказала Тому, что выйдет за него замуж. Алек на их свадьбе был шафером. После Дафны, очень молодая и совсем неопытная миссис Боулдерстоун, как и полагается, переселилась к мужу.

Алеку пришлось подыскивать новое жилье. Вот тогда-то, на этом раннем этапе своей карьеры, он и приобрел дом в Ислингтоне. Никто из его знакомых не жил в этом районе, но, когда он впервые увидел свой будущий дом, тот ему показался просторнее и красивее, чем убогие каморки и коттеджи, принадлежавшие его друзьям. К тому же цены на недвижимость в Ислингтоне были ниже, чем в других районах Лондона. И недалеко от Сити.

Банк помог Алеку оформить ипотеку, и он переехал в свое новое жилище. Дом был высокий и узкий, но с полуподвальным помещением, которое ему, в общем-то, было не нужно. Алек дал в местной газете объявление о сдаче внаем цокольного этажа, на которое откликнулась миссис Эбни, вдова средних лет. Ее муж был строителем, детей она не имела. Была у нее

только канарейка по кличке Дикки, которую она намеревалась привезти с собой. Алек сказал, что против канареек ничего не имеет, и они договорились, что миссис Эбни займет цокольный этаж. Такой расклад устраивал обоих: миссис Эбни получала жилье, а Алек – смотрительницу, которая соглашалась гладить ему рубашки.

После пяти лет работы в «Сэндберг Харперз» Алека перевели в Гонконг.

Том оставался в Лондоне, и Дафна жутко завидовала Алеку.

– Не понимаю, почему ты едешь, а Том – нет.

– Он умнее меня, – добродушно ответил за друга Том.

– Вовсе нет. Просто он более рослый и симпатичнее, чем ты.

– Ну все, хватит.

Дафна рассмеялась. Ей нравилось, когда Том начинал демонстрировать свою властность.

– Алек, дорогой, тебе там понравится. Я дам тебе адрес своей лучшей подруги. Она как раз сейчас там гостит у брата.

– Он работает в Гонконге?

– Наверное, китаец.

– Не болтай глупости.

– Мистер Ху Флун Дун.

– Ты прекрасно знаешь, что брат Эрики не китаец. Он служит капитаном в Королевском полку.

– Эрика, – произнес Алек.

– Да. Эрика Дуглас. Чертовски обаятельная, спортивная и вообще умница.

– Просто лапочка, – раздраженно буркнул Том.

– Хорошо, пусть будет *лапочка*, если тебе так хочется все испортить. – Дафна повернулась к Алеку. – Она не лапочка. Просто замечательная женщина, красавица.

Алек сказал, что он в том не сомневается. Неделей позже он улетел в Гонконг и, как только там обустроился, пустился на поиски Эрики. Она жила с друзьями в красивом доме на склоне Пика². Слуга-китаец открыл ему дверь и через дом провел на тенистую террасу, с которой он увидел внизу высушенный солнцем сад и бассейн в форме почки с голубой водой. «Мисси Эллика плавает», – сообщил ему слуга, неопределенно махнув рукой. Алек поблагодарил его и стал спускаться к бассейну, возле которого отдыхали шесть-семь человек. Один из мужчин, самый старший в компании, заметив его, поднялся с шезлонга и пошел навстречу гостю. Алек представился и объяснил причину своего визита. Улыбнувшись, мужчина повернулся к бассейну.

Там в одиночестве плавала девушка, уверенным мастерским кролем передвигаясь в воде от бортика к бортику.

– Эрика!

Гладкая, как тюлень, она перевернулась на спину; черные волосы липли к ее голове.

– К тебе пришли!

Девушка подплыла к бортику, легко подтянулась, вылезла из воды и подошла к ним. Высокая, длинноногая, покрытая медным загаром, она была прекрасна. На ее лице и теле блестели капли воды.

– Привет. – Она широко, открыто улыбнулась, обнажив ровные ослепительно-белые зубы. – Ты Алек Хаверсток. Дафна написала про тебя. Я вчера получила ее письмо. Пойдем выпьем что-нибудь.

Алек с трудом верил своему счастью. В тот же вечер он пригласил ее на ужин, и потом они почти не расставались. После унылого Лондона Гонконг казался самой настоящей ярмаркой

² Имеется в виду Виктория-Пик – центральный район Гонконга, находящийся на холме.

развлечений, многолюдным торжищем, где бедность и богатство соседствуют на каждом углу. Это был мир контрастов, одновременно шокирующий и чарующий, мир жары, солнца и синего неба.

И сразу у них обоих нашлось столько дел. Вместе они плавали и играли в теннис, рано утром катались верхом, на маленькой прогулочной лодке ее брата ходили под парусом в синей открытой бухте Рипалс-бей, а вечерами погружались в пышную круговорот светской жизни Гонконга: коктейли на борту теплоходов; званые ужины в роскошных заведениях – Алек даже не представлял, что такие вообще существуют; военные церемонии – в честь дня рождения королевы и «Сигнал отбоя»; военно-морские парады. Казалось, жизнь предоставила все возможные блага в распоряжение двух молодых людей, стоящих на пороге большой любви, и до Алека наконец дошло, что самое лучшее из них – это сама Эрика. И вот однажды вечером, везя ее домой с очередной вечеринки, он сделал ей предложение руки и сердца. Она, как и полагается, радостно вскрикнула и бросилась ему на шею, так что он едва не съехал с дороги.

На следующий день они пошли по магазинам, и Алек в честь помолвки купил ей кольцо с самым большим сапфиром, какой только мог себе позволить. Ее брат устроил в их честь вечеринку в армейском клубе, где за относительно короткое время было выпито просто немыслимое количество шампанского, – такого Алек еще не видел.

Обвенчал их епископ в соборе Гонконга. На церемонию бракосочетания из Англии прилетели родители Эрики. Невеста была в белом батистовом платье, украшенном белой вышивкой. На медовый месяц новобрачные отправились в Сингапур, а после вернулись в Гонконг.

В общем, первый год совместной жизни молодожены провели на Дальнем Востоке, но потом идиллия закончилась. Срок командировки Алека истек, и его отозвали в Лондон. Они вернулись в Англию в ноябре – унылый месяц даже в самые лучшие времена, – и, когда подъехали к дому в Ислингтоне, Алек поднял молодую жену на руки и перенес через порог. По крайней мере, она не замочила ноги, ведь дождь лил как из ведра.

Дом не произвел впечатления на Эрику. Глядя на свое жилище глазами жены, Алек был вынужден признать, что его интерьер не особо вдохновляет. Посему он сказал ей, чтобы она изменила все, что сочтет нужным, счета он оплатит. Несколько месяцев она с энтузиазмом занималась обустройством их семейного гнездышка, и к тому времени, когда все комнаты были отремонтированы, по-новому декорированы и обставлены новой мебелью – по вкусу Эрики, родилась Габриэла.

Впервые взяв дочь на руки, Алек испытал самые невероятные ощущения, к которым не был готов. Робость, нежность, гордость охватили все его существо, когда он откинул уголок конверта и заглянул в крошечное, покрытое легким пушком личико, увидел яркую синеву ее открытых глаз, высокий лоб, мысик ершистых шелковистых черных волос.

– Желтая она какая-то, – сказала Эрика. – Как китаянка.

– Вовсе нет.

Через несколько месяцев после рождения Габриэлы Алека снова отправили на восток, на этот раз в Японию. Но теперь все было по-другому, и он почти стыдился своего нежелания покидать маленькую дочурку даже на три месяца. В этом он не признался никому, даже Эрике.

Прежде всего Эрике. Эрика не была прирожденной матерью. Лошади всегда интересовали ее больше, чем дети, и она не выразила особой радости, когда поняла, что ждет ребенка. Физические проявления беременности вызывали у нее отвращение... Она ненавидела свои налившиеся груди, огромный живот. Долгое ожидание навевало на нее тоску, и даже увлеченность обустройством дома не помогала ей мириться с утренней тошнотой, вялостью и наваливавшимися от случая к случаю приступами усталости.

И конечно же, ей жутко не понравилось, что Алек едет на Дальний Восток без нее. Эрику возмущало, что муж отправляется в командировку один, оставляя ее дома в Лондоне – из-за Габриэлы.

– Габриэла тут ни при чем. Даже если б у нас не было Габриэлы, ты все равно не поехала бы со мной – это не такая командировка, в которую берут жен.

– И что прикажешь мне делать здесь одной? Пока ты там будешь ухлестывать за гейшами?

– Поезжай к матери.

– Не хочу я жить у матери. Она слишком много суетится вокруг Габриэлы, смотреть тошно.

– Тогда вот что... – Во время этого разговора Эрика лежала на их супружеском ложе, и теперь он сел рядом и положил руку на изгиб ее обмякшего бедра. – Том Боулдерстоун достает меня с одной идеей. Они с Дафной в июле хотят поехать в Шотландию на рыбалку. Энсти тоже едут. Они надеялись, что и мы составим им компанию.

– Куда именно? – спросила Эрика через какое-то время. Голос у нее по-прежнему был недовольный, но он знал, что привлек ее внимание.

– В Сазерленд. В местечко под названием Гленшандра. Там есть один отель с отличной кухней. Тебе делать ничего не нужно. Просто будешь отдыхать, радоваться жизни.

– Знаю. Дафна мне рассказывала. Они с Томом были там в прошлом году.

– Тебе понравится рыбачить.

– А как же Габриэла?

– Может, оставить ее у твоей матери? Как думаешь, она согласится?

Эрика перевернулась на спину, убрала с глаз волосы и посмотрела на мужа. Заулыбалась.

– Я предпочла бы поехать в Японию, – сказала она.

Он наклонился и поцеловал ее в улыбающиеся губы.

– Шотландия – тоже неплохо.

– Ладно, Шотландия так Шотландия.

Так у них и повелось. Шли годы. Алек был весь в работе, круг его обязанностей расширялся, он делал успешную карьеру. Габриэле исполнилось четыре года, потом пять, она пошла в школу. Когда у Алека находилось время, чтобы остановиться и взглянуть на свой брак со стороны, он приходил к выводу, что они живут не хуже, чем все его семейные друзья. Конечно, в их жизни случались взлеты и падения, как же без этого, но впереди всегда – словно манящая награда, ожидающая победителя многокилометрового забега, – был отдых в Шотландии, который стал уже ежегодной традицией. Даже Эрика ждала этого события с не меньшим энтузиазмом, чем Алек. Атлетичная от природы, она, как и все спортсмены, обладала хорошей координацией движений, чувством времени и наблюдательностью, и очень быстро научилась удить «на муху», как будто всю жизнь только этим и занималась. Поймав своего первого лосося, она от счастья плакала и смеялась одновременно и, глядя на ее детский восторг, на радостное возбуждение, Алек снова почти влюбился в нее.

В Шотландии они были счастливы; беззаботные деньки бодрили, как порыв свежего ветра, пронесшегося по душному помещению и рассеявшего обиды, очистившего воздух.

Когда Габриэла подросла, они стали брать ее с собой.

– Она будет помехой, – сказала Эрика.

Но Габриэла никому не мешала, она не была занудным ребенком. Она была очаровательна, и именно в Гленшандре Алек по-настоящему узнал свою маленькую дочурку. Он беседовал с ней, слушал ее или просто наслаждался ее дружеским молчанием, когда она сидела рядом на берегу, наблюдая, как он забрасывает удочку в бурую мутную воду.

Но для Эрики одних только вылазок в Гленшандру было недостаточно. Ничто не могло унять ее раздражительность, неугомонность. Она все так же злилась на мужа за его заграничные командировки, за то, что он постоянно путешествует по заморским странам без нее. Каждый его отъезд сопровождался скандалом, и Алек улетал в подавленном настроении, в его ушах звенели ее сердитые обидные слова. Теперь она говорила, что ненавидит их дом, который

прежде приводил ее в восторг. Он слишком маленький, ее от него тошнит, тошнит от Лондона, кричала Эрика. «Наверное, скоро она скажет, что ее и от мужа тошнит», – думал Алек.

Упрямства ему было не занимать. В конце длинного утомительного дня он меньше всего был настроен потакать прихотям вечно всем недовольной жены. Он категорически заявил, что не намерен менять удобный дом на более просторное жилье в престижном районе Лондона, которое обойдется ему в кругленькую сумму; чтобы заработать эти деньги, ему придется чаще ездить в командировки.

Эрика потеряла самообладание:

– Ты ни о ком не думаешь, кроме себя. Конечно, тебе-то ведь не приходится целыми днями торчать в этом курятнике, зажатом меж ислингтонскими тротуарами. Вон Том с Дафной... Купили дом в Кэмпден-хилле.

Именно в этот момент, слушая вопли жены, Алек впервые осознал, что, возможно, в один прекрасный день их брак распадется. Эрика обвинила его в эгоизме, и, хотя она преувеличивала, он действительно настолько был увлечен работой, что зачастую забывал обо всем другом. А для Эрики все было иначе. Просто роль домашней хозяйки и матери ее не устраивала, и хотя вечерами они вели активную светскую жизнь – Алеку казалось, что они вообще никогда не ужинают дома, – Эрика все равно не успевала выплескивать всю свою безграничную энергию.

Когда она, высказав ему все накопившиеся претензии, умолкла, он спросил, чего она хочет.

– Мне нужно пространство, – отвечала она. – Большой сад, пространство для Габриэлы. Мне нужны простор и свобода. Деревья. Место, где можно ездить верхом. Я с самого Гонконга на лошадь не садилась. А раньше ездила верхом каждый божий день. Я не хочу сидеть в четырех стенах, когда ты уезжаешь за границу, а ты вечно в командировках. Я хочу принимать гостей. Хочу...

Конечно, ей нужен был загородный дом.

И Алек купил такой дом. В Нью-Форесте. Эрика потратила на его поиски три месяца, наконец нашла подходящий, и Алек, сделав глубокий вдох, выписал чек на требуемую огромную сумму.

Разумеется, это был компромисс, но Алек не мог игнорировать опасные сигналы ее отчаяния, тем более что теперь его финансовое положение позволяло дополнительные расходы на подобную роскошь. А может, это и не роскошь? Они будут возить туда Габриэлу на выходные и каникулы, да и недвижимость в условиях роста инфляции – самое надежное помещение капитала.

Дом – ему дали название Дипбрук, что означало «глубокий ручей», – был добротный, в стиле ранней викторианской эпохи, со множеством комнат, оранжереей, садом площадью в один акр, конюшнями на четырех лошадях, тремя акрами огороженного пастбищного участка. Фасад дома почти полностью скрывали огромные лиловые кисти глицинии. Перед ним был большой газон с кедром посередине и очаровательными старомодными разросшимися розовыми кустами.

Эрика наконец-то была счастлива. Она обставила дом мебелью, нашла садовника и приобрела пару лошадей для себя и маленького пони для дочери. Габриэле было уже семь лет, и пони она не очень любила, предпочитая часами качаться на качелях, которые повесил для нее на кедре Алек.

С матерью у Габриэлы было мало общего, хотя они вроде бы неплохо ладили. Когда ей исполнилось восемь лет, Эрика завела разговор о том, чтобы отправить дочь в школу-пансион. Алек пришел в ужас. Он считал, что в столь нежном возрасте нельзя отправлять в закрытые учебные заведения даже мальчиков, а тем более девочек. По этому поводу они долго спорили, но так ни о чем и не договорились. А потом Алеку пришлось на три месяца уехать в Нью-Йорк.

На этот раз обошлось без взаимных упреков и жалоб. Эрика тренировала для показа молодую лошадь и проводила мужа без сожаления, даже не глянув ему вслед, ибо в тот момент она не думала ни о чем, кроме своего занятия. По крайней мере, так показалось Алеку. Однако, когда он вернулся из Нью-Йорка, Эрика ему сообщила, что нашла совершенно идеальную школу-пансион для Габриэлы, уже записала туда дочь, начало учебы – со следующего семестра.

Это было воскресенье. Он прилетел в Хитроу и из аэропорта напрямик поехал в Дипбрук. Эрика поставила его перед фактом в гостиной, когда он наливал ей выпить, и там, стоя друг против друга по разные стороны камина, словно враги, они страшно поскандалили.

– Ты не имела права.

– Я тебя предупреждала.

– А я тебе запретил. Я не позволю, чтобы Габриэлу отослали в какой-то пансион.

– Я ее не отсылаю. Я ее отправляю в школу. Ради ее же блага.

– Кто ты такая, чтобы решать, что ей во благо?

– Я знаю, что ей не во благо. И это та убогая школа в Лондоне, в которую она сейчас ходит. Она – умная девочка...

– Ей всего десять лет.

– И она – единственный ребенок в семье. Ей необходимо общение.

– Которое ты могла бы ей обеспечить, если б не была слишком занята своими лошадьми, будь они прокляты...

– Это ложь... И почему я не должна заниматься лошадьми? Бог свидетель, я и так много времени посвящаю заботам о Габриэле... А от тебя, между прочим, помощи никакой... Ты все время в разъездах. – Эрика стала мерить шагами комнату. – И я пыталась привить ей интерес к тому, что я делаю... Как только ни старалась. Купила ей пони. Но ей больше нравится смотреть телевизор и читать книжки. Откуда у нее появятся друзья, если ничем другим она не занимается?

– Я не хочу, чтобы она училась в школе-пансионе...

– О, ради бога, не будь эгоистом...

– Я думаю о ней. Неужели непонятно? Я думаю о Габриэле...

Его душила ярость. Он физически ощущал гнев, сдавивший грудь. Эрика молчала. Развернувшись на другом конце комнаты, она остановилась и внезапно замерла на месте, глядя не на Алека, а куда-то мимо него. Выражение ее лица не изменилось. Бледная и надменная, она стояла, крепко обхватив себя руками. Побелевшие от напряжения, они казались обескровленными на фоне ее алого шерстяного свитера.

В наступившей тишине Алек поставил на стол свой бокал и медленно повернулся. Сзади, в проеме открытой двери, стояла Габриэла в джинсах и спортивном джемпере с изображением Снупи³ на груди. Она была босиком, ее длинные темные волосы, словно шелковый занавес, ниспадали ей на плечи.

Он пристально посмотрел в глаза дочери. Она потупила взор и стала теревать дверную ручку. Ждала, что ей скажут. Ждала, чтобы ей сказали хоть что-нибудь.

Алек сделал глубокий вдох.

– Что случилось?

– Ничего. – Она пожала хрупкими плечиками, ссутулилась. – Просто слышала, как вы кричите.

– Мне очень жаль.

– Я только что сообщила папе про школу, Габриэла, – сказала Эрика. – Он не хочет отправлять тебя туда. Считает, что ты еще маленькая.

– А ты сама хочешь там учиться? – мягко спросил дочку Алек.

³ Снупи – добрый мечтательный песик, персонаж серии комиксов «Орешки» («Peanuts») художника Ч. Шульца.

Габриэла продолжала теревить дверную ручку.

– Я не против, – наконец промолвила она.

Алек знал, что Габриэла готова сказать что угодно, лишь бы они перестали ссориться. Его гнев утих, сменился печалью. И тогда он понял, что выбор у него небольшой: либо он настаивает на своем, что неизбежно выльется в громкий скандал со взаимными упреками, который отразится на Габриэле, либо умывает руки и соглашается с решением жены. Но как бы он ни поступил, в проигравших, он знал, окажется Габриэла.

Позже, приняв ванну и переодевшись, он зашел в комнату дочери, чтобы пожелать ей спокойной ночи. Габриэла в пижаме и тапочках сидела на коленях в полумраке перед телевизором. Он опустился на кровать, стал наблюдать за ее лицом. Ему был виден ее профиль, озаренный светом телевизионного экрана. В десять лет она не была прелестной, как в раннем детстве, еще не была красавицей, какой ей суждено стать, но для Алека она была дороже всего на свете, казалась ему такой беззащитной, что у него щемило сердце при мысли о том, что ждет ее впереди.

По окончании передачи Габриэла встала, выключила телевизор, включила ночник и задвинула шторы – она была невероятно организованным аккуратным ребенком. Когда она подготовилась ко сну, Алек взял ее за руку, притянул к себе, поцеловал.

– Мы больше не ссоримся. Прости. Нельзя было поднимать такой шум. Надеюсь, ты не расстроилась.

– Почти все рано или поздно поступают в школу-пансион, – сказала она.

– А ты хочешь там учиться?

– Ты будешь меня навещать?

– Непременно. Во все родительские дни. Ну и, конечно, будут каникулы. И еще праздники.

– Мама возила меня в ту школу.

– Ну и как там?

– Лаком пахнет. Но у директора доброе лицо. И она молодая. Разрешает брать с собой плюшевых мишек и другие игрушки.

– Послушай... если не хочешь ехать...

Габриэла отстранилась от него, передернула плечами.

– Я не против, – снова сказала она.

Он сделал все, что мог. Алек поцеловал дочь, вышел из ее комнаты и спустился вниз.

Эрика в очередной раз победила, и три недели спустя Габриэла в серой школьной форме, прижимая к себе плюшевого мишку, отправилась в новую школу. Алеку казалось, будто вместе с дочерью он оставил в той школе частичку самого себя. Прошло некоторое время, прежде чем он привык возвращаться в пустой дом.

Теперь рисунок их жизни полностью изменился. Избавившись от ответственности за Габриэлу, Эрика находила массу причин, чтобы не возвращаться в Лондон. Она фактически поселилась в их загородном доме. То лошадь новую нужно было обьезжать, готовить к показу, то заниматься организацией соревнований по линии клуба «Пони». Через некоторое время Алеку уже казалось, что они вообще не бывают вместе. Иногда, если в Лондоне намечалась какая-то вечеринка, или ей требовалось сходить в парикмахерскую, или купить новую одежду, Эрика приезжала в город в середине недели, и он по возвращении в их дом в Ислингтоне видел, что все комнаты уставлены свежими цветами, привезенными из Дипбрука, чувствовал ее запах. На перилах висело ее манто, сама она с кем-то из подруг – возможно, с Дафной – болтала по телефону.

– Всего на пару деньков, – доносился до него ее голос. – Ты идешь к Рамси сегодня вечером? Давай пообедаем завтра вместе. В «Капризе»? Договорились. Примерно в час. Столик я закажу.

В отсутствие Эрики за Алеком присматривала миссис Эбни. Шаркая, она выходила из своей комнаты на цокольном этаже и приносила ему наверх пастуший пирог или тушеное мясо в горшочке. А вечерами он часто сидел один – пил виски с содовой, смотрел телевизор или читал газету.

Хотя бы ради Габриэлы следовало создавать видимость, что у них прочный счастливый брак. Возможно, этот фарс не убеждал никого, кроме него самого, но Алек, когда находился в Лондоне – а теперь по делам компании ему еще чаще, чем прежде, приходилось бывать в заграничных командировках, – в пятницу вечером непременно садился в машину и ехал в Дипбрук.

Но там тоже уклад изменился, ибо Эрика в последнее время взяла за привычку приглашать на выходные гостей. Словно она воздвигала стену между собой и мужем, словно не хотела провести с ним наедине даже несколько часов. Едва Алек устало вылезал из машины, ему тут же приходилось встречать гостей, носить чемоданы, наливать напитки, откупоривать бутылки с вином. В былые дни он восстанавливал силы после трудовой недели, работая в саду: ему нравилось подстригать живую изгородь, ухаживать за газоном. У него находилось время на то, чтобы посадить луковичные растения, подрезать розовые кусты, напилить дров, подправить покосившийся забор.

Теперь же в доме всегда было так много людей, требовавших его внимания, что он ни минуты не был предоставлен сам себе. А он был любезным и обходительным хозяином. Даже когда гости сильно утомляли его, он никогда не терял выдержки, никогда не посылал их ко всем чертям: сами езжайте на скачки, сами ищите дорогу в заповедный парк, сами ставьте для себя садовые стулья, сами наливайте себе свои чертовы напитки.

Однажды в пятницу вечером в начале сентября 1976 года, когда лето выдалось особенно знойным, Алек сел в машину, захлопнул дверцу и отправился в Дипбрук. Он любил Лондон, это был его дом, и, как Сэмюэл Пипс⁴, он никогда от него не уставал. Но в кои-то веки Алек испытал облегчение при мысли о том, что уезжает из города. Нескончаемая жара, засуха, пыль и грязь стали врагами. Зелень в парках, обычно такая сочная, увяла, усохла, будто в пустыне. Истоптанная трава пожухла, омертвела; тут и там давали ростки зловещие, незнакомые, прежде невиданные сорняки. Сам воздух был затхлым, спертый; в безветренные вечера двери домов были распахнуты настежь; а опускающееся за горизонт солнце, оранжевое на фоне затянутого маревом неба, не вселяло оптимизма: следующий день обещал быть еще более испепеляющим.

Сидя за рулем, Алек умышленно старался не думать о проблемах минувшей недели. К этому он давно себя приучил. Теперь круг его обязанностей был невероятно широк, и в какой-то момент он обнаружил, что данная тактика идет ему только на пользу, ибо, когда он возвращался в понедельник утром на работу со свежей головой, оказывалось, что в подсознании уже созрели решение или идея, которые прежде ускользали от него.

И сейчас, направляясь на юг через изнемогающие от жары пригороды, он думал не о работе, а о предстоящих двух днях. Как раз этих выходных он не страшился. Напротив, ждал их с нетерпением. В кои-то веки дом не будет набит незнакомцами. Лишь месяц назад они вернулись из Гленшандры, а Эрика еще в Шотландии запланировала именно на эти выходные пригласить супругов Энсти и Боулдерстоун.

– Мы чудесно проведем время, – пообещала она им. – Вспомним Гленшандру и как мы там рыбачили.

Габриэла тоже была дома. Ей уже исполнилось тринадцать, и Алек купил дочери снасть для ловли форели. Джейми Радд, инструктор по рыболовству, научил ее пользоваться новой

⁴ Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник Адмиралтейства. В 1660–1669 гг. вел дневник – важный источник сведений о жизни и быте того времени (опубл. в XIX в.).

игрушкой. Девочка была счастлива. Школа-пансион, вызывавшая у Алека столь глубокие сомнения, тоже оказалась удачным выбором (и это его бесило). Эрика была не дура и приложила немало усилий для того, чтобы найти учебное заведение, удовлетворявшее потребностям Габриэлы, и девочка, поскучив по дому с семестр, успешно адаптировалась в новой школе и нашла себе друзей. Алек ничего не имел против, когда у них гостили супруги Боулдерстоун и Энсти, – они были почти родные. Они часто бывали у них и знали, как позаботиться о себе. Может быть, в субботу или в воскресенье после обеда он сходит куда-нибудь вдвоем с Габриэлой. Может, поплавают вместе. При этой мысли он повеселел. Машин на дороге становилось меньше. Он выехал на автостраду и теперь мог прибавить скорость и покатить с ветерком. Мощная машина рванулась вперед.

В Нью-Форесте тоже стояла жара, но то была не городская духота. Дипбрук дремал. От кедра на газон падала длинная тень, остывающий вечерний воздух наполняло благоухание распустившихся роз. Над террасой был поднят навес, укрывавший от солнца несколько садовых стульев. Дом имел глухой вид, ибо Эрика, чтобы в комнатах сохранялась прохлада, задвинула шторы на всех окнах и они были похожи на глаза слепого.

Алек припарковался под мерцающей сенью серебристой березы и выбрался из машины, радуясь, что наконец-то можно размять ноги и расправить потные плечи.

– Папа! – услышал он голос Габриэлы и увидел, как она бежит к нему по газону.

Она была в бикини и старых резиновых сандалиях; волосы на голове подняты вверх и стянуты в тугий узел. С такой прической она казалась совсем взрослой. В руке она держала букет желтых цветов.

– Смотри, – сказала Габриэла, протягивая ему цветы. – Лютики.

– Где ты их нашла?

– У ручья. Мама сказала, что хочет поставить цветы на обеденный стол, а в саду все завяло, потому что нам не разрешают тратить воду на полив. Конечно, мы время от времени тайком поливаем, но цветов почти нет. Как дела? – Девочка потянулась к нему, он наклонился и поцеловал дочь. – Ну и жарко. Свариться можно, да?

Алек согласился с дочерью. Он открыл машину и взял с заднего сиденья свой чемодан. Вдвоем они медленно пошли по гравию к дому.

– Где мама? – спросил Алек, проследовав за дочерью на кухню.

– Наверное, на конюшне. – Габриэла наполнила кружку водой и поставила в нее цветы. Алек открыл холодильник и налил себе бокал свежего апельсинового сока. – Она попросила меня накрыть на стол, потому что у нее самой, как она объяснила, не будет на это времени. Остальные еще не приехали. Я говорю про Боулдерстоунов и Энсти. Пойдем, посмотришь стол и скажешь, все ли я правильно сделала. Мама так привередлива, опять скажет, я забыла что-нибудь.

Шторы на окнах гостиной были задернуты, и в комнате царили сумрак и тени; стоял едва уловимый запах вечеринок, сигар и вина. Габриэла раздвинула шторы.

– Уже прохладнее, мама не станет ругаться.

В окна хлынули потоки желтого солнечного света, в котором кружились пылинки. Начищенное серебро, хрусталь и стекло заискрились на свету. Алек глянул на стол и сказал, что сервировка идеальна. Он не лгал. Габриэла использовала белые подставки и бледно-желтые салфетки. Свечи в изящных серебряных подсвечниках тоже были желтые.

– Вот я и подумала, что лютики будут в самый раз... Они со всем здесь хорошо сочетаются... Если поставить их в серебряную вазу... Мама по цветам спец... – Девочка глянула на отца. – Что-то не так?

Алек нахмурился:

– Ты накрыла на восемь персон. Я думал, нас будет всего шестеро.

– Со мной семь. Я тоже буду за столом. И еще некто Стрикленд Уайтсайд.

– Стрикленд Уайтсайд? – Он чуть не расхохотался. Ну и имечко. – Что еще за... Стрикленд Уайтсайд? – *Знакомое имя*, промелькнуло в сознании Алека. *Где-то слышал о нем.*

– Ой, папа, это мамин новый приятель. Очень знаменитый. Жутко богатый американец из Виргинии. Он тоже ездит верхом.

И тут он вспомнил.

– Точно. – Алек щелкнул пальцами. – Так и знал, что слышал о нем. В журнале «Филд» была статья о нем и его лошадях. Вернее, об одной. О здоровенной животине ростом со слона.

– Так и есть. Это конь по кличке Белый Самба.

– И чем он занимается, когда не ездит верхом?

– Ничем. Работа, офис и прочее занудство не для него. Он просто ездит верхом. У него огромный дом на реке Джеймс, огромный участок земли – он показывал мне фотографии. Он выигрывал конные состязания по всей Америке, а теперь приехал сюда объезжать наших лошадей.

– Видать, серьезный парень.

Габриэла рассмеялась:

– Ты же знаешь, какие у мамы друзья-лошадники. Но, вообще-то, он довольно милый... Знаешь, из тех, кто сразу старается произвести впечатление.

– Он у нас останется?

– Нет, ему есть где ночевать. Он снимает дом в Тикли.

Алек был заинтригован:

– И где же мама с ним познакомилась?

– На выставке лошадей в Алвертоне, кажется. Точно не знаю. Смотри, я для вина те бокалы поставила? Всегда путаю их с бокалами для хереса и портвейна.

– Те. Молодец. Ты все правильно сделала. – Алек улыбнулся. – И как к нему обращаться? Стрикленд? Не уверен, что сумею удержаться от смеха, если придется звать его Стриклендом.

– Все зовут его Стриком.

– Час от часу не легче.

– Да он не такой уж плохой. Ты только представь, с каким удовольствием Дафна Боулдерстоун будет строить ему глазки. Ее хлебом не корми, дай пококетничать с новым мужчиной. Сколько можно очаровывать старого зануду Энсти? Хоть какое-то разнообразие.

– Я тоже старый зануда?

Габриэла руками обхватила его за пояс и прижалась щекой к его груди.

– Ты не зануда. Ты – супер, самый лучший. – Она отстранилась от него, приняла серьезный деловой вид. – Ладно, пойду займусь цветами.

Он нежился в холодной ванне, когда услышал, как Эрика поднялась по лестнице и вошла в их спальню. Он окликнул ее, она появилась в открытом дверном проеме и плечом прислонилась к стене, сложив на груди руки. Выглядела она очень загорелой. Было видно, что она утомлена и изнывает от жары. Черные волосы подвязаны на затылке хлопчатобумажным носовым платком. На ней были старые грязные джинсы, сапоги для верховой езды и рубашка, некогда принадлежавшая ему. Как всегда, в своей лошадной униформе, подумал Алек.

– Привет, – сказал он.

– Привет. Рано ты сегодня. Я не ждала тебя так скоро.

– Хотел освежиться перед приходом гостей.

– Как Лондон?

– Раскаленная духовка.

– Здесь тоже жарко. Воды мало.

– Слышал, с нами ужинает твой новый знакомый.

Эрика встретила его взгляд, улыбнулась:

– Габриэла доложила?
– Похоже, интересный парень.
– Не знаю, сочтешь ли ты его очень уж интересным, но я подумала, что его следует пригласить на ужин – в качестве дружеского жеста. Чтобы познакомить со всеми.
– Молодец, что пригласила. Возможно, у нас теперь появятся общие американские друзья, будем на пару перебивать им косточки. Что на ужин?
– Копченый лосось и куропатка.
– Отлично. Вино белое или красное?
– Наверное, и то и другое, ты как считаешь? Не мокни здесь долго, Алек. Мне тоже нужно принять ванну, а впопыхах это делать не хочется – слишком жарко.

Эрика повернулась и вышла в спальню. Он услышал, как она раздвинула зеркальные двери своего гардероба. Представил, как она стоит перед шкафом, пытаясь решить, что ей надеть. С задумчивым видом он отжал губку и потянулся за полотенцем.

Гости и Эрика сидели за столом. Алек, двигаясь по кругу, разливал всем вино. Окна гостиной были распахнуты. На улице было еще светло, очень тепло и безветренно. Сад дремал, окутанный ароматами летнего вечера. Бледное пламя свечей на столе мягко отражалось в хрустале и серебре. Лютики, восхитительно желтые, как сливочное масло, казалось, сами испускали сияние.

Алек поставил бутылку с вином на буфет и занял свое место во главе стола.

– Конечно, ты думаешь, что это тоска в сравнении с рыбалкой в девственных реках Америки. Но, поверь, Гленшандра – особенное место. Мы все его обожаем... Мы там прямо как дети.

Это бойко верещала Дафна, никому не давая вставить слова.

Стрикленд, Стрик – Алек не мог решить, какое из имен хуже – застенчиво улыбнулся:

– Вообще-то, я не силен в рыбалке.

– Ну конечно, что за глупости я говорю. У тебя ведь нет времени.

– Почему это у него нет времени? – спросил Том.

– Дорогой, откуда у него время, если он готовит лошадей ко всемирно известным конно-спортивным состязаниям?

– Конноспортивным, – хмыкнул Джордж. – Дафна, никогда бы не подумал, что ты знаешь такие длинные слова.

Она надула губы. Алек сразу вспомнил, какой она была в юности.

– Но оно же к месту, верно?

– Конечно, – заверил ее Стрикленд. – В самый раз.

– Спасибо. Хоть ты меня поддержал. – Дафна взяла вилку и нанизала на изящные серебряные зубья розовый ломтик копченого лосося.

Эрика рассадил гостей за столом в том порядке, в каком она, как правило, рассаживала их, когда на ужине присутствовали восемь человек. Алек сидел, как обычно, во главе стола, но сама Эрика села сбоку, уступив свое место Стрикленду Уайтсайду как почетному гостю. Получалось, что Алек и американец сидели строго друг против друга на разных концах стола. На самом деле видели они друг друга не очень хорошо – мешали высокие серебряные подсвечники. Когда Эрика сидела на своем привычном месте, подсвечники порой раздражали Алека, ибо ему приходилось крутиться и изворачиваться, если он хотел что-то ей сказать или перехватить ее взгляд. Но сегодня вечером он решил, что так, пожалуй, даже лучше.

Он хотел наслаждаться ужином, не натываясь постоянно на приводящий в замешательство взгляд голубых глаз Стрикленда Уайтсайда.

Американец сидел между Дафной и Эрикой, Алек – между Марджори Энсти и Габриэлой. Том и Джордж сидели друг против друга по центру стола.

Стрикленд тоже взялся за вилку.

– Ты едешь верхом? – спросил он у Марджори.

– Упаси боже. Сроду не садилась на лошадь, даже в школе. Жутко боюсь.

– Она лошадиную задницу от ляжки не отличит, – фыркнул Джордж.

– Джордж, – укоризненно протянула его жена, посмотрев на Габриэлу.

– Извини, Габриэла, забыл, что ты здесь.

Габриэла стушевалась, но Эрика вдруг закинула назад голову и рассмеялась – как над смущением Джорджа, так и над его шуткой.

Наблюдая за женой, Алек подумал, что она не зря потратила время, выбирая для себя наряд. На Эрике было платье в восточном стиле из светло-голубого тайландского шелка, серьги, которые он когда-то подарил ей на день рождения, и золотые браслеты на тонких запястьях. В этот вечер она выглядела потрясающе молодо. Лицо все так же прекрасно, подбородок – твердый, в волосах ни единой серебряной нити. Из них всех, решил Алек, она меньше всего изменилась с возрастом. Нет, конечно, они еще не постарели и даже не достигли средних лет, но молодыми, как когда-то, они уже не были.

Интересно, что думает об их компании Стрикленд? Какое впечатление производят на него они – разодетые, праздничные, собравшиеся за нарядным обеденным столом? Это все были старые друзья Алека, он знал их так давно, что внешность каждого принимал как данность. Алек заскользил взглядом по гостям, стараясь смотреть на них со стороны, глазами чужака, сидевшего на месте Эрики. Дафна – миниатюрная и стройная, как всегда, но в ее белокурых волосах серебрится седина. Джордж Энсти – тучный, с красным лицом; пуговицы едва не отлетают с рубашки, обтягивающей его большой живот. Марджори – из них всех она одна, казалось, спокойно, без сожалений, вступила в пору среднего возраста, не бросая надоедливых взглядов на прошлое через свое пышное плечо.

И Том. Том Боулдерстоун. Сердце Алека наполнилось любовью к человеку, который уже много лет был его самым близким другом. Он оценивал его объективно, не поддаваясь сентиментальности. И каким же видел его Алек? Мужчина сорока трех лет, лысеющий, в очках, бледный, умный. Мужчина, больше похожий на священника, чем на банкира. Он умеет улыбаться, сохраняя серьезный вид, и при надобности по окончании ужина может произнести столь остроумную речь, что в Сити ее будут цитировать несколько месяцев.

Красноречие Дафны иссякло, и Джордж Энсти, воспользовавшись наступившим затишьем, подался за столом вперед и спросил у Стрикленда, что заставило его приехать в Англию.

– Ну... – Американец обвел взглядом собравшихся и пренебрежительно усмехнулся. – В Штатах я попробовал себя почти во всем, что только можно, и мне казалось, что здесь я могу по-настоящему испытать свои силы.

– Должно быть, переезд было очень сложно организовать, – заметила Марджори. (Ее интересовали все виды организационной деятельности, и сама она занималась организацией «обедов на колесах»⁵ в своем районе.) – Аренда дома, перевозка лошадей... А конюхи как же?

– Тоже привез их с собой, и парочку подручных им в помощь.

– Они темнокожие или белые? – спросила Дафна.

– Всякие, – с улыбкой ответил Стрикленд.

– А экономка? – не унималась Марджори. – Неужели и ее вы с собой привезли?

– Конечно. Зачем бы я стал арендовать усадьбу Тикли, если за мной некому смотреть?

Марджори со вздохом откинулась на спинку стула.

– Ну надо же, прямо как в сказке. Моя прислуга появляется только два раза в неделю по утрам, а на самолете она вообще не летала.

⁵ «Обед на колесах» – система доставки горячей пищи престарелым и инвалидам; организована Королевским добровольным женским обществом.

– Считай, что тебе повезло, – сухо заметил Том. – Наша улетела на Майорку на выходные, вышла там замуж за официанта и назад не вернулась.

Все рассмеялись, но Том даже не улыбнулся. Алек пытался понять, что думает Том о Стрикленде Уайтсайте, но бледное умное лицо друга не выдавало его мыслей.

Американец прибыл на ужин, когда все они уже искупались, побрились, переоделись, надушились и в ожидании последнего гостя потягивали напитки. Услышав, как к дому подъехала его машина, Эрика выбежала ему навстречу. Пришли они вместе. Не было причин подозревать их в том, что они обнимались, только вот Эрика была как-то странно возбуждена, вся будто светилась изнутри, когда она вернулась в дом с улицы, где вечерний воздух наполняли ароматы уходящего лета. Она официально представила Стрикленда Уайтсайда мужу и друзьям. Тот ничуть не смутился, оказавшись в комнате, полной незнакомыми людьми, которые явно знали друг друга очень хорошо. Напротив, вид у него был снисходительный, довольный, словно он был уверен в своем превосходстве и считал, что это он должен разрядить атмосферу неловкости.

Американец, как предположил Алек, вероятно, попотел над своим туалетом: элегантного покроя темно-бордовый пиджак с медными пуговицами, голубая водолазка, брюки в бордово-голубую клетку, белые туфли. На жилистом запястье массивные золотые часы, на левой руке – крупный золотой перстень с печаткой. Высокий, худощавый, мускулистый, он, очевидно, был невероятно силен, но о возрасте его судить было трудно, ибо суровость черт – орлиный нос, крупный волевой подбородок, густой загар, глаза светлые, как монета в шесть пенсов, – смягчали пшеничные волосы, густые, как у мальчишки, поднимавшиеся надо лбом широкой волной.

– Рад знакомству, – сказал Стрикленд, когда Алек в знак приветствия пожал ему руку. У Алека возникло ощущение, что он сжал в ладони стальную пружину. – Эрика много о тебе рассказывала. Замечательно, что мы наконец-то познакомились. Для меня это большая честь.

Стрикленд продолжал расточать любезности, пустив в ход все свое обаяние. Со словами «моя маленькая подружка» поцеловал Габриэлу, позволил, чтобы ему налили martini, сел посреди дивана, закинул ногу на ногу, выставив напоказ свою худую лодыжку. Сразу стал расспрашивать про Гленшандру, словно зная, что эта тема, интересная для всех присутствующих, положит начало общей беседе. Марджори была очарована. Дафна не сводила с него глаз и первые пять минут не могла обрести дар речи. Правда, после у нее рот уж не закрывался.

– Расскажи про усадьбу Тикли. Там, кажется, жили Джерарды.

– И сейчас живут, – сказала Эрика.

Они уже ели куропатку, и Алек разливал по бокалам красное вино.

– Как они могут там жить, если их дом снял Стрик?

– Они сейчас в Лондоне, уехали на пару месяцев.

– Сами уехали или Стрикленд их выкурил?

– Это я их выпроводил, – признался Стрикленд.

– Он дал им денег, – объяснила Эрика. – Знаешь, такие старомодные бумажки, что носят в кошельке.

– То есть он их *подкупил*.

– Ой, ну что ты, Дафна.

Эрика смеялась над Дафной, но в ее тоне сквозило раздражение. Алек порой недоумевал, как две столь разные женщины могут дружить так долго. Они знали друг друга со школы, наверняка поверяли друг другу все свои секреты, но, в принципе, между ними не было ничего общего. Возможно, как раз это и стало залогом их долгой дружбы. Их интересы никогда не пересекались, а значит, их отношениям не грозило разрушительное прикосновение зависти.

Дафну интересовали только мужчины. Такой она уродилась, такой останется и в девяносто лет, если доживет до этого возраста. Она оживала только в присутствии мужчин, и, если

она не имела в запасе какого-нибудь воздыхателя, который водил бы ее пообедать в ресторан или звонил ей по утрам после того, как Том уходил на работу, жизнь теряла для нее всякий смысл, она впадала в уныние, становилась вспыльчивой и брюзгливой.

Том все это прекрасно понимал и принимал ее такой, какая есть. Однажды поздно вечером в разговоре с Алеком он признался:

– Я знаю, что она дура, но она – очень милая дура, и я не хочу потерять ее.

Что касается Эрики... Эрику мужчины интересовали постольку-поскольку, и Алек это знал. Последние несколько лет они фактически не жили вместе, но он не мучился догадками о том, как она проводит свое время. Подобные мысли вообще не приходили ему в голову.

Нельзя сказать, что Эрика была фригидна, но взрывной сексуальностью она никогда не отличалась. Чувства, необходимые другим женщинам, – страсть, возбуждение, привязанность, острые ощущения – ей заменяло увлечение лошадьми. Порой она напоминала ему маленьких девочек из клуба «Пони». С хвостиками и косичками, целеустремленные, они старательно надраивали упряжь, чистили своих маленьких лошадок.

– Это своеобразный заменитель секса, – сказал ему кто-то однажды, когда он обратил внимание на этот феномен. – Вот исполнится им по четырнадцать-пятнадцать лет, и уже не лошади их будут интересовать, а мужчины. Это известный факт. Естественный ход вещей.

Вероятно, Эрика некогда была именно таким ребенком. «Я ездила верхом каждый божий день, пока не отправилась в Гонконг». Но почему-то она так и не повзрослела. Какое-то время, возможно, она любила Алека, однако детей она не хотела, у нее никогда не было материнских инстинктов, присущих другим молодым матерям. При первой же возможности она вернулась к своей подлинной страсти. Поэтому она и заставила его купить Дипбрук. Собственно, поэтому она и отослала Габриэлу в школу-пансион.

Теперь ее жизнь вращалась вокруг лошадей. Они были центром ее мироздания, только их она по-настоящему любила. И новых друзей она заводила лишь из числа лошадиников.

Спустя два месяца после того уик-энда темным дождливым ноябрьским вечером Алек возвращался с работы в Ислингтон, как обычно, никого не ожидая застать дома. Никаких договоренностей у него на этот вечер не было, и это его радовало, поскольку он вез с собой полный портфель документов, с которыми не успел ознакомиться на работе, а на следующий день было запланировано заседание совета директоров, к которому он должен был подготовить тщательно продуманное выступление. Он рано поужинает, решил Алек, растопит камин, наденет очки и сядет за работу.

Наконец он свернул с Сити-роуд на свою улицу, Эбигейл-кресент. Его дом стоял на дальнем конце полумесяца, и он увидел, что в окнах горит свет. Значит, Эрика зачем-то прикатила в Лондон.

«Странно, – подумал Алек. – Погода плохая, вроде бы ни про какие светские визиты на этой неделе она не упоминала. Может, у зубного была или проходила ежегодный осмотр у своего врача на Харли-стрит?»

Он припарковался, но из машины не вылезал – сидел и смотрел на освещенный дом. Он привык к одиночеству, но оно его тяготило. Ему вспомнилось, как они жили здесь на первых порах по приезде из Гонконга, еще до рождения Габриэлы. Эрика обставляла дом мебелью, вешала шторы, ворочала огромные каталоги с образцами ковров, но всегда находила время, чтобы встретить его, когда он возвращался с работы. Так было. Пусть недолго, но было. На мгновение он позволил себе представить, будто прошедших лет не было, будто ничего не изменилось. Возможно, на этот раз она выйдет к нему навстречу, поцелует его, пройдет на кухню, нальет ему выпить. Они сядут и, потягивая напитки, поболтают о том о сем, расскажут друг другу, чем занимались в течение дня, а потом он позвонит в какой-нибудь ресторан, закажет столик и поведет ее на ужин...

Сияющие окна смотрели на него. Алек вдруг почувствовал себя усталым. Он смежил веки, закрыл глаза рукой, словно пытаясь стряхнуть усталость. Через какое-то время взял с заднего сиденья свой портфель, выбрался из машины, закрыл ее и по мокрому от дождя тротуару потащился к дому; пухлый портфель бил по колену. У входа он остановился, достал ключ, отпер дверь.

Он увидел ее пальто, небрежно брошенное на стул в холле, шелковый шарф фирмы «Гермес». Ощутил запах ее духов. Алек закрыл дверь и поставил свой портфель.

– Эрика.

Он прошел в гостиную. Она была там, сидела в кресле лицом к нему. До его прихода Эрика читала газету, которую теперь свернула и бросила на пол рядом с собой. На ней были желтый свитер, серая шерстяная юбка и длинные коричневые кожаные сапоги. Ее волосы в свете настольной лампы сияли, как отполированный каштан.

– Привет, – сказала она.

– Вот так сюрприз. Не знал, что ты приедешь.

– Я думала позвонить тебе на работу, но в этом не было смысла. Я знала, что найду тебя здесь.

– На мгновение я подумал, что забыл про какой-нибудь званый ужин. Мы сегодня куда-то идем?

– Нет. Никуда. Просто я хотела поговорить с тобой.

Очень странно.

– Что-нибудь выпьешь? – спросил Алек.

– Да. Если ты тоже будешь.

– Чего тебе налить?

– Виски, если можно.

Оставив ее, он прошел на кухню, налил две порции виски, бросил в них кубики льда и с двумя стаканами вернулся в гостиную, где его ждала жена.

Алек дал ей стакан виски:

– Холодильник, к сожалению, почти пуст, но, если хочешь, сходим куда-нибудь поужинаем...

– Я не останусь на ужин. – Алек вскинул брови, а Эрика без запинки продолжила: – И ночевать не останусь, так что не ломай голову над тем, как меня развлечь.

Он выдвинул стул и сел к ней лицом по другую сторону камина.

– Тогда зачем ты приехала?

Эрика глотнула виски и осторожно опустила стакан на журнальный столик с мраморным верхом, стоявший возле ее кресла.

– Я приехала сообщить, что ухожу от тебя, Алек.

Он не сразу нашелся что сказать. Она смотрела на него. Взгляд у нее был немигающий, мрачный, холодный.

– Почему? – через некоторое время тихо спросил он.

– Я больше не хочу жить с тобой.

– Мы и так фактически не живем вместе.

– Стрикленд Уайтсайд предложил мне уехать с ним в Америку.

Стрикленд Уайтсайд.

– Ты намерена уехать и жить *с ним*? – Он не сумел скрыть смущения в своем голосе.

– Тебя это удивляет?

Он вспомнил, как она вместе со Стриклендом вошла в дом в тот теплый благоуханный сентябрьский вечер.

Вспомнил, как она выглядела: была не просто прекрасна, вся сияла, лучилась изнутри. Такой он ее прежде не видел.

– Ты его любишь?

– Не могу сказать, любила ли я когда-нибудь по-настоящему, но Стрикленд вызывает во мне такие чувства, каких я раньше не знала. И это не просто безрассудная страсть. Нас связывают общие дела, общие интересы. Так было с самой первой встречи. Я не могу жить без него.

– Ты не можешь жить без Стрикленда Уайтсайда?

Нелепое имя по-прежнему резало слух. Да и сам вопрос его прозвучал нелепо, как строчка из некой комедии абсурда.

Эрика вспыхнула:

– Прекрати повторять, как попугай. Как тебе еще объяснить? Проще уже не скажешь. От того, что ты повторяешь мои слова, смысл их не изменится.

– Но ведь он моложе тебя, – недоуменно произнес Алек.

Она на мгновение растерялась.

– Да, моложе. Ну и что с того?

– Он женат?

– Нет. И никогда не был женат.

– Он хочет жениться на тебе?

– Да.

– Значит, тебе нужен развод?

– Да. Но независимо от того, дашь ты мне развод или нет, я все равно уйду. Уеду с ним в Виргинию. Я должна жить с ним. Мне все равно, что скажут люди. Я уже давно не в том возрасте, когда обращают внимание на такие вещи. Условности больше не имеют для меня значения.

– Когда ты уезжаешь?

– Улетаю в Нью-Йорк на следующей неделе.

– Стрикленд летит с тобой?

– Нет. – Впервые она смутилась. Опустила глаза, взяла виски. – Он уже в Штатах. В Виргинии. Ждет меня.

– А как же все эти важные мероприятия, в которых он собирался участвовать?

– Он отказался, все отменил.

– Интересно, почему?

Эрика подняла глаза:

– Счел, что так будет лучше.

– То есть трусил. Не хватило мужества встретиться со мной и сообщить самому.

– Неправда.

– Предоставил это тебе.

– Я сама так решила. Я не позволила бы ему остаться. Это я заставила его уехать. Не хотела скандалов, неприятных сцен, не хотела слов, которые лучше не произносить.

– Вряд ли ты ожидала, что меня это обрадует.

– Я уйду, Алек. Навсегда.

– Ты покидаешь Дипбрук?

– Да.

Это поразило его еще больше, чем то, что она его бросает.

– Я всегда думал, что этот дом для тебя важнее всего остального.

– Уже нет. В любом случае это твой дом.

– А твои лошади?

– Я беру их с собой. Стрикленд организовал их перевозку в Виргинию.

Как обычно, Эрика поставила его перед свершившимся фактом. Она всегда так поступала, когда была настроена добиться своего. Стрикленд, Дипбрук, ее лошади – она все про-

думала до мелочей. Но Алека это мало интересовало. Для него имел значение только один вопрос. В нравственной трусости упрекнуть Эрику он не мог. И потому молчал, ожидая, когда она продолжит. Но она сидела, безмолвно наблюдая за ним, ее серые глаза смотрели на него с вызовом, не мигая. Ждет, догадался Алек, когда он сделает первый выстрел, который положит начало борьбе за то единственное, что было по-настоящему важно.

– А Габриэла?

– Габриэлу я забираю с собой, – ответила Эрика.

Бой начался.

– Ну уж нет!

– Давай без крика, ладно? Выслушай меня, пожалуйста. Я ее мать и имею столько же прав, сколько и ты, даже больше, решать судьбу нашей дочери. Я уезжаю в Америку. Еду туда жить, и здесь уж ничего не изменишь. Если я заберу Габриэлу с собой, она будет жить с нами. У Стрикленда прекрасный просторный дом, большой участок земли. С теннисными кортами, бассейном. Для девочки возраста Габриэлы это замечательная возможность – молодежь великолепно проводит время в Америке, там все устроено для молодых. Пусть она использует этот шанс. Не лишай ее перспектив.

– А как же школа? – тихо спросил Алек.

– Я заберу ее из школы. Будет учиться там. В Мэриленде есть очень хорошая школа...

– Я ее не отпущу. Не хочу ее потерять.

– Алек, ты ее не потеряешь. Никто не запрещает тебе видеться с ней. Будешь общаться с ней, когда захочешь. Она будет тебя навещать. Можешь возить ее в Гленшандру на отдых со всеми. По сути мало что изменится.

– Я не отпущу ее в Америку.

– У тебя нет выбора, как ты не понимаешь. Даже если мы станем делить ее через суд, как бы ты ни старался, десять к одному, что Габриэлу отдадут *мне*, потому что ребенка с матерью разлучают только в самом крайнем случае. Я должна быть наркоманкой, либо нужно доказать, что я вообще не способна воспитывать свою дочь – только тогда суд задумается, следует ли отдать ее тебе. И представь, как этот кошмар отразится на Габриэле. Она и без того ранимый ребенок. Не хватало еще, чтобы мы втягивали ее в безобразное судебное разбирательство.

– Что для нее может быть страшнее, чем развод родителей? Страшнее, чем необходимость ехать в чужую страну, жить в чужом доме под одной крышей с человеком, которого она едва знает?

– Что ты предлагаешь, Алек? Решение мы должны принять сейчас. Времени на раздумья нет. Поэтому я и приехала сегодня. Она должна знать, что ее ждет.

– Я не позволю, чтобы она уехала.

– Хорошо, чего ты хочешь? Чтобы она жила с тобой? Ты не в состоянии заботиться о ней, Алек. У тебя нет на нее времени. Даже если она останется здесь в школе-пансионе, что она будет делать в каникулы? Как ты себе это представляешь? Ты ведь целый день на работе. И не говори, что за ней присмотрит миссис Эбни. Габриэла – умная девочка, и миссис Эбни, как ты понимаешь, не самое интересное для нее общество. У старушки только две темы для разговора: последние серии «Перекрестка»⁶ и ее дурацкая канарейка. А куда ты денешь Габриэлу, когда тебе придется лететь по делам в Токио или Гонконг? Возьмешь с собой?

– Я не могу просто так взять и отдать ее тебе как ненужную вещь, – сказал он.

– Да пойми: ничего такого не произойдет, если мы сделаем, как я говорю. Ну да, мы разошлись, для ребенка это ужасно, но Габриэла не первая и не последняя девочка, родители которой расстались. И потом, мы можем выработать толковый план действий, сделать так, чтобы Габриэла не очень страдала. Мне кажется, то, что я предлагаю, это идеальный вариант. На сле-

⁶ «Перекресток» – многосерийный телефильм о жизни персонала и гостей мотеля в одном из графств Центральной Англии.

дующей неделе она улетит со мной. Чтобы не тянуть резину: сказано – сделано. И сразу же окунется в новую жизнь: пойдет в новую школу, заведет новых друзей. – Она улыбнулась, и впервые в ней проглянула прежняя Эрика – очаровательная, благожелательная, обладающая даром убеждения. – Алек, давай не будем ссориться из-за дочери. Я знаю, Габриэла тебе очень дорога, но ведь она и мой ребенок тоже, это я ее вырастила. И мне кажется, не так уж плохо я ее воспитала и заслуживаю немного доверия. Оттого, что тебя не будет рядом с ней, я не перестану о ней заботиться. И Стрик очень хорошо к ней относится. Живя с нами, она будет иметь все самое лучшее. У нее будет замечательная жизнь.

– Мне казалось, я и создаю ей все условия для замечательной жизни, – сказал он.

– Конечно создаешь, Алек. Разве кто спорит? И никто не собирается лишать тебя этого права. Она будет приезжать к тебе, когда захочешь. Это мы уже обсудили. Она будет полностью в твоём распоряжении. Это будет здорово, вот увидишь. Соглашайся. Ради всех нас. Отпусти ее со мной. Это лучшее, что ты можешь для нее сделать. Я точно знаю. Не будь эгоистом... Ради Габриэлы.

– Знаю, мама уже тебе сообщила, объяснила, как все будет, – сказал Алек. – Но я хотел сам поговорить с тобой. Если тебя что-то тревожит...

Слушая себя, он поражался нелепости собственных слов. Мир Габриэлы рушился, а он говорил об этом как о некоей бытовой проблемке, которую он может устранить в считанные секунды.

– То есть... Все произошло внезапно. Мы не успели ничего обсудить, а через неделю ты улетаешь. Я не хотел, чтобы ты уехала, думая, что я не попытался увидеться с тобой. Жаль, что у нас мало времени, чтобы обо всем хорошенько поговорить. Ты обиделась, что мы не обсудили это с тобой?

Габриэла пожала плечами:

– От этого мало что изменилось бы.

– Ты была удивлена, когда мама сообщила тебе про себя и Стрикленда?

– Я знала, что он ей нравится. Но ей нравятся многие лошади. Никогда не думала, что она захочет уехать с ним в Америку.

– Она собирается за него замуж.

– Знаю.

Они медленно брели по пустынному спортивному полю – рядом, но по отдельности. День был ужасный – английская зимняя погода в ее худшем проявлении. Холод, застылость, промозглость, туман. Ни ветерка в сучьях голых деревьев, мглистое безмолвие нарушали лишь крики грачей. Вдалеке стояло здание школы, размещавшейся в бывшем загородном особняке. Некогда это было элегантное сооружение с пристройками и конюшнями; теперь в нем располагались спортивные залы и классные комнаты. В школе шли занятия, но Габриэле разрешили пропустить урок биологии, чтобы поговорить с отцом. Через некоторое время прозвенит звонок и на улицу выбегут девочки, одетые для игры в хоккей или нетбол⁷. Укутанные в свитера и полосатые шарфы, они будут с криками и визгом бегать по полю, жалуясь друг другу на холод. Но сейчас здание, в котором светились лишь несколько окон, казалось заброшенным, лишенным жизни.

– Может, тебе и понравится в Америке.

– Мама то же самое говорит.

– По крайней мере, тебе не придется заниматься спортом на улице в такую вот погоду. На солнышке играть в спортивные игры гораздо приятнее. Может, ты даже станешь чемпионкой по теннису.

⁷ Нетбол – род баскетбола для девочек.

Габриэла – она шла опустив голову, глубоко засунув руки в карманы, – поддела носком палку. Ладно, про теннис поговорили. Алек похолодел, сбитый с толку ее молчанием. Это была нетипичная реакция. Он всегда считал, что у него с дочерью доверительные отношения и они могут говорить на любые темы. Теперь он в том не был уверен.

– Я не хотел, чтобы так получилось, – произнес он. – Ни за что на свете. Ты должна это понимать. Но я никак не могу удержать твою маму подле себя. Ты ведь знаешь, какая она, если что-то вбила себе в голову. Табун диких лошадей не заставит ее свернуть с прямого пути.

– Я никогда, никогда не думала, что вы с мамой можете развестись, – сказала девочка.

– К сожалению, такое случается со многими детьми. У тебя ведь, наверное, есть друзья, у которых родители развелись.

– Но ведь сейчас речь обо мне.

И опять Алек не нашелся что сказать. В молчании они обогнули угол поля, миновали шест с мокрым красным флагом.

– Что бы ни случилось, знай: ты – моя дочь, – сказал Алек. – Я буду платить за твою учебу, присылать тебе деньги. Тебе ни о чем не придется просить Стрикленда. Ты никогда ничем не будешь ему обязана. Ты... Он ведь тебе нравится, да? Ты не испытываешь к нему антипатии?

– Он ничего.

– Мама говорит, он очень привязан к тебе.

– Он такой молодой. Намного моложе мамы.

Алек сделал глубокий вдох.

– Полагаю, – осторожно сказал он, – если любишь кого-то, возраст не имеет значения.

Габриэла внезапно остановилась. Алек тоже. Они стояли лицом друг к другу – две одинокие фигуры, охваченные отчаянием и безысходностью. Ни разу за всю эту их встречу Габриэла не встретила с ним взглядом и сейчас сердито смотрела строго перед собой, на пуговицы его пальто.

– А я не могла бы остаться с тобой? – спросила она.

Алек порывался обнять дочь, заключить ее в объятия, проявлением своей любви сломить возникшую между ними стену отчуждения, каким-то образом убедить ее, что эта чудовищная разлука, о которой они говорят, противна ему в той же мере, что и ей. Но, направляясь в школу на встречу с дочерью, он пообещал себе, что будет сдержан. «Ты не должен ее расстраивать, – умоляла его Эрика. – Поезжай, повидайся с ней, поговори, но не расстраивай. Она уже смирилась с этой ситуацией. Если ты дашь выход своим эмоциям, мы вернемся к тому, с чего начали, и Габриэла будет сломлена».

Он попытался улыбнуться. Произнес ровно:

– Я очень этого хочу. Но не получится. Я не могу присматривать за тобой. У меня слишком много обязанностей, я постоянно в разъездах. Тебе нужна мама. Сейчас ты должна быть с ней. Так будет лучше.

Габриэла упрямо сжала рот, словно перед лицом неизбежного собиралась с силами, чтобы смириться с тем, что ее ждет. Потом отвернулась от него и вновь зашагала.

– Ты будешь приезжать ко мне, – сказал ей Алек. – Летом мы снова поедem в Гленшандру. Попробуешь поймать лосося в этом году.

– А что будет с Дипбруком?

– Наверное, продам. Зачем мне этот дом, если твоей мамы здесь нет.

– А ты?

– Буду жить в Ислингтоне.

– Моя комната в Лондоне... – с болью в голосе произнесла она.

– Это – твоя комната. И всегда будет твоей...

– Я не о том. Просто я хотела бы взять с собой несколько книг... Я записала названия. – Габриэла вытащила руку из кармана и протянула ему листочек линованной бумаги, вырванной из тетради.

Он взял листок, развернул его, стал читать: «Таинственный сад», «Мир приключений», «Унесенные ветром». Список книг был длиннее, но он почему-то не смог прочитать его весь.

– Конечно, – хрипло произнес Алек, запихивая листок поглубже в карман пальто. – Что... Что-нибудь еще?

– Нет. Только книги.

– Не знаю, говорила ли тебе мама, но я повезу вас в аэропорт. И книги захвачу. Если еще что надумаешь взять, дай знать.

Габриэла покачала головой:

– Это все.

Туман превратился в дождь. Капли заблестели на ее волосах и грубой ткани его синего пальто. Они обошли поле и теперь направлялись к зданию школы. Сошли с травы и зашагали по гравию. Камешки хрустели под ногами. Казалось, больше им нечего сказать друг другу. У подножия лестницы, ведущей к внушительной парадной двери, девочка остановилась и снова повернулась к отцу лицом.

– Мне нужно переодеться к уроку физкультуры, – сказала она. – Тебе лучше не входить.

– Тогда давай прощаться. Не хочу прощаться в аэропорту.

– Что ж, до свидания.

Руки она по-прежнему упорно держала в карманах пальто. Он взял ее за подбородок и приподнял ее лицо.

– Габриэла.

– До свидания.

Алек наклонился и поцеловал ее в щеку. Впервые она открыто посмотрела ему в лицо. На мгновение их взгляды встретились. В ее глазах – ни слез, ни упрека. Потом она пошла прочь, поднялась по лестнице, ступила под крышу величественной колоннады и скрылась за дверью.

Они улетали в Америку в следующий четверг, его жена и дочь, вечерним рейсом на Нью-Йорк. Алек, как и обещал, отвез их в аэропорт. Потом, когда их рейс объявили, он попрощался и пошел в галерею для провожающих. Вечер был сырой, темный, небо затянули низкие облака. Он стоял и сквозь стекло, по которому струился дождь, смотрел на летное поле, ждал, когда взлетит самолет. Точно по расписанию огромный лайнер, мигая огнями в вечерней мгле, вырвался на взлетную полосу, взревел и поднялся в воздух, а через несколько секунд уже исчез в облаках. Алек дождался, пока гул двигателей не стих в темноте, потом повернулся и по гладкому полу зашагал к эскалатору. Всюду сновали люди, но он их не замечал, и в его сторону тоже никто не повернул головы. Впервые в жизни он чувствовал себя ничтожеством, пустым местом, неудачником.

На своей машине Алек вернулся в свой пустой дом. Плохие новости разносятся со скоростью света, и теперь уже все знали, что его брак распался, что Эрика бросила его ради богатого американца, уехала и забрала с собой Габриэлу. В какой-то степени его это радовало, поскольку ему самому не нужно было никому ничего объяснять, но он сторонился общества и сочувствия. Том Боулдерстоун пригласил его в этот вечер на ужин в Кэмпден-хилл, но Алек отказался, и Том его понял, не обиделся.

Он привык быть один, но теперь его одиночество обрело новое измерение. Алек поднялся по лестнице. Спальня без вещей Эрики казалась пустой, незнакомой. Он принял душ, переоделся, потом снова спустился вниз, налил себе выпить и с бокалом прошел в гостиную. Без милых украшений Эрики, без цветов комната имела нежилой вид. Он задвинул шторы и дал себе слово, что завтра же зайдет в цветочный магазин и купит комнатное растение в горшке.

Было почти половина девятого, но, выдохшийся, опустошенный, он не чувствовал голода. Позже он пойдет и проверит, что миссис Эбни приготовила для него на ужин. Но это позже. А сейчас он включил телевизор и рухнул перед ним – бокал в руке, подбородок на груди.

Алек смотрел на мерцающий экран. Через пару минут он сообразил, что смотрит документальный фильм, передачу о проблемах низкопродуктивного сельскохозяйственного производства. Эти проблемы анализировались на примере одной фермы в Девоне. Показали овец, пасущихся на каменистых склонах Дартмура... ферму у подножия холма, снятую поворотом кинокамеры сверху вниз, зеленые низины...

Это был не Чагуэлл, но какое-то очень похожее местечко. Фильм снимался летом. Алек увидел голубое небо, плывущие в вышине белые облака; их тень быстро неслась вниз по склону холма к искрящейся на солнце журчащей реке, в которой водилась форель.

Чагуэлл.

Прошлое – другая страна. Когда-то давно Алека зачали, родили, вырастили в той стране; его корни лежат глубоко в плодородном красноземе Девона. Но с годами, занятый собственной карьерой, претворением в жизнь собственных амбициозных планов, нуждами собственной семьи, он почти утратил связь с ними.

Чагуэлл. После смерти отца управление фермой перешло в руки Брайана и его жены Дженни. За каких-то семь лет Дженни родила Брайану пятерых белокурых веснушчатых ребятшек, и старый дом наполнился их питомцами, колясками, велосипедами и игрушками.

Эрике не было дела до Брайана и Дженни. Это были люди не ее круга. Лишь дважды за всю их совместную жизнь Алек возил ее в Чагуэлл, и оба визита оказались в тягость и хозяевам, и гостям, и по молчаливому согласию обеих сторон они больше не встречались. Их общение в конце концов свелось к обмену рождественскими открытками и редкими письмами. Алек не виделся с Брайаном уже лет пять, а то и больше.

Пять лет. Да, давненько. Плохие новости разносятся со скоростью света, но Чагуэлла они еще не достигли. Нужно сообщить Брайану про предстоящий развод. Напишу ему завтра, решил Алек, не теряя времени, а то некрасиво получится, если Брайан услышит про развод брата от кого-то еще.

Или можно позвонить...

Стоявший сбоку от него телефон зазвонил. Алек снял трубку.

– Да?

– Алек.

– Да.

– Это Брайан.

Брайан. Алека охватило головокружительное ощущение нереальности происходящего, будто его воображение прорвалось за грань его собственного отчаяния. На мгновение ему показалось, что он сходит с ума. Автоматически он подался вперед и выключил телевизор.

– Брайан.

– Кто ж еще? – Голос у Брайана был, как обычно, бодрый, веселый, чистый, как звон колокольчика. Значит, звонил он не для того, чтобы сообщить печальные новости.

– Откуда звонишь?

– Из Чагуэлла, конечно. Откуда ж еще?

Алек представил, как его брат сидит за повидавшим виды шведским бюро в старом кабинете в Чагуэлле – в уставленной по периметру книжными шкафами пыльной комнате, которая всегда служила офисом фермы. Словно наяву увидел пачки казенных бланков, потрепанные папки, фотографии удостоенных наград племенных коров гернзейской породы.

– Ты как будто удивлен, – заметил Брайан.

– Пять лет прошло.

– Знаю. Давненько не общались. Но я подумал, тебе будет интересно услышать любопытную семейную новость. Дядя Джеральд женится.

Джеральд. Джеральд Хаверсток из Тременхира. Адмирал Д. Д. Хаверсток, кавалер ордена Британской империи 2-й степени, также награжденный орденом «За боевые заслуги» и крестом «За выдающиеся заслуги». Некогда самый завидный жених в ВМС Великобритании.

– Когда узнал?

– Сегодня утром. Он сам позвонил. На седьмом небе от счастья. Приглашает нас всех на свадьбу.

– Когда?

– В выходные после следующих. В Гемпшире.

Джеральд наконец-то женится.

– Ему ведь, должно быть, шестьдесят.

– Ну, знаешь, как говорят: старый конь борозды не испортит.

– Кто невеста?

– Некая Ева Эшби. Вдова его старого товарища по службе. Все чин чинном.

И все же Алек с трудом верил, что его дядя женится. Ошеломляющая новость. Кто-то, но Джеральд, морской волк, закоренелый холостяк, любимец женщин. Джеральд, однажды устроивший Брайану и Алеку потрясающие летние каникулы. Они были самыми юными во всей взрослой честной компании. Отрывались вовсю на корнуоллских пляжах, играли в крикет на газоне перед домом. И к ним относились – впервые в жизни – как к взрослым. Позволяли оставаться на ужин, пить вино, самим ходить под парусом. Джеральд стал их героем, и они с интересом и гордостью следили за его стремительной карьерой.

Джеральд много раз был шафером на свадьбах у друзей, и требовалось немалое воображение, чтобы представить его самого в роли жениха.

– Ты поедешь? – спросил Алек.

– Да, мы все едем. Всей семьей, с детьми. Джеральд хочет, чтобы мы все были. И ты тоже. Это недалеко от Дипбрука. Ты мог бы подъехать после обеда. Эрика, наверное, вряд ли захочет быть, но, может, вы с Габриэлой?

Брайан умолк, ожидая реакции на свое предложение. У Алека внезапно пересохло во рту. Он снова увидел трансатлантический лайнер, как тот взлетает, поднимается ввысь, исчезает в облаках и во мраке ночи. Она улетела. Габриэла улетела.

Через некоторое время Брайан уже совершенно иным голосом спросил:

– У тебя все нормально, старик?

– А что?

– Ну, сказать по правде, в последние дни я думал о тебе... Возникло ощущение, что у тебя неприятности. На самом деле я собирался позвонить тебе. Чувствовал, что нам надо поговорить. Свадьба Джеральда просто стала удобным предлогом, чтобы снять трубку и набрать твой номер.

Чувствовал, что нам надо поговорить.

В детстве они были очень близки. И расстояние, прошедшие годы, несовместимые жены, отсутствие общения – ничто не разрушило этой близости. Они всегда тонко чувствовали друг друга, всегда были связаны прочными невидимыми узами кровного родства. Возможно, этот неожиданный телефонный звонок – не важно, по какой причине, – был для него своего рода спасительной нитью.

Алек ухватился за нее. Ответил:

– Да, плохи у меня дела.

И рассказал обо всем брату. Много времени это не заняло.

– Понятно, – только и произнес Брайан, когда Алек закончил свой рассказ.

– Я собирался написать тебе завтра. Или позвонить... Прости, что раньше не сообщил.

– Не парься, старик. Слушай, на следующей неделе я приеду в Лондон на выставку скота в Смитфилде⁸. Давай, может быть, пересечемся? Как ты на это смотришь?

Ни комментариев, ни критических замечаний, ни ненужного сочувствия.

– Только положительно, – ответил Алек брату. – Приходи в мой клуб, угощу тебя обедом.

Они назначили дату и время встречи.

– Так что мне передать Джеральду? – спросил Брайан.

– Передай, что я приеду. Такое событие нельзя пропустить.

Брайан попрощался. Алек медленно положил трубку. Прошлое – другая страна.

Невольно вспомнились Чагуэлл и – поскольку объявился Джеральд – Тременхир тоже. Старый каменный дом на самой оконечности Корнуолла, где росли пальмы, а в оранжереях на территории огороженного сада цвели камелии, вербена и благоухал белый жасмин.

Чагуэлл и Тременхир. Это его корни, его душа. Он – Алек Хаверсток, и он выстоит. Это еще не конец света. Да, Габриэла уехала, расставаться с ней было тяжело, но худшее уже позади. Он достиг дна, дальше падать некуда, теперь только один путь – снова наверх.

Алек встал, с пустым бокалом в руке прошел на кухню, посмотрел, что ему оставили на ужин.

3

Ислингтон

Домой Лора добралась только в пять часов. Ветерок улегся, и улочка Эбигейл-кресент дремала в золотистых лучах послеполуденного солнца. Здесь было почти безлюдно – редкий случай. Ее соседи, скорее всего, сидели в своих крошечных садах или гуляли с детьми в близлежащих парках по зеленой траве под сенью тенистых деревьев. Лишь одна старушка катила по тротуару продуктовую тележку, ведя на поводке древнего пса-полукровку. А пока Лора припарковывалась у своего дома, даже они исчезли – юркнули, как кролики в свою норку, в свою квартирку в полуподвальном этаже какого-то дома.

Она взяла пакеты с покупками, сделанными за день, свою сумочку и собачку, вышла из машины, пересекла тротуар и по лестнице поднялась к входной двери своего дома. Ей приходилось напоминать себе, что это ее дом, каждый раз, когда она доставала ключ и поворачивала его в замке. Дом, в котором она жила вот уже девять месяцев, по-прежнему был ей малознаком. Это был дом Алека, а прежде еще и дом Эрики, и Лора всегда переступала его порог робко, не в силах отделаться от ощущения, что она незаконно вторгается в чужие владения.

Ее окутала теплая тишина, плотная, как густой туман. Снизу, с территории миссис Эбни, не доносилось ни звука. Возможно, старушка вышла куда-то или все еще отдыхала. Постепенно она стала слышать гудение холодильника на кухне, потом тиканье часов. Вчера Лора купила розы и поставила их в вазу. Сегодня их насыщенный сладковатый аромат разносился из гостиной по всей квартире.

Я пришла домой. Это – мой дом.

Дом был небольшой. Подвал миссис Эбни, над ним – три этажа. На каждом – по две комнаты, обе не очень большие. Здесь – тесный холл и лестница; с одной стороны – гостиная, с другой – кухня, служившая также столовой. Выше – хозяйская спальня, ванная и гардеробная Алека, она же кабинет. Еще выше – чердак со слуховыми окнами и покатым потолком. Условно

⁸ Смитфилд – мясной рынок в Лондоне.

гостевая комната, обычно заставленная чемоданами и лишней мебелью, и детская, которая некогда принадлежала Габриэле. Вот и всё.

Лора поставила Люси на пол и прошла на кухню, чтобы распаковать продукты, купленные на ужин. Здесь были шкафы из сосны, бело-голубой фарфор, выскобленный стол, стулья со спинкой в виде колеса. Стеклопакеты окна-двери открывались на дощатую, из тиковой древесины, площадку, с которой деревянная лестница спускалась в маленький мощеный садик, где цвела черемуха и стояло несколько кадок с геранью. На самой дощатой площадке стояли парочка садовых стульев и небольшой железный столик. Позже, когда Алек придет домой, они, пока будут жариться на гриле отбивные, сядут здесь в сумерках и, потягивая напитки, наслаждаясь вечерней прохладой, станут наблюдать закат солнца.

Может быть, тогда она и скажет ему о том, что не поедет с ним в Шотландию. При этой мысли у Лоры сжалось сердце. Не оттого, что она боялась мужа, – ей не хотелось его расстраивать, портить ему отдых. Кухонные часы показывали десять минут шестого. Алека она ждала не раньше чем через час. Лора поднялась наверх, разделась, накинула на себя легкий халатик и легла на огромную двуспальную кровать, на свою половину. Полчаса, пообещала она себе. Потом она примет душ и переоденется. Полчаса. Но едва ее голова коснулась подушки, она, словно человек, провалившийся в колодезь, погрузилась в сон.

Ей снилась больница: длинные коридоры, белый кафель, она сама в полубессознательном состоянии, гул в ушах, лица в белых масках. *Не волнуйтесь*, говорят ей. *Беспокоиться не о чем*. Затрезвонил звонок. *Может, пожар?* Она привязана. *Не волнуйтесь*. Трель не умолкает.

Она открыла глаза, уставилась в потолок. Сердце гулко стучало от ужаса, пережитого во сне. Машинально она подняла к лицу запястье, глянула на часы. Половина шестого. Снова звонок.

Чтобы был сквозняк, дверь в спальню она оставила открытой и теперь услышала, как миссис Эбни тяжело, останавливаясь на каждой ступеньке, поднимается из своего подвала. Лора лежала неподвижно. Прислушивалась. Вот щелкнул замок, отворилась дверь.

– А-а, миссис Боулдерстоун, это вы!

Дафна. *Дафна?* Что Дафна делает здесь в половине шестого вечера? Что вообще ей нужно? Может, с надеждой подумала Лора, миссис Эбни решит, что хозяйки нет дома, и отправит гостью восвояси.

– Целый час звоню, – донесся до нее пронзительный голос Дафны. – Я была уверена, что дома кто-то есть, ведь машина миссис Хаверсток на месте.

– Да, я тоже ее заметила, когда вы позвонили в дверь. Может, она у себя в комнате. – (Надежда умерла.) – Пойду посмотрю, а вы входите.

– Надеюсь, я не разбудила вас, миссис Эбни.

– Нет. Я жарила рыбные котлеты на ужин.

Миссис Эбни снова стала подниматься по лестнице. Лора резко села в постели, откинула легкое покрывало, свесила ноги с кровати. Сонная, ошеломленная, она увидела, как миссис Эбни появилась в открытых дверях и стуком предупредила о своем приходе.

– Так вы не спите. – Миссис Эбни, старушка с кучерявыми седыми волосами, была в домашних тапочках и плотных утягивающих чулках, которые не скрывали вздувшихся варикозных вен на ногах. – Разве не слышали звонок?

– Я спала. Простите, что вам пришлось открыть дверь.

– Звонок так долго не умолкал. Я думала, вас нет дома.

– Простите, – повторила Лора.

– Это миссис Боулдерстоун.

Дафна, стоя внизу, слушала их разговор.

– Лора, это я! Не вставай, я поднимусь.

– Не надо... – Она не хотела, чтобы Дафна входила в ее спальню. – Я сейчас.

Но ее протест не возымел действия. В следующую минуту Дафна уже была в спальне.

– Боже, прости. Мне и в голову не могло прийти, что ты можешь быть в постели в такой час. Бедняжка миссис Эбни. Спасибо, что пришли мне на помощь. Теперь можете возвращаться к своим рыбным котлетам. Мы волновались за тебя, Лора. Думали, ты пропала.

– Она не слышала звонка, – зачем-то объяснила миссис Эбни. – Что ж, если я больше не нужна...

Старушка оставила их и в домашних тапочках тяжело зашлепала вниз по скрипучей лестнице.

Дафна скорчила ей вслед смешную рожицу.

– Я звонила тебе, но к телефону никто не подошел. Ты куда-то ездила?

– Да, к Филлис. Мы с ней пили чай в Хэмпстеде.

Дафна бросила сумочку и очки на кровать, подошла к туалетному столику и посмотрелась в зеркало Лоры.

– А я была в парикмахерской. Под сушкой голова чуть не закипела.

– Красивая прическа.

О том, что Дафна пришла прямо из салона красоты, свидетельствовали не только ее аккуратно уложенные серебристые волосы, но и насыщенный запах лака, исходивший от нее. В тонких холщовых брюках и бледно-розовой шелковой блузке она выглядела потрясающе изысканно, с чувством безысходности отметила про себя Лора. Дафна до сих пор была изящна, как девочка; ее тело, как всегда, покрывал густой загар, на лице – безупречный макияж, сама она вся благоухала и покоряла элегантностью.

– Кто делал?

– Парень по имени Энтони. Малый со странностями, но стрижет хорошо.

Довольная своим видом, Дафна отвернулась от зеркала и рухнула в небольшое кресло с обивкой из розового бархата, что стояло возле окна.

– Устала как собака, – заявила она.

– Чем же ты занималась целый день?

– Так. Ходила по магазинам... Купила божественные бриджи в «Харродсе». Подумала, для Гленшандры они будут в самый раз. Они в машине остались, а то бы показала. Потом роскошно пообедала в «Меридиане». Потом пришлось ехать аж на Юстон. Нужно было забрать посылку для Тома. Это новая снасть для ловли лосося. Специально для него сделали в Инвернесе и прислали с поездом. Ну и, поскольку я ехала в эту сторону, подумала, что надо заскочить к тебе и окончательно утрясти наши планы в связи с поездкой на север. Видишь, сколько всего переделала?

Дафна полулежала в кресле, вытянув ноги. Взгляд ее больших удивительно синих глаз скользил по комнате.

– Ты здесь кое-что поменяла, да? Это ведь новая кровать?

Тактом и деликатностью Дафна не отличалась, и Лора, сама от природы очень чуткая, привыкнуть к этому никак не могла.

– Да. Новая. Алек купил, когда мы поженились.

– И шторы тоже новые. Очень симпатичный ситчик.

Лора сообразила, что Дафна, должно быть, прежде тысячи раз была в этой комнате, болтала с Эрикой так же, как сейчас болтает с ней. Она представила, как они примеряют новые наряды, делятся секретами, обсуждают вечеринки, строят планы. Тонкий халатик на Лоре измялся, пропитался потом. Больше всего на свете ей хотелось принять душ. Хотелось, чтобы Дафна ушла и оставила ее в покое.

Как порой бывало в минуты отчаяния, ее неожиданно посетила блестящая идея.

– Не желаешь чего-нибудь выпить?

– С превеликим удовольствием, – быстро ответила Дафна.

– Ты ведь знаешь, где Алек держит напитки... В буфете на кухне. Там джин и тоник. Лимон в холодильнике... И лед. Иди вниз, налей себе сама, а я через минуту спущусь. Надо одеться. Не могу же я торчать здесь до ночи, да и Алек скоро приедет.

Идея Лоры Дафне пришлась по душе, она заметно оживилась, без лишних уговоров встала, подхватила сумочку, солнцезащитные очки и пошла вниз. Наконец Лора услышала, как открылись дверцы буфета, услышала звон бокалов. Только убедившись, что Дафна не возникнет снова, как черт из табакерки, в ее спальне, она встала с кровати.

Через пятнадцать минут, освежившись под душем и одевшись, Лора спустилась вниз. Дафна с зажженной сигаретой в руке сидела на диване; рядом на столике стоял ее бокал. Гостиная была наполнена солнечным светом и ароматом роз. Дафна нашла где-то новый номер «Харперз энд Куин» и теперь листала глянцевые страницы, но, когда Лора вошла, отложила журнал в сторону и сказала:

– А в этой комнате ты вообще ничего не поменяла, да? Только кое-какие мелочи.

– Не было смысла. Здесь и так хорошо.

– Тебе нравится здесь жить? По-моему, Ислингтон – это все равно что окраина. Быстро никуда не доберешься.

– Зато до Сити недалеко.

– Вот и Алек то же самое всегда говорит. Упрямый осел. Потому Эрика и заставила его купить Дипбрук.

Лора от такой наглости опешила, даже не нашлась что сказать в ответ. Никогда прежде Дафна не делала столь провокационно прямолинейных замечаний относительно прошлого. Почему теперь? Может, потому что рядом нет Тома, который сдерживает «откровенные» порывы ее души. Сейчас они с Лорой одни и Дафна, вероятно, считает, что нет нужды деликатничать и изъясняться экивоками. У Лоры сжалось сердце, она чувствовала себя загнанной в угол.

Дафна улыбнулась:

– Мы никогда не говорим об Эрике, верно? Все на цыпочках обходим эту тему, будто это табу. Но, в конце концов, что было, то было. Все в прошлом. Давно быльем поросло.

– Да, пожалуй.

Дафна прищурилась. Закурила еще одну сигарету, потом сказала:

– Должно быть, странно быть второй женой. Я часто думаю, как для тебя, наверное, все это необычно. Совершенно новые впечатления. С другой стороны, не ты первая, не ты последняя. Классическая ситуация.

– В каком смысле?

– Ну, вспомни хотя бы Джейн Эйр или вторую миссис де Уинтер в «Ребекке».

– Только Алек не двоеженец и не убийца.

Дафна недоуменно посмотрела на нее. Возможно, она была не столь начитанной, какой представлялась. Лора хотела ей объяснить, но передумала. Она заметила, что бокал гостьи пуст.

– Еще джина с тоником?

– С превеликим удовольствием. – Должно быть, это был ее коронный ответ на предложение выпить. Дафна протянула свой бокал. – Или ты предлагаешь мне самой позаботиться о себе?

– Нет, я налью.

Лора прошла на кухню, смешала для Дафны напиток, бросила в бокал лед. Дафна обедала в ресторане, размышляла Лора. Наверняка с одним из своих таинственных воздыхателей. И наверняка пила там martini и вино. Может, она чуть пьяна? Чем еще объяснить ее неожиданный приступ откровенности? Лора глянула на часы. Хоть бы Алек скорей пришел домой и избавил ее от бестактной болтовни незваной гостьи. Она вернулась с бокалом в гостиную.

– О, чудесно. – Дафна взяла у нее свой бокал. – А ты сама что?

– Нет, я не хочу.

– Что ж, будем здоровы! – Она выпила и отставила бокал. – Я вот все думала... Знаешь, почти шесть лет прошло, как Эрика уехала в Америку. А кажется, только вчера. Наверное, чем мы старше, тем время для нас летит быстрее... Как-то так. Даже не верится, что прошло уже шесть лет. – Дафна удобнее устроилась в уголке дивана, подобрав под себя ноги. Прямо картина маслом: женщина, настроившаяся на душевный разговор. – Она была моей лучшей подругой. Ты это знала?

– Да, пожалуй.

– Мы вместе в школе учились. Всегда были друзьями. Это я познакомила ее с Алеком. Правда, я их не представляла друг другу, потому что она была в Гонконге. Но это я свела их. Когда они поженились, я была ужасно рада, хотя и немного ревновала, ведь Алек был одним из моих первых парней. Я знала его еще до того, как познакомилась с Томом. Глупо, конечно, ревновать, но, знаешь, как говорят, первая любовь – самая сильная.

– Сильнее только последняя любовь.

В лице Дафны отразились удивление и обида, будто ее кто-то укусил.

– Я не хотела тебя уязвить, честно. Просто сделала маленькое признание. В конце концов, он ведь очень привлекательный мужчина.

– Ты очень скучаешь по Эрике, – в отчаянии произнесла Лора.

– Ужасно. Поначалу никак не могла поверить, что она уехала навсегда. Но потом развод, Алек продал Дипбрук, и я поняла, что как раньше уже не будет. Будто наступил конец эпохи. Так странно было, что на выходные не надо ехать в Дипбрук. И за Алека мы беспокоились, все время один да один. Но он опять с братом начал общаться и взял за обыкновение в пятницу вечером уезжать в Девон. Полагаю, он возил тебя туда?

– В Чагуэлл? Да, мы были там на Пасху. Но обычно мы остаемся здесь.

И Лора обожала такие выходные. Только они вдвоем и Люси, дверь закрыта, окна распахнуты, и весь дом в их распоряжении.

– Тебе они нравятся? Брайан Хаверсток и его жена. Эрика терпеть не могла туда ездить. Говорила, там вся мебель в собачьей шерсти, дети орут без умолку.

– Ну, когда такая большая семья, беспорядок и шум неизбежны. Зато весело.

– Эрика не выносит недисциплинированных детей. Габриэла была такая лапочка. – Дафна затушила сигарету. – Алек общается с Габриэлой?

Час от часу не легче. Вот настырная.

– Да, конечно, – солгала Лора с восхитительным спокойствием в голосе, чему сама немало удивилась.

– Наверное, она уж совсем американкой стала. Молодым в Америке раздолье. Очевидно, поэтому она ни разу не приехала сюда, чтобы повидать отца. А Алек все надеется. Каждый год начинает суетиться, надеясь, что она поедет с нами в Гленшандру, заказывает для нее номер в отеле, готовится. Но она так ни разу и не приехала. Кстати о Гленшандре, – продолжала Дафна все тем же голосом, – я ведь затем и заскочила к тебе, а не для того, чтобы поговорить о своем прошлом. Гленшандра. Надеюсь, ты как следует подготовилась для поездки на холодный север? Бери побольше теплых вещей, на реке бывает чертовски холодно, даже в июле. Один год дождь лил не переставая, мы чуть не околели. Да, и тебе понадобится что-нибудь нарядное на вечер, если нас вдруг пригласят на ужин. Мужья о таких вещах и не подумают предупредить, а там ни одного магазина на сотню миль окрест, не пойдешь и не купишь.

Дафна умолкла, ожидая реакции Лоры, но та не знала, что ответить. Дафна продолжала:

– Алек сказал, ты никогда не рыбачила, но ты ведь попробуешь, да? А то умрешь со скуки – одна, в отеле. Я смотрю, ты не в особом восторге. Ты ведь хочешь поехать, да?

– Э... Да... Но...

– Что-то случилось?

«Рано или поздно Эрика узнает, – подумала Лора. – Все узнают».

– Я... Наверное, я не смогу поехать.

– Ты не *поедешь*?

– Мне придется лечь в больницу. Это ерунда, небольшая операция, но доктор говорит, после мне нужен покой. Говорит, мне нельзя ехать в Шотландию.

– Но когда? Когда ты ложишься в больницу?

– Через пару дней.

– То есть Алек тоже не поедет?! – в ужасе воскликнула Дафна, словно без мужа Лоры отдых в Шотландии обречен на неудачу.

– Поедет. Почему нет?

– То есть... Ты не возражаешь?

– Я хочу, чтобы он поехал. Отдохнул вместе с вами.

– Но *ты-то*. Бедняжка. Надо ж такому случиться. А кто будет за тобой ухаживать? Миссис Эбни?

– Возможно, я поживу у Филлис.

– У твоей тети, что живет в Хэмпстеде?

К дому подъехала машина. Мотор заглох, хлопнула дверца. Лора молилась, чтобы это был Алек.

– Да, я ездила к ней сегодня. – Шаги, ключ в замке повернулся. – А вот и Алек.

Лора пошла навстречу мужу, когда тот открыл дверь. Никогда еще она не радовалась так его приходу.

– Лора...

– Привет, а у нас в гостях Дафна, чудно, правда? – сообщила она Алеку оживленным тоном прежде, чем он успел ее поцеловать.

Одной рукой обнимая жену, в другой все еще держа портфель, Алек замер на месте.

– Дафна? – удивленно произнес он.

– Да, это я! – крикнула из гостиной Дафна. Алек поставил портфель, закрыл входную дверь. – Приятный сюрприз, верно?

Алек прошел в гостиную, Лора следом. Не вынимая рук из карманов, он остановился перед гостьей, улыбнулся ей:

– Ты что здесь делаешь?

Дафна улыбнулась ему в ответ, склонила набок голову, так что ее серьги свалились на одну сторону.

– Да так, болтаю с твоей женой. Пришлось ехать на Юстон за посылкой. Удобная возможность, чтобы заскочить к вам. Я не часто бываю в этих краях.

Алек нагнулся и поцеловал обращенное к нему лицо гостьи.

– Рад тебя видеть.

– Вообще-то, я приехала поговорить с Лорой о Гленшандре...

Лора за спиной мужа мучительно поморщилась, но Дафна либо не поняла намек, либо была слишком увлечена собственной игрой, стремясь приковать к себе внимание Алека.

– Но она только что сказала мне, что не сможет поехать.

В эту минуту Лора готова была придушить Дафну. Или себя за то, что по глупости доверилась ей.

Алек повернулся и посмотрел на жену. Он хмурился, пребывал в полнейшем недоумении.

– Не сможешь?

– Дафна, Алек еще ничего не знает. Во всяком случае, не знал, пока ты не сказала.

– А ты хотела сообщить сама! Господи, какая же я дура! Проболталась. Том всегда говорит, что у меня слишком большой рот. Я понятия не имела...

– Я же *сказала*. Я только сегодня была у врача!

– Я не знал, что ты собиралась к врачу, – произнес Алек.

– Я не хотела говорить тебе раньше времени. Пока не буду знать точно. Не хотела, чтобы ты волновался.

К своему ужасу, Лора услышала дрожь в собственном голосе. Алек тоже это услышал, понял, что она расстроена, в смятении, и поспешил прийти ей на помощь.

– Сейчас не обязательно об этом говорить, потом все расскажешь. Когда Дафна уйдет.

– Дорогой, это намек? Ты предлагаешь мне убраться восвояси?

– Ни в коем случае. Пойду налью себе выпить. Ты тоже не откажешься?

– Ну... – Дафна вертела в руках пустой бокал, – если только самую малость. И не очень крепкого, а то мне еще домой ехать. Том убьет меня, если я разобью его машину.

Наконец Дафна уехала. Они смотрели, как ее автомобиль, петляя по дороге, исчезает за поворотом.

– Надеюсь, она не разобьется, – сказал Алек.

Они вернулись в дом, он захлопнул дверь. Лора мгновенно расплакалась.

Алек тотчас же обнял жену.

– Ну все, будет. Успокойся. Что случилось?

– Я не хотела, чтобы ты узнал от нее. Думала, мы сядем, выпьем и я сама тебе скажу... Я не хотела говорить ей, но она все трещала и трещала про Гленшандру, и в конце концов мне ничего не оставалось, как...

– Это все не важно. Главное – чтобы тебе было хорошо... Пойдем.

Обнимая жену за плечи, Алек привел ее в гостиную, усадил на то место, где недавно сидела Дафна, поднял ее ноги на диван. На подушке под головой Лоры еще сохранился запах Дафны. Ей никак не удавалось успокоиться.

– Я все откладывала и откладывала визит к доктору Хикли, боялась услышать, что мне нужна еще одна операция, думала, может, все само собой утрясется. Не утряслось. Только хуже стало.

Слезы струились по ее лицу. Алек сел на край дивана, достал из верхнего кармана чистый льняной носовой платок, дал его жене. Она высморкалась, но ей не полегчало.

– Когда ты ложишься в больницу?

– Через день-два. Доктор Хикли позвонит...

– Мне очень жаль. Однако это еще не конец света.

– Будет конец света, если на этот раз не поможет. Если это снова повторится... Она говорит, придется удалять матку, а я не хочу. Я так этого боюсь... Мне кажется, я не вынесу... Я хочу ребенка... От тебя...

Лора посмотрела на мужа, но не увидела его лица, потому что глаза застилала слезы. А потом не увидела, потому что он заключил ее в объятия и ей пришлось уткнуться лицом в его теплое уютное плечо.

– Все будет хорошо, – сказал он.

– Вот и Филлис тоже так говорит, но как это можно знать? – Она лила слезы на его синий в светлую полоску костюм. – А я хочу знать наверняка.

– Не все можно знать наверняка.

– Я хочу ребенка... – *Я хочу подарить тебе ребенка взамен Габриэлы.*

Почему она не может это сказать? Что не так с их браком, если она не в состоянии заставить себя произнести имя Габриэлы? Почему Алек никогда не упоминает про дочь, пишет ей письма в уединении своего офиса и, если получает ответные послания, держит это в тайне от

Лоры? А между мужем и женой не должно быть тайн. Никаких тайн и секретов, они должны рассказывать друг другу абсолютно все.

И ведь нельзя сказать, что Габриэла исчезла без следа. Наверху, на чердаке, ее комната с ее мебелью, игрушками, рисунками, ее письменным столом. На комод в гардеробной Алека – фотография Габриэлы, рисунок в серебряной рамке, что она нарисовала для него. Ну как он не хочет понять, что своим нежеланием говорить о дочери он создает преграду, которую Лора не в силах преодолеть?

Глубоко вздохнув, она отстранилась от него, снова легла на подушку, ненавидя себя за слезы, за свой ужасный несчастный вид. Платок, что дал ей Алек, пропитался ее горем. Лора яростно тербила его вышитый мережкой край.

– Если я не могу подарить тебе ребенка, значит я не могу дать тебе *ничего*.

Алек не стал утешать ее банальностями. Но через некоторое время спросил обычным голосом как ни в чем не бывало:

– Ты уже пила что-нибудь?

Лора покачала головой:

– Пойду принесу тебе бренди.

Он встал и вышел из комнаты. Она услышала, как он передвигается по кухне. Люси, потревоженная его возней, вылезла из своей корзины. Лора услышала скрежет ее когтей по линолеуму. Люси появилась в гостиной, подбежала к хозяйке и запрыгнула к ней на колени. Лизнула Лору в лицо и, ощутив на языке соль ее слез, лизнула еще раз. Потом свернулась калачиком и снова заснула. Лора высморкалась и убрала с лица непокорную прядь темных волос. Вернулся Алек. Принес виски для себя и маленькую стопку с бренди для жены. Дал ей бренди, пододвинул к дивану низкую банкетку и сел лицом к Лоре. Улыбнулся. Она тоже неуверенно улыбнулась в ответ.

– Теперь лучше?

Лора кивнула.

– Бренди – это лекарство, – сказал он ей.

Она сделала глоток и почувствовала, как бренди обожгло горло и потекло в желудок. Ощущение было приятное, успокаивающее.

– Ну а теперь, – сказал Алек, – поговорим о Гленшандре. Доктор Хикли считает, что тебе нельзя ехать?

– Да.

– И о том, чтобы отложить операцию, не может быть и речи?

Лора качнула головой.

– В таком случае Гленшандра отменяется.

Она сделала глубокий вдох.

– Вот этого я как раз не хочу. Не хочу, чтобы ты не ехал.

– Но я не могу оставить тебя одну.

– Я подумала, мы могли бы нанять сиделку. Миссис Эбни, я знаю, сама не справится, но можно было бы кого-то взять ей в помощь.

– Лора, я не могу оставить тебя здесь.

– Я знала, что ты это скажешь. Так и знала.

– А что, по-твоему, я мог еще сказать? Лора, я вполне обойдусь без Гленшандры.

– Как же обойдешься?! Нет. – Она опять заплакала и теперь уже никак не могла остановить поток слез. – Ты ждал этой поездки целый год, это твой отпуск, ты должен поехать. И остальные...

– Они поймут.

Лора вспомнила выражение ужаса на лице Дафны, ее слова: «То есть Алек тоже не поедет?!»

– Не поймут. Просто подумают, что я и в этом такая же никчемная и занудная, как и во всем остальном, по их мнению.

– Ты к ним несправедлива.

– Я хочу, чтоб ты поехал. Ты должен поехать. Как ты не понимаешь, что это-то и убивает меня больше всего. Я путаю все твои планы.

– В таком состоянии ты не можешь ложиться на операцию.

– Тогда придумай что-нибудь. Филлис сказала, ты обязательно что-нибудь придумаешь.

– Филлис?

– Я сегодня ездила к ней. После доктора Хикли. Спрашивала, нельзя ли пожить у нее после больницы. Подумала, ты поедешь в Гленшандру, если будешь знать, что я с ней. Но она уезжает во Флоренцию. Говорит, что отменит поездку, но я не могу этого допустить.

– Нет, конечно. Пусть едет.

– Я сказала ей, что впервые в жизни жалею, что у меня нет своей семьи. Настоящей семьи, с кучей близких родственников. Прежде я никогда этого так сильно не желала. Будь моя мама жива, я бы поехала к ней и она клала бы мне в постель грелку.

Лора глянула на мужа, думая, что он усмехается над ее пустыми мечтами, но он даже не улыбался.

– У тебя нет семьи, зато у меня есть, – мягко произнес Алек.

Лора поразмыслила над его словами и сказала без всякого энтузиазма в голосе:

– Ты имеешь в виду Чагуэлл?

– Нет. Не Чагуэлл, – рассмеялся он. – Я очень люблю брата, его жену и все их потомство, но Чагуэлл – это дом, где можно гостить, только если у тебя очень крепкое здоровье.

Лора испытала облегчение.

– Слава богу, что это сказал ты, а не я.

– Ты могла бы поехать в Тременхир, – предложил Алек.

– Где это?

– В Корнуолле. На самом краю Корнуолла. Земной рай. Старинный елизаветинский особняк с видом на залив.

– Расписываешь, как агент бюро путешествий. Кто там живет?

– Джеральд и Ева Хаверсток. Он – мой дядя, она – чудесная женщина.

– Они прислали нам хрустальные фужеры в подарок на свадьбу, – вспомнила Лора.

– Точно.

– И милое письмо.

– Да.

– Он – адмирал в отставке?

– Впервые женился в шестьдесят лет.

– Занятое у вас семейство.

– И все очаровательные люди. Как я.

– Когда ты там был, в Тременхире? – Труднопроизносимое слово, особенно после стопки бренди.

– Мальчишкой. Мы с Брайаном там как-то целое лето отдыхали.

– Но ведь я с ними даже не знакома. С Джеральдом и Евой.

– Это не важно.

– Мы даже не знаем, примут ли они меня.

– Позже я позвоню им и все устрою.

– А если они откажут?

– Не откажут. А если откажут, еще что-нибудь придумаем.

– Я буду им мешать.

– Не думаю.

– Как я туда доберусь?

– Я сам тебя отвезу, когда ты выйдешь из больницы.

– Ты будешь в Гленшандре.

– Я не поеду в Гленшандру, пока не доставлю тебя туда в целости и сохранности. Как посылку.

– Ты пропустишь несколько дней отдыха. И рыбалку.

– Переживу.

Наконец возражения у нее иссякли. Тременхир, конечно, компромисс, но хоть какое-то решение. Да, ей придется познакомиться с новыми людьми, жить в чужом доме, зато Филлис сможет поехать во Флоренцию, а Алек – в Шотландию.

Она повернула голову на подушке и посмотрела на мужа, сидевшего со стаканом в руках. Волосы у него были густые, черные с проседью, как мех черно-бурой лисы. Лицо, не красивое в традиционном смысле, тем не менее было необычно, задерживало на себе взгляд. Такое лицо, раз увидев, уж никогда не забудешь. Высокий, он в непринужденной позе расположился на банкетке: длинные ноги расставлены, в руках – стакан виски. Она посмотрела ему в глаза, такие же темные, как у нее самой. Он улыбнулся, и у Лоры екнуло сердце.

В конце концов он ведь очень привлекательный мужчина.

Лора вспомнила слова Филлис: «Разве можно представить, чтобы такой порядочный человек, как Алек, крутил шашни с женой своего лучшего друга?» Но как же обрадуется Дафна, что он приехал в Гленшандру без жены.

Эта мысль причинила Лоре боль, что само по себе было нелепо, ведь последние полчаса она уговаривала Алека поехать в Шотландию без нее. Все ее существо наполнила любовь к мужу. Пристыженная, она протянула руку. Алек заключил ее в свои ладони.

– Если Джеральд с Евой согласятся принять меня и если я соглашусь пожить у них, пообещай, что ты поедешь в Шотландию.

– Если ты этого хочешь.

– Хочу, Алек.

Он склонил голову над ее рукой, поцеловал ладонь и согнул ее пальцы в кулачок, словно запечатывая поцелуй как некий драгоценный дар.

– От меня на рыбалке все равно, наверное, толку мало, – сказала Лора, – а так тебе не придется учить меня весь отпуск.

– Научишься в следующем году.

В следующем году. Может быть, через год все будет гораздо лучше.

– Расскажи мне про Тременхир.

4

Тременхир

День был идеальный. Долгий, жаркий, пропитанный солнцем. Ева блаженно покачивалась на волнах, отдыхая после энергичного заплыва, и с моря смотрела на берег, обнажившийся во время отлива, – изгиб утеса, череда скал, образующая серп, широкая полоса песка.

На пляже, обычно пустынном, народу было больше, чем всегда. Конец июля – пик купального сезона, и вся прибрежная полоса была усеяна яркими разноцветными пятнами: банные полотенца, полосатые ветровки, дети в алых и канареечно-желтых купальниках, пляжные зонтики и огромные надувные резиновые мячи. Чайки носились в вышине, то усаживаясь на вершины утесов, то устремляясь вниз, чтобы подобрать оставленные на песке объедки. Их крики перемежались криками людей, прорезавшими воздух. Мальчишки играли в футбол,

матери окликали непослушных малышей, какая-то девушка радостно визжала, отбиваясь от двух юнцов, в шутку пытавшихся утопить ее.

Сначала море ей показалось ледяным, но, поплавав немного, она согрелась и теперь ощущала только восхитительную бодрящую прохладу соленой воды. Лежа на спине, она смотрела на безоблачное небо; в голове – ни единой мысли, лишь осознание физического совершенства настоящего.

Мне пятьдесят восемь лет, напомнила себе Ева. Правда, она давно уже решила для себя, что в пятьдесят восемь жизнь не кончена и одно из преимуществ человека, достигшего этого возраста, – умение ценить поистине чудесные мгновения, что судьба посылает ему. Хорошие мгновения, но не счастье. Счастье как таковое, нечаянное, проникнутое беспричинным восторгом юности, давно уже не заполняло ее. Эти мгновения были лучше, чем счастье. Ева никогда особо не любила, чтобы ее накрывало с головой, – даже счастье. Все неожиданное ее пугало и приводило в замешательство.

Убаюкиваемая, словно в колыбели, движением моря, она полностью отдалась на волю волн. Начавшийся прилив медленно нес ее к берегу. Волны постепенно набирали силу, образуя невысокий прибой. Ее ладони коснулись песка. Еще одна волна, и вот она уже лежит на пляже, прилив накрывает ее тело. Какая блаженно теплая вода – не то что на глубине, откуда принесли ее волны.

Ну все. Хватит нежиться. Ее время истекло. Ева поднялась из воды и по горячему песку пошла к большому камню, на котором оставила свой толстый белый махровый халат. Оделась. Мягкая ткань уютным теплом окутала ее холодные мокрые руки и плечи. Она затянула пояс, надела плетеные сандалии и зашагала к узкой тропинке, что вела на вершину каменистой возвышенности и к автостоянке.

Было почти шесть часов. Первые отдыхающие уже готовились покинуть пляж. Дети, не желавшие уходить с моря, протестовали, выли от усталости и жары. Некоторые отпускники уже имели ровный загар, но другие, возможно прибывшие день или два назад, были розовые, как вареные раки. Им еще пару дней мучиться от болезненных ожогов и ждать, когда облезут плечи, прежде чем они снова рискнут выйти на солнце. Урок не впрок. Так бывает каждое жаркое лето. Врачебные приемные забиты сидящими в ряд обгоревшими на солнце пациентами с красными лицами и покрытыми волдырями спинами.

Тропинка была крутая. Поднявшись наверх, Ева остановилась, чтобы перевести дух. Отдыхая, она обратила взгляд на море, видневшееся в обрамлении двух скалистых бастионов. У самого берега, за полосой песчаного пляжа, оно было зеленое, как нефрит, но дальше простиралась широкая лента насыщенной синевы. Горизонт, затянутый бледно-лиловой дымкой, лазурное небо.

Ее нагнала молодая семья. Отец нес на руках малыша полутора-двух лет, мать тащила за руку ребенка постарше. Тот плакал:

– Не хочу завтра ехать домой. Хочу побыть здесь еще неделю. Хочу остаться здесь навсегда.

Ева поймала взгляд молодой матери. Та едва сдерживалась. Ева хорошо ее понимала. Она вспомнила себя в этом же возрасте, с Ивэном, белокурым карапузом, льнувшим к ее руке. Словно наяву ощутила его ручонку, маленькую, сухую, шершавую, в своей ладони. Не злился на него, хотелось ей сказать молодой женщине. Не лишай себя радости. Ведь не успеешь оглянуться, как он вырастет, и ты навсегда потеряешь его. Наслаждайся каждым мимолетным мгновением жизни твоего ребенка, даже если он время от времени сводит тебя с ума.

– Не хочу домой, – вопил малыш.

Мать, глядя на Еву, состроила горестную мину; Ева усмехнулась в ответ, но ее доброе сердце кровью обливалось, жалея тех, кому завтра предстояло покинуть Корнуолл и пуститься в обратный долгий и утомительный путь в Лондон, где их ждали толпы народа на улицах,

офисы, работа, автобусы и смрад выхлопных газов. Казалось, это вопиющая несправедливость, что им приходится уезжать, а она остается. Она могла находиться тут вечно, потому что здесь жила.

Направляясь к своей машине, Ева молилась, чтобы жаркие деньки задержались. Сегодня вечером, к ужину, должны приехать Алек с Лорой, потому-то Еве и пришлось уйти пораньше с пляжа. Они едут из Лондона, а уже завтра утром, ни свет ни заря, Алек вновь уедет, отправится в невообразимо долгий путь в Шотландию, на свою рыбалку. Лора дней на десять, может, больше, останется в Тременхире. Потом Алек вернется и заберет ее в Лондон.

Алека Ева знала. Бледный, с каменным лицом, все еще убитый разводом, он приезжал к ним на свадьбу, и только за одно это она его полюбила. После, уже менее подавленный, он еще пару раз гостил у них с Джеральдом. Но с Лорой Ева не была знакома. Лора была больна, недавно из больницы, и Алек вез ее в Тременхир, чтобы здесь она восстановила силы после операции.

Вот почему необходимо, тем более необходимо, чтобы хотя бы еще чуть-чуть продержалась хорошая погода. Лоре нужен покой. Она будет завтракать в постели и лежать в саду, где ей никто не будет докучать. Она будет отдыхать и восстанавливать силы. А когда чуть окрепнет, может быть, вместе они будут ходить к морю, греться на солнышке и купаться.

Если с погодой повезет, будет гораздо легче. Живя здесь, на самом краю Корнуолла, Ева с Джеральдом каждое лето были вынуждены принимать кучу гостей: родственников, друзей из Лондона, молодые семьи, которые не могли себе позволить дорожные отели. И благодаря стараниям Евы все они всегда великолепно проводили здесь время, но порой постоянные дожди и свирепые ветры даже Еву приводили в уныние, и хотя она прекрасно понимала, что не отвечает за погоду, ее почему-то не покидало чувство вины.

С этими мыслями она села за руль. Машина была раскалена, хотя она припарковала ее в скудной тени боярышника. Как была, в махровом халате, она опустила стекло на окне, впуская в салон свежий воздух, охлаждающий ее влажную голову, и поехала домой. Вверх по холму от бухты, на центральную дорогу. Через деревню, вдоль побережья. По мосту над железнодорожными путями, вдоль железной дороги, в город.

В былые времена, как-то поведал ей Джеральд, еще до войны, здесь были одни только сельскохозяйственные угодья, маленькие фермы, затерянные деревушки с крошечными церквями, имевшими квадратные башни. Церкви до сих пор стояли, но поля, на которых некогда выращивали брокколи и картофель, стали жертвой строительства и прогресса. Вдоль дороги стояли пансионаты, жилые многоквартирные дома, бензозаправочные станции и супермаркеты.

Вот она проезжает мимо вертолетного аэродрома, обслуживающего острова Силли. Дальше – большие ворота особняка, где теперь размещается отель. Когда-то за воротами росли деревья, но потом их вырубili, освободив место под плавательный бассейн с искрящейся на солнце голубой водой.

Между отелем и окраиной города был поворот направо с указателем на Пенварлоу. На эту дорогу Ева и свернула, выехав из потока машин. Дорога сузилась и, обрамленная по сторонам высокой живой изгородью, извиваясь, потянулась вверх по холму. И сразу она оказалась в идиллической сельской местности. Огороженные каменными заборчиками небольшие поля, на которых паслись коровы. Лесистые глубокие долины. Примерно через милю – крутой поворот, и ее взору открылась деревня Пенварлоу с низенькими домиками вдоль улицы. Ева миновала паб с выставленными под открытым небом столиками на мощеном переднем дворе, церковь десятого века, вросшую в землю, будто некий доисторический камень. Церковь окружали тисы и древние могилы с покосившимися надгробиями.

Деревенская почта также служила магазином, где торговали овощами, шипучими напитками и замороженными продуктами для приезжих туристов. По обеим сторонам распахну-

той двери (магазин закрывался в семь вечера) стояли лотки с фруктами. Когда Ева проезжала мимо, в дверях появилась стройная женщина с копной кудрявых седых волос, в солнцезащитных очках и бледно-голубом сарафане. Она несла плетеную корзину с покупками. Ева поспигнала. Женщина заметила ее, помахала. Ева затормозила у обочины.

– Сильвия!

Сильвия Мартин перешла тротуар, нагнулась к открытому окну, опершись рукой на крышу машины. Издалека, несмотря на седые волосы, она казалась невероятно молодой, но вблизи ее морщинистая обветренная кожа, заостренные скулы, отвислый подбородок производили шокирующее впечатление. Она поставила корзину на землю, сдвинула на лоб очки. Ева смотрела в ее поразительные глаза, не желтые и не зеленые, большие, широко распахнутые, обрамленные густо накрашенными ресницами. На веки она наложила бледно-зеленые тени, выщипанные в тонкие дуги брови имели безупречную форму.

– Привет, Ева. – Голос у нее был низкий, сиплый. – Купаться ездила?

– Да. В Гвенвоу. Целый день возилась и потом решила, что мне просто необходимо немного охладиться.

– Заводная ты. А Джеральд не захотел с тобой поехать?

– Должно быть, газон стрижет.

– Вы вечером дома? Я ему обещала отростки хризантемы, в моей оранжерее уже нет места. Подумала, может, принесу их, посидим, выпьем что-нибудь.

– О, чудесно. Конечно. – Ева помедлила в нерешительности. – Только вот что: сегодня Алек с Лорой приезжают...

– Алек? Алек Хаверсток? – Сильвия неожиданно улыбнулась обезоруживающе, как мальчишка. Ее лицо мгновенно преобразилось, разгладилось. – Погостить?

– Нет, он не останется. Только переночует. А вот Лора поживет у нас немного. Она только что из больницы, ей нужно восстановить силы. Ну да, конечно, – Ева хлопнула ладонью по рулю, – всегда забываю, что ты давно знаешь Алека.

– Мы с ним вместе играли на пляже сто лет назад. Ну нет, сегодня, пожалуй, не приду. В другой раз.

– Нет. – Ева не могла разочаровать Сильвию. Она представила, как та возвращается в пустой дом, проводит в одиночестве остаток этого чудесного дня. – Приходи. Непременно. Джеральд будет тебе рад. Я попрошу его налить нам «Пиммз»⁹.

– Ну, если ты уверена, что я не помешаю...

Ева кивнула.

– Что ж, прекрасно. С удовольствием приду. – Она снова взяла свою корзину. – Отнесу это домой, возьму отростки. Буду через полчаса.

Они расстались. Сильвия пошла по улице в направлении своего маленького домика. Ева обогнала ее и поехала через деревню, миновала последний коттедж. Через сто ярдов потянулась каменная стена сада Тременхира с зарослями рододендрона. Ворота были открыты. Подъездная аллея огибала кусты азалии и кончалась у парадного входа, на участке, засыпанном гравием. Дверь по контуру увивала жимолость, и Ева, выбравшись из машины, сразу ощутила ее сильный аромат, усыпляющий и сладковатый в теплом воздухе безветренного вечера.

Она пошла не в дом, а на поиски Джеральда – через арку, образуемую эскаллонией, которая вела в сад. Она увидела подстриженный газон – травяной полосатый ковер из двух оттенков зеленого. Увидела мужа. Он лежал в шезлонге на террасе с вымощенными каменными плитами полом. На голове – морская фуражка, в руке – бокал с джином и тоником, на коленях – «Таймс».

⁹ «Пиммз» – фирменное название алкогольного напитка из джина, разбавленного особой смесью.

Его вид, как всегда, доставил ей удовольствие. Джеральд никогда не тратил время попусту, и это было одно из его главных достоинств. Некоторые мужья, Ева знала, бесцельно прожигали жизнь – постоянно суетились, что-то делали, но ничего не доводили до ума. А Джеральд всегда был либо предельно занят, либо находился в полнейшем бездействии. Сегодня он целый день подстригал газон, значит следующие пару часов будет отдыхать.

Ее белый халат попал в поле его зрения. Он поднял голову и, увидев жену, отложил газету и снял очки.

– Привет, дорогая. – Ева подошла к мужу, положила руки на подлокотники его кресла, склонившись, поцеловала его. – Хорошо поплавала?

– Великолепно.

– Садись, расскажи, как ты купалась.

– Не могу. Нужно насобирать малины.

– Побудь со мной минутку.

Ева присела на краешек шезлонга, закинула ногу на ногу. В расщелинах между каменными плитами пробивался пахучий тимьян. Она выдернула крошечный стебелек, размяла его в руках. Воздух наполнился травянистым ароматом.

– Я только что встретила Сильвию, – сообщила Ева мужу. – Она зайдет к нам. Принесет тебе отростки хризантемы. Я пообещала ей, что ты нальешь нам «Пиммз».

– А в другой день она не может зайти? Скоро ведь Алек с Лорой приедут.

– Мне кажется, она хочет увидеться с Алеком. Они вроде бы говорили, что будут к ужину, не раньше. Может быть... – Она собиралась сказать, что, может быть, стоит предложить Сильвии остаться у них на ужин, но Джеральд перебил жену:

– Надеюсь, ты не станешь приглашать ее на ужин.

– Почему бы нет?

– Потому что Лора не готова к новым знакомствам, во всяком случае пока. Два дня как из больницы, целый день в автомобиле по жаре.

– Если человек зашел к тебе выпить, по-моему, неприлично выпроваживать его домой только потому, что тебе пришло время есть суп. Гостеприимные хозяева так не поступают.

– Ты не умеешь быть негостеприимной. Если повезет, Сильвия сама уйдет до их приезда.

– У тебя нет сердца, Джеральд. Сильвии так одиноко. Она все время одна. В конце концов, еще ведь так мало времени прошло со дня смерти Тома.

– Его уж год как нет. – Джеральд никогда не выбирал выражений и не опускался до банальностей. – И сердце у меня есть. Я очень хорошо отношусь к Сильвии, она мила и забавна. Но у каждого из нас своя жизнь. И я не позволю, чтобы ты сбивалась с ног, проявляя заботу сразу обо всех своих бедолагах. Каждый пусть ждет своей очереди. Сегодня вечером очередь Лоры.

– Надеюсь, она приятная женщина, Джеральд.

– Очаровательная.

– Откуда ты знаешь? Эрику ты терпеть не мог. Говорил, что она вбила клин между Алеком и его семьей.

– Я такого не говорил. Я вообще с ней не был знаком. Это Брайан ее терпеть не мог.

– Но мужчины, заключающие повторный брак, обычно всегда наступают на одни и те же грабли. Часто выбирают себе в супруги женщин, которые во всем схожи с их первыми женами.

– Не думаю, что это случай Алека. Брайан хорошо отзывался о его новой жене.

– Она очень молода. Чуть старше Ивэна.

– Значит, ты будешь видеть в ней дочь.

– Да.

Ева задумалась. Поднеся к носу стебелек тимьяна, она смотрела на сад.

От дома и террасы отлого простирался газон. По двум его сторонам росли камелии, в мае усыпанные розовыми и белыми цветами. Вдалеке, словно картина в раме, – перспектива, тщательно продуманная неким давно почившим садовником, – виднелись бухта, клин синего моря, испещренный белыми парусами и маленькими суденышками.

Все еще беспокоясь о Сильвии, Ева предложила:

– Если пригласить еще и Ивэна, за ужином нас будет четное количество, и мы сказали бы Сильвии...

– Нет, – отрезал Джеральд, остановив на жене суровый взгляд своих синих глаз. – Даже не думай.

– Ладно, – сдалась Ева. Они одновременно улыбнулись, понимая друг друга без лишних слов.

У него она была первой женой, он у нее – вторым мужем, но она любила его так же сильно (хотя и по-другому), как и Филиппа Эшби, отца Ивэна. Джеральду теперь было шестьдесят шесть. Лысеющий, седовласый, в очках, он по-прежнему привлекал своей неординарной внешностью, был видным и обаятельным, как и в ту пору, когда они познакомились. Тогда Джеральд был командиром ее мужа и слыл самым интересным холостяком в ВМС. Деятельный и энергичный, он до сих пор отличался завидной статью: длинноногий (семейная особенность Хаверстоков), фигура подтянутая, без живота. На приемах и вечеринках он неизменно был объектом пристального внимания молодых женщин или сидел на диване в обществе стареющих дам, которые помнили, каким он был в молодости, и не переставали им восхищаться. Еву это не смущало. Напротив, вызывало чувство гордости и самодовольства, ибо в конечном счете ведь именно ее он выбрал себе в жены и привез в Тременхир.

Джеральд надел очки и снова принялся изучать результаты матчей по крикету. Ева встала и пошла в дом.

Британскую империю создали морские офицеры на свои личные средства. И хотя Джеральд Хаверсток родился лет на сто позже и не имел возможности участвовать в создании империи, принцип остался тот же. Успех на службе ему по большей части обеспечили отвага, способности и находчивость; к тому же он не боялся рисковать и ставить на карту свою карьеру. И он рисковал, потому что мог себе это позволить. Ему нравилась служба в ВМС; он был крайне амбициозен, но никогда не гнался за чинами, пусть и желанными, из финансовых соображений. Как офицеру высшего командного состава, ему приходилось сталкиваться с проблемами, касающимися безопасности людей, дорогостоящего оборудования и даже международных отношений, и в решении этих проблем он никогда не искал легких, половинчатых или очевидных вариантов. Своим лихим поведением он завоевал себе репутацию хладнокровного человека, что сослужило ему хорошую службу: заработал право поместить на капот своего большого черного служебного автомобиля адмиральский флаг.

Конечно, ему в немалой степени сопутствовала удача, и Тременхир был частью этого везения. Усадьбу Джеральду завещала пожилая крестная мать, когда ему было всего двадцать шесть лет. Вместе с земельным владением он получил и солидное состояние, накопленное путем хитроумных сделок с компанией «Грейт Уэстерн рейлвей»¹⁰, и финансовое будущее Джеральда было обеспечено до конца его геройской жизни. Думали, что он уйдет из ВМС, станет жить в Корнуолле жизнью сельского помещика, но Джеральд слишком сильно любил свою службу, и до поры до времени, пока он не вышел в отставку, Тременхир был предоставлен сам себе.

¹⁰ «Грейт Уэстерн рейлвей» («Большая западная железная дорога») – сеть частных железных дорог, обслуживавших западную и южную части Англии.

Поместье находилось на попечении местного управляющего, на ферму нашелся арендатор, дом несколько раз на долгие сроки сдавали внаем. В отсутствие жильцов за усадьбой присматривал сторож, штатный садовник ухаживал за газоном и цветочными клумбами, вскапывал обнесенные стенами сад и огород, выращивал овощи.

Иногда, возвращаясь из-за границы в длительный отпуск, Джеральд сам останавливался в Тременхире. И тогда в усадьбу съезжались его близкие родственники, племянники и племянницы, друзья по службе. Старый дом оживал, наполнился голосами и смехом. У парадного входа стояли машины, дети на газоне играли во французский крикет, двери и окна были распахнуты настежь. На кухне постоянно что-то жарили, парили, пекли, здесь же, за выскобленным кухонным столом, все ели. Иногда в обшитой панелями столовой устраивались званые обеды и ужины при свечах.

Дом спокойно переносил все эти необычные веяния. Как пожилая добродушная тетушка, он не менялся, сохраняя безмятежность духа: та же обстановка, принадлежавшая старой крестной Джеральда, те же шторы, что она повесила, выцветшая обивка на стульях и креслах, викторианская мебель, фотографии в серебряных рамках, картины, фарфор.

Ева, приехавшая в Тременхир шесть лет назад в качестве жены Джеральда, произвела мало изменений.

– Здесь ужасно все обветшало, – сказал ей Джеральд, – но дом полностью в твоём распоряжении. Можешь хоть весь его перестроить.

Однако Ева ничего не хотела менять. На ее взгляд, Тременхир находился в идеальном состоянии. Источал покой, умиротворение. Ей нравились изысканные украшения и детали интерьера викторианской эпохи, старинные кресла и стулья, кровати с латунным каркасом, выцветшие ковры с цветочным орнаментом. Она не хотела менять даже шторы, и, когда они от старости начали расползаться, целыми днями листала каталоги универмага «Либерти», подбирая ткани, по рисунку соответствующие воцеленному ситцу, из которого были сшиты прежние шторы.

Теперь она вошла в дом через стеклянные окна-двери, что вели с террасы в гостиную. После яркого уличного света помещение казалось прохладным и сумеречным. Пахло душистым горошком, который Ева утром в большой вазе поставила на инкрустированный стол в центре комнаты. Из гостиной можно было выйти в широкий коридор с дубовым полом, который вел в просторный холл, а оттуда по деревянной лестнице с резными балясинами перил подняться мимо стрельчатого окна на верхний этаж, где висели старинные портреты и стояли украшенные резьбой большие шкафы, в которых некогда держали постельное и столовое белье. Дверь в их спальню была распахнута, отчего комната наполнилась воздухом, а шторы с цветочно-геометрическим рисунком чуть раздувались под первыми порывами легкого вечернего ветерка. Ева сняла махровый халат и купальник, прошла в ванную и встала под душ, чтобы смыть соль с уже высохших волос. Потом надела свежее белье, бледно-розовые джинсы и кремовую шелковую блузку. Раньше волосы у нее были белокурые, теперь – почти белые. Она причесалась, подкрасила губы, подушилась.

Все, теперь за малиной, решила Ева. Она покинула спальню, по коридору дошла до двери на верхней площадке черной лестницы, ведущей в кухню. Но, взявшись за дверную ручку, она остановилась и, подумав немного, вместо того чтобы спуститься вниз, отправилась по коридору в то крыло, где некогда располагалась детская, а ныне жила Мэй.

Она постучала в дверь:

– Мэй?

На ее зов никто не откликнулся.

– Мэй?

Ева отворила дверь, вошла. В комнате, находившейся в глубине дома, воздух был душный и спертый. Из окна вид был очаровательный – внутренний двор, дальше – поля, – но

оно было плотно закрыто. В старости Мэй постоянно мерзла и потому не видела смысла в том, чтобы страдать, как она выражалась, от «завывающих сквозняков». Здесь было не только душно, но еще и тесно. Кроме тремухирской детской мебели, были еще вещи самой Мэй, которые она привезла с собой из Гемпшира: ее собственный стул, полированный сервировочный столик на колесиках, перед камином – коврик с узором из махровых роз, который сестра Мэй некогда связала для нее. На каминной полке фарфоровые фигурки – сувениры с позабытых приморских курортов – боролись за место со множеством фотографий в рамках. Почти на всех снимках были запечатлены либо Ева, либо ее сын Ивэн, оба в детском возрасте: когда-то давно Мэй была няней Евы, а потом, много лет спустя, волей-неволей, стала няней Ивэна.

Середину комнаты занимал стол, за которым Мэй ужинала или что-нибудь чинила. Ева увидела альбом для наклеивания вырезок, ножницы, клей. Наклеивание вырезок было новым развлечением Мэй. Она купила альбом в «Вулворте» во время одной из своих еженедельных поездок в Труро¹¹, где она обедала со старой подругой и бесцельно бродила по магазинам. Это был детский альбом с изображением Микки-Мауса на обложке, и он уже распух от вырезок. Помедлив в нерешительности, Ева стала листать альбом. Фотографии принцессы Уэльской, парусное судно, вид Брайтона, незнакомый ребенок в коляске. Это все были вырезки из газет и журналов, вклеенные аккуратно, но безо всякой логики.

Ох Мэй...

Ева закрыла альбом.

– Мэй?

Ответа по-прежнему не было. Ее охватила паника. В последнее время она постоянно переживала за Мэй, опасаясь худшего. С ней мог случиться сердечный приступ или удар. Ева подошла к двери спальни, заглянула, со страхом думая, что сейчас увидит Мэй распростертой на ковре или бездыханной на кровати. Но здесь тоже было пусто, опрятно и душно. На прикроватной тумбочке тикали часы, постель была аккуратно заправлена, застелена покрывалом, которое Мэй связала сама.

Ева спустилась вниз и нашла Мэй там, где и боялась ее найти, – на кухне. Старушка сутилась без дела: расставляла посуду, банки и прочее не по тем шкафам, кипятила чайник...

Мэй не полагалось работать на кухне, но, стоило Еве отвернуться, она тотчас же сюда тайком пробиралась в надежде, что ей удастся помыть грязные тарелки или почистить картошку. Она хотела приносить пользу, и Ева, понимая ее желание, старалась давать старушке какие-нибудь пустячные задания, например очистить от шелухи горох или погладить салфетки, пока сама Ева готовила ужин.

Ее никак нельзя оставлять одну на кухне. Ноги ее держали плохо, она постоянно теряла равновесие и хваталась за что ни попадя, дабы не упасть. Зрение у нее тоже слабело, координация движений была нарушена, и выполнение самых простых задач – нарезать овощи, заварить чай, спуститься или подняться по лестнице – могло окончиться для нее катастрофой. Ева жила в постоянном страхе, что Мэй порежется, обожжется, сломает ногу, и тогда придется вызывать врача и «скорую», которая отвезет ее в больницу. А уж в больнице наверняка Мэй покажет себя во всей красе. Возможно, станет оскорблять врачей, пока те ее осматривают, а то выкинет и еще что похуже: стащит виноград у другого пациента или вышвырнет в окно свой ужин. Это вызовет подозрения у администрации, они станут задавать лишние вопросы. И Мэй поместят в богадельню.

Это-то и пугало Еву, ибо она знала, что Мэй выживает из ума. Альбом с Микки-Маусом был не единственным тревожным симптомом. Примерно месяц назад Мэй вернулась из Труро с детской шерстяной шапочкой, которую она носила, как стеганный чехольчик на чайник, – натягивала на уши всякий раз, когда выходила на улицу. Письмо, что Ева поручила Мэй

¹¹ Труро – административный центр графства Корнуолл.

отнести на почту, через три дня она нашла в холодильнике. Свежеприготовленное жаркое Мэй выбросила в ведро для пищевых отходов.

Своими тревогами Ева поделилась с Джеральдом, и тот твердо сказал, чтобы она не изводила себя беспокойством раньше времени. Ему все равно, заверил он жену, что Мэй не в своем уме. Она никому не причиняет вреда и, если не будет поджигать шторы или дико вопить посреди ночи, как несчастная миссис Рочестер¹², пусть живет в Тременхире, пока не отдаст богу душу.

– А если с ней произойдет несчастный случай?

– Давай не будем волноваться заранее.

Пока обходилось без несчастных случаев. Но...

– Мэй, дорогая, что ты задумала?

– Не нравится мне, как пахнет этот кувшин для молока. Хочу ошпарить его кипятком.

– Он абсолютно чистый, не нужно его ошпаривать.

– Если не ошпаривать кувшины в такую погоду, можно подхватить диарею.

Некогда Мэй была пышной женщиной, в теле, но к восьмидесяти годам усохла. Пальцы узловатые, крючковатые, будто корни старых деревьев; чулки на ногах морщатся, близорукие глаза потускнели.

Она была идеальной няней, любящей, терпеливой и очень разумной. Но даже в молодости придерживалась твердых нравственных убеждений, по воскресеньям всегда ходила в церковь, ратовала за строгий образ жизни. К старости ее нетерпимость стала граничить с фанатизмом. Приехав вместе с Евой в Тременхир, она отказалась посещать местную деревенскую церковь и стала прихожанкой скромной часовни в городе – мрачного здания, расположенного на глухой улице, где священник в своих проповедях вещал об ужасах пьянства. Мэй вместе с другими членами паствы еще раз дала обет трезвости и своим надтреснутым голосом вознесла молитвы к Богу.

Чайник закипел.

– Я налью воды в кувшин, – сказала Ева.

И налила. Лицо у Мэй было недовольное. Чтобы ублажить ее, Еве пришлось придумать ей занятие.

– Мэй, будь милочкой, насыпь в солонки соль и отнеси их на обеденный стол. Я уже накрыла к ужину и цветы поставила, а про соль забыла. – Она рылась в шкафах. – Где большая миска с синей полоской? Хочу набрать в нее малины.

Мэй с выражением мрачного удовлетворения на лице достала миску с полки, где стояли кастрюли.

– В котором часу приезжают мистер и миссис Алек? – спросила она, хотя Ева говорила ей это двадцать раз.

– Сказали, что будут к ужину. Еще миссис Мартен обещала отроки принести, – будет здесь с минуты на минуту, останется выпить что-нибудь. Если услышишь, что она пришла, передай ей, что адмирал на террасе. Он позаботится о ней до моего возвращения.

Мэй поджала губы, прищурилась. Так она выражала свое неодобрение. Для Евы ее реакция не явилась неожиданностью, ибо Мэй была категорически против употребления спиртного и недолюбливала Сильвию Мартен. Об этом вслух никогда не говорили, но все, включая Мэй, знали, что Том Мартен умер от пьянства. В этом отчасти заключалась трагедия Сильвии, ибо она осталась не только вдовой, но еще и без денег. Поэтому Ева жалела ее и всячески старалась помогать ей.

А еще Мэй считала Сильвию легкомысленной женщиной.

¹² Миссис Рочестер – персонаж романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», сумасшедшая жена главного героя.

– Вечно целует адмирала, – недовольно бурчала она, и было бессмысленно объяснять ей, что Сильвия знает адмирала почти всю свою жизнь.

Мэй невозможно было убедить, что Сильвия не преследует какие-то свои тайные цели.

– Хорошо, что она придет сюда. Ей, должно быть, ужасно одиноко.

– Хм, – скептически хмыкнула Мэй. – Одиноко. Я могла бы такое рассказать, что у тебя уши завянут.

Ева потеряла терпение:

– Я не хочу это слышать.

Положив конец нелепому разговору, она повернулась к Мэй спиной и покинула кухню через дверь, ведущую непосредственно в просторный, защищенный от ветра внутренний двор. Сейчас немного сонный в лучах вечернего солнца, двор имел четырехугольную форму, образуемую гаражами, старым каретным сараем и домиком, где некогда жили садовники. За одной высокой стеной лежал огород. В центре двора находилась голубятня. В ней – белые голуби. Сидят на жердочках, воркуют, хлопают крыльями, перелетая с места на место. Между голубятней и гаражами натянуты веревки, на которых сохнет белье: кипенно-белые наволочки и кухонные полотенца, застиранные белые пеленки – уже сухие, хрустящие. Повсюду во дворе стоят кадки и ящики разных размеров – с геранью, с травами. Воздух полнится терпким ароматом розмарина.

Когда Джеральд вышел в отставку и поселился в Тременхире, каретный сарай и садовничий домик пустовали. Бесхозные, полуразрушенные, они превратились в хранилище сломанной садовой техники, гниющей упряжи и ржавого инвентаря – в общем, всего того, что оскорбляло его воспитанную на флоте любовь к порядку. Он потратил немало усилий и средств, чтобы отремонтировать эти постройки и переоборудовать их в жилые помещения. После того как домики обставили мебелью и всеми необходимыми удобствами, их стали сдавать в аренду отдыхающим.

Сейчас оба домика были заселены, но не отпускниками. В бывшем каретном сарае вот уже почти год жил сын Евы Ивэн, плативший Джеральду щедрую арендную плату за эту привилегию. Садовничий домик занимали загадочная Друзилла и ее пухлый смуглый малыш Джошуа. Как раз пеленки Джошуа и сушились во дворе. Друзилла за свое проживание пока еще не заплатила ни пенса.

Ивэна дома не было. Его автомобиля Ева не видела; входная дверь, по бокам которой стояли деревянные кадки с розовой пеларгонией, была заперта. Утром вместе со своим партнером по бизнесу Мэти Томасом, загрузив грузовик Мэти образцами мебели, произведенной на их маленькой фабрике в Карнеллоу, он отправился в Бристоль в надежде найти постоянных заказчиков в лице директоров тамошних больших магазинов. Ева понятия не имела, когда он вернется.

Дверь в домик Друзиллы была открыта, но ни самой Друзиллы, ни малыша ее видно не было. Правда, пока Ева стояла во дворе, из домика донеслись звуки флейты, и теплый благоуханный вечер наполнился звуками музыки. Ева слушала зачарованно. Играли произведение Вила-Лобоса.

Значит, Друзилла занималась на флейте. Что делал Джошуа, одному богу было известно. Ева вздохнула.

И я не позволю, чтобы ты сбивалась с ног, проявляя заботу сразу обо всех своих бедах.

Сколько ж у нее бедаг! Сильвия, Лора, Мэй, Друзилла, Джошуа, Ив...

Ева осеклась. Нет. Не Ивэн. Ивэн не бедага. Ему тридцать три года, он дипломированный архитектор и абсолютно самостоятельный человек. Несносный, пожалуй, чересчур привлекательный, что ему только во вред, но вполне может сам о себе позаботиться.

Пойду-ка я лучше за малиной, сказала себе Ева. Нечего без дела изводить себя тревогами за Ивэна.

Когда она вернулась в дом с малиной, Сильвия уже была у них в гостях. Через стеклянные двери Ева вышла на террасу и увидела там ее вместе с Джеральдом. Сидя в непринужденных позах, благочинные, они неспешно болтали о том о сем. Пока Ева собирала малину, Джеральд потрудился принести на террасу поднос с напитками, бокалами, бутылками, нарезанным лаймом и ведерком со льдом, и все это теперь стояло между ними на маленьком столике.

Сильвия вскинула голову и, увидев Еву, подняла бокал.

– Видишь, за мной ухаживают как за самой дорогой гостьей!

Ева взяла еще один стул и села рядом с мужем.

– Что тебе налить, дорогая?

– «Пиммз», если можно.

– Еще и с лаймом... Какие деликатесы! – воскликнула Сильвия. – Где вы берете лаймы? Я их сто лет не видела.

– В супермаркете городском нашла.

– Надо и мне туда съездить купить, пока совсем не пропали.

– Извини, что сама тебя не встретила. Джеральда сразу нашла?

– Не совсем. – Сильвия по-мальчишески улыбнулась. – Я сначала вошла в дом, стала вас звать, но никто не откликнулся. Чувствовала себя полной дурой. Потом Мэй наконец-то пришла на помощь, сообщила, что Джеральд здесь. Должна сказать, – Сильвия поморщила нос, – она не очень обрадовалась моему приходу. Но, правда, она вообще меня не жалует.

– Не обращай на нее внимания.

– Забавная старушка, да? Знаешь, я тут на днях встретила ее в деревне. Жарища стояла несусветная, а она в какой-то дикой шерстяной шапке. Я глазам своим не поверила. Она, наверное, сварилась.

Ева откинулась на стуле и с улыбкой покачала головой, не зная, плакать ей или смеяться.

– Да знаю я, дорогая. Ужасно, да? Она купила ее в Труро пару недель назад и с тех пор не снимает. – Ева машинально понизила голос, хотя было маловероятно, что Мэй – где бы она ни находилась – могла услышать их разговор. – Она еще купила себе детский альбом с Микки-Маусом на обложке и теперь клеивает туда вырезки из газет.

– Не вижу в том ничего предосудительного, – сказал Джеральд.

– Безусловно. Просто это несколько неожиданно. Странно. Уж и не знаю, чего от нее ожидать. Я... – Ева умолкла на полуслове, сообразив, что сболтнула лишнего.

– Ты же не думаешь, что она тронулась умом? – В голосе Сильвии чувствовался ужас.

– Разумеется, нет, – твердо сказала Ева. Об ее опасениях никто не должен догадываться. – Просто стареет.

– Ну, даже не знаю, мне кажется, вы с Джеральдом святые, заботитесь о старушке.

– Я не святая. Мы с Мэй вместе почти всю мою жизнь. Она меня вынянчила, потом Ивэна. В трудную минуту она всегда была рядом, всегда была мне поддержкой и опорой, как незыблемая скала. Когда Филипп заболел... В общем, без Мэй бы я не справилась. Нет, я не святая. Если кто и святой, так это Джеральд. Он безропотно взял ее в свой дом, когда женился на мне, дал ей крышу над головой.

– У меня не было выбора, – заметил Джеральд. – Я сделал Еве предложение и услышал в ответ, что, если она выйдет за меня, мне также придется жениться и на Мэй. – Он подал жене бокал с напитком. – Представляешь?

– И Мэй не возражала против того, что ей придется покинуть Гемпшир и переселиться сюда?

– Нет, она спокойно к этому отнеслась.

– Она присутствовала на нашей свадьбе, – добавил Джеральд. – На ней была фантастическая шляпка – блин, усыпанный розами. Просто настоящая подружка невесты, только очень старая и очень сердитая.

Сильвия рассмеялась:

– Она и медовый месяц с вами проводила?

– Нет. Тут уж я топнул ногой. Но к тому времени, когда мы вернулись в Тременхир, она уже здесь обустроилась и предъявила мне целый список претензий.

– Джеральд, ты несправедлив...

– Знаю. Это шутка, дорогая. Тем более что благодаря Мэй мои рубашки всегда выглажены, а носки заштопаны. Правда, у меня примерно час уходит на то, чтобы их найти, она вечно кладет вещи не в те ящики.

– Она и Ивэну все стирает, – сказала Ева. – И я уверена, ей не терпится заняться серыми пеленками Джошуа, прокипятить их как следует. Вообще-то, подозреваю, она не прочь бы и самого Джошуа к рукам прибрать, но пока еще попыток таких не делала. Полагаю, в ней борются инстинкты няни и сомнения насчет Друзиллы.

– Друзилла, – повторила Сильвия необычное имя. – Если подумать, никакое другое имя ей и не подошло бы, да? Экзотическая дама. Давно она здесь живет?

– Понятия не имею, – небрежно бросил Джеральд.

– Она вам не мешает?

– Ничуть, – заверила Сильвию Ева. – Мы ее почти не видим. Она все больше с Ивэном общается. Вечерами они порой сидят у ее дома на кухонных стульях, пьют вино. Представляете картинку: веревки с бельем, голуби воркуют, герань, сами они немного такие богемные. И Тременхир сразу становится похож на Неаполь или на маленькие дворiki, что всюду встречаются в Испании. Очень мило. Иногда слышно, как она играет на флейте. Сегодня вечером тоже играла. Так романтично.

– Сейчас они с Ивэном тоже во дворе? Пьют вино под сенью развешанного белья?

– Нет, Ивэн с Мэти уехали на целый день в Бристоль. Пытаются привлечь заказчиков.

– Как их фабрика поживает?

– Нормально, насколько нам известно, – ответил Джеральд. – Пока еще, кажется, не обанкротились. Сильвия, твой бокал пуст, давай еще налью.

– Так... – Она демонстративно посмотрела на часы. – Ведь Алек с женой должны быть с минуты на минуту?..

– Пока еще не приехали.

– Тогда выпью еще бокальчик, но после мне пора домой.

– Мне так жаль, – сказала Ева, – что я не могу предложить тебе остаться на ужин. Но Лора, я думаю, очень устанет с дороги, и мы наверняка рано поужинаем, чтобы она могла сразу лечь спать.

– Очень хочется с ней познакомиться.

– Придешь на ужин в другой раз. Посмотрим, как она себя чувствует, может ли принимать гостей.

– И Алека я сто лет не видела.

– Увидишь, когда он приедет за Лорой, чтобы увезти ее назад в Лондон.

– Последний раз, когда он гостил здесь, Том был еще жив... О, спасибо, Джеральд. Помните? Мы все пошли ужинать в «Ловушку для омаров».

Да, думала Ева, и Том тогда напился в дым. Интересно, Сильвия тоже это помнит? Очевидно, нет. Иначе вообще не стала бы упоминать об этом. Возможно, месяцы, прошедшие со дня смерти Тома, были добры к Сильвии, затуманили ее память, вымарав из нее все плохое, сохранив только счастливые моменты. Ева знала, что так бывает, хотя ее саму эта участь миновала. После смерти Филиппа у нее не было плохих воспоминаний, потому что все двадцать

пять лет их совместной жизни были годами добрых отношений, веселья и любви. Ей повезло, что она была счастлива в браке с Филиппом, а вот к Сильвии, похоже, судьба не очень благоволила. Жизнь скупа на радости и порой ужасно несправедлива.

Солнце уже закатывалось за горизонт. Стало прохладнее, зато появились кусачие мошки. Сильвия отмахнулась от одной и откинулась на спинку стула, глядя на стриженный газон.

– Тременхир всегда такой ухоженный, просто фантастика, – промолвила она. – Ни одной сорной былинки. Даже на тропинках. Как ты борешься с сорняками, Джеральд?

– Распыляю специальное средство, – признался он.

– Том тоже так делал, а я тяпкой орудую. Мне кажется, прополка лучше помогает; по крайней мере, сорняки не лезут опять. Кстати, я тут с викарием разговорила, и он сказал, что на праздник в следующем месяце ты выставишь прилавок с садовыми растениями. Тебе нужны какие-нибудь?

– Конечно.

– Тогда я подберу что-нибудь. – Сильвия опустошила свой второй бокал, поставила его на столик и потянулась за своей сумкой, собираясь уходить. – Я взяла отростки герани, у которой листья так чудесно пахнут лимоном...

Ева отвлеклась от их разговора. В тишине вечера она услышала тихий рокот автомобиля, приближавшегося по дороге со стороны деревни. Машина замедлила скорость, въехала в ворота, под ее колесами заскрипел гравий. Ева вскочила.

– Приехали.

Джеральд с Сильвией тоже встали, и втроем они направились по газону к арке из эскалонии – устремились навстречу прибывшим. Перед домом, рядом со стареньким автомобилем Сильвии, стоял красивый темно-красный «БМВ»-купе. Алек уже вышел из машины, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья и, придерживая жену под локоть, помогал ей выбраться.

В первую минуту Ева подумала, что Лора гораздо моложе, чем она себе ее представляла. Хрупкая темноглазая девочка с распущенными густыми темными волосами. Одета как подросток: потертые джинсы, синяя хлопчатобумажная рубашка свободного покроя, открытые сандалии на босу ногу. На руках она держала миниатюрную длинношерстную таксу (на вид помесь лисы и белки, подумала Ева).

И первое, что сказала ей Лора:

– Простите, мне очень неудобно, но, может быть, вы позволите, чтобы Люси пожила здесь со мной?

Сильвия тащилась домой в своем маленьком автомобиле. Мотор работал с незнакомым дребезжанием – признак какой-то неисправности. Ворота ее дома, на которых красовалась сделанная краской надпись «Роскениун», были открыты. Она всегда считала, что это вычурное название для такого маленького обычного домика, но он так назывался, когда они с Томом его купили, и они так и не удосужились придумать что-нибудь лучше.

Она припарковалась перед входом, взяла с сиденья сумку и вошла в дом. В тесной прихожей было тихо, как на кладбище. Она стала проверять почту, совсем забыв, что почтальон уже приходил и писем не принес. Сильвия бросила сумку у подножия лестницы. Безмолвие давило на нее, как нечто осязаемо тяжелое. Тишину нарушало только медленное тиканье часов на верхней площадке лестницы.

Сильвия прошла в гостиную, настолько маленькую, что в ней помещались только диван, два кресла и стол, над которым висели книжные полки. В камине лежала зола, хотя огонь она не разжигала вот уже несколько дней.

Она нашла сигарету, закурила и, нагнувшись, включила телевизор. Стала нажимать на кнопки, просматривая каналы. Не найдя ничего интересного, выключила телевизор. После

всплеска бессмысленных шумов ее снова окутала давящая тишина. Было только восемь вечера. До сна еще как минимум два часа. Может, что-нибудь выпить? Нет, у Евы с Джеральдом она уже выпила два бокала, а с алкоголем нужно быть осторожнее. Тогда ужинать? Вообще-то, она не голодна, да и готовить неохота.

Стеклянная дверь, ведущая в сад, была открыта. Сильвия бросила недокуренную сигарету в холодный камин и вышла на улицу, захватив с собой ножницы, что лежали в деревянной корзине. Солнце почти зашло, на газоне лежали длинные тени. Она зашагала по траве к клумбе, принялась бесцельно обрывать увядшие головки роз.

Одна колючая ветка запуталась в подоле ее платья. Рассерженная, она нетерпеливым движением дернула ткань, пытаясь отцепиться от куста, но по неосторожности уколола о зазубренный шип большой палец.

Сильвия вскрикнула, поднесла руку к лицу, осматривая ранку. На пальце проступила кровь. Крапинка, капля, ручеек. Сильвия смотрела, как миниатюрная алая речка стекает в ладонь.

Слезы навернулись на глаза и заструились по щекам. В мглистых сумерках она стояла в своем саду, охваченная неизбывным горем одиночества, и плакала, глядя на кровоточащий палец.

Комната, которую им отвели, по сравнению с их спальней на Эбигейл-кресент, казалась огромной. Здесь были розоватый ковер с цветочным узором, камин, два вытянутых больших окна с выцветшими шторами из вошеного ситца, присборенными и перетянутыми с боков шнурами с кисточками. Кровать с латунным каркасом была большая, не терялась в огромной комнате; льняные простыни и наволочки были отделаны по краям ажурной строчкой и украшены вышивкой. Туалетный столик из красного дерева для Лоры, высокий комод для Алека. Открытая дверь вела в их ванную, некогда служившую гардеробной. Переоборудование, похоже, шло к замене кровати на ванну, потому что здесь тоже на полу лежал ковер, был камин и даже стояла парочка на вид уютных кресел.

Лора лежала в постели и ждала Алека. Она удалилась в свою комнату сразу после ужина, внезапно почувствовав себя смертельно усталой. Алек остался внизу в столовой, чтобы выпить с Джеральдом по бокалу портвейна и поговорить о мироустройстве. Они сидели за столом, в комнате витал аромат сигар.

Дом произвел на Лору приятное впечатление, в нем царила, как ей показалось, атмосфера уюта и покоя. Слабая после операции, она легко поддавалась слезам и страхам, и, естественно, нервничала, что ей придется долго гостить у чужих людей. Свои опасения она держала при себе, боялась, что Алек в последний момент передумает и оставит всякие мысли о поездке в Гленшандру и о лососях, ждущих, чтобы их выловили из реки, но чем ближе они подбирались к месту назначения, тем молчаливее она становилась.

Лора боялась, что Тременхир окажется подавляюще грандиозным особняком, а великолепный Джеральд – пугающе знающим и изысканным, что у нее не найдется общих тем для разговора с Евой, что Ева с Джеральдом сочтут ее скучной дурочкой и будут проклинать тот день, когда они, вняв просьбе Алека, согласились принять ее в своем доме.

Но потом она поняла, что все будет хорошо. Искренняя радость на их лицах, нескрываемая любовь к Алеку, теплое приветствие – все это рассеяло сомнения Лоры, растопило ее робость. Даже против Люси они не возражали. А дом, вовсе не грандиозный особняк, оказался даже немного обшарпанным, но милым и уютным. И Лоре сразу же по приезду предложили принять ванну, о чем она мечтала всю дорогу. После в гостиной они выпили по бокалу хереса, потом перешли в столовую, отделанную панелями, со свечами, с очаровательными подробно выписанными морскими пейзажами викторианской эпохи. На ужин они ели форель, приготовленную на гриле, салат и малину с густыми топлеными сливками.

– Это малина с нашего огорода, – доложила ей Ева. – Завтра еще наберем. Если всю не съедем, положим в холодильник.

Завтра. Завтра Алек уедет.

Закрыв глаза, она пошевелила ступнями, начавшими неметь под тяжестью Люси, расположившейся у нее на ногах под одеялом. Ей казалось, что ее тело под прохладными мягкими простынями какое-то плоское, невесомое, как-то по-странному оголенное. После операции боль ее не терзала, но она была обессилена и, когда наконец-то легла в постель, испытала настоящее блаженство.

Лора все еще не спала, когда пришел Алек. Он затворил дверь и, подойдя к кровати, поцеловал ее в лоб. Потом отвернул одеяло, под которым пряталась Люси, и перенес ее в корзину у камина. Люси, недовольная таким обращением, посмотрела на него с холодным упреком в глазах, но из корзины не вышла. Поняла, что сейчас не до нее.

Стоя спиной к жене, Алек опустошил карманы, аккуратно разложив на комодке свои ключи, часы, мелочь, бумажник. Потом развязал и снял галстук.

Наблюдая за ним, Лора пришла к выводу, что быть защищенной – это значит лежать в постели и смотреть, как готовится ко сну твой муж. Она вспомнила, как много лет назад, в детстве, ей разрешили спать вместе с мамой, потому что она еще не совсем оправилась от какой-то пустячной болезни. Она лежала в постели матери и так же, как сейчас, из-под отяжелевших век следила сонным взглядом за тем, как мама расчесывает волосы, мажет кремом лицо, надевает прозрачную ночную сорочку.

Алек погасил свет и лег рядом. Лора приподняла голову на подушке, чтобы он просунул под нее свою руку. Теперь они были по-настоящему вместе. Алек повернулся к ней, положил другую руку ей на грудь. Стал медленно водить пальцами по ее телу, лаская, успокаивая. В открытые окна струился теплый ночной воздух, полный загадочных запахов и тихих необъяснимых деревенских звуков.

– Все будет хорошо, – промолвил он.

Утверждение – не вопрос.

– Да, – отозвалась она.

– Ты им очень понравилась. Они от тебя в восторге. – Она почувствовала улыбку в его голосе.

– Чудесное место. Чудесные люди.

– Я уже начинаю жалеть, что мне нужно ехать в Гленшандру.

– Алек!

– Тременхир всегда на меня так действует.

На подобное замечание, подумала Лора, другие женщины, другие жены, более уверенные в себе, воскликнули бы игриво: «Тременхир! А я-то надеялась, что это со мной ты не хочешь расставаться». Но у нее не было ни желания, ни смелости жеманничать с мужем.

– Едва ты выедешь за ворота, все твои помыслы будут устремлены к Гленшандре, – сказала Лора. (Остальные уже там, ждут его. Его старые друзья. Он окунется в свою прежнюю жизнь, какой она была до Лоры, в жизнь, о которой она знала очень мало и одновременно слишком много. Ее глаза наполнились слезами.) – В журналах всегда пишут, что супругам периодически нужно отдыхать друг от друга, – добавила она, стараясь, чтобы голос прозвучал бесечно. – Это укрепляет брак, придает особый вкус супружеским отношениям.

– Прямо как кулинарный рецепт.

Слезы покатались по ее щекам.

– И потом, десять дней – это совсем недолго.

Лора отерла слезы. Алек поцеловал жену.

– По возвращении я надеюсь застать тебя толстой, загорелой и здоровой, – сказал он ей. – А теперь спи.

Рано утром их разбудила пронзительная трель будильника, который Алек завел на половину шестого. Он встал, а Лора осталась в постели, дремала, пока он принимал ванну и брился. После она смотрела, как он одевается, кладет в дорожную сумку свои немногочисленные вещи. Когда он собрался, она тоже встала с постели, накинула халат, взяла Люси из корзины. Они покинули комнату, спустились по лестнице. Старый дом и его обитатели спали. Алек отпер входную дверь, они вышли на улицу. Светало, было по-утреннему холодно и туманно. Лора опустила Люси на землю и, поеживаясь, наблюдала, как Алек положил в машину сумку, нашел тряпку, вытер утреннюю росу с ветрового стекла. Швырнув тряпку в машину, он повернулся к жене:

– Лора.

Она подошла к нему, он ее обнял. Она слышала, как под рубашкой и свитером бьется его сердце. Представила, как он целый день едет и едет по автострадам, ведущим на север, в Шотландию.

– Будь осторожен за рулем.

– Постараюсь.

– Остановись где-нибудь на ночь, если устанешь.

– Непременно.

– Ты всем очень дорог.

Он улыбнулся, поцеловал ее и выпустил из своих объятий. Потом сел в машину, пристегнулся ремнем безопасности, захлопнул дверцу. Завел мощный двигатель и поехал – мимо азалий, через ворота, по дороге через деревню. Лора стояла, прислушиваясь, пока вдали не растворился рокот мотора его автомобиля. Потом позвала Люси и вернулась в дом, поднялась в свою комнату. Она замерзла, но постель, когда она вновь забралась в нее, была уютно теплая, потому что Алек перед тем, как они спустились, включил электроодеяло.

Она проспала до полудня, и, когда пробудилась, комната была залита ярким солнечным светом. Лора встала с кровати, подошла к окну и, положив голые руки на теплый подоконник, выглянула на улицу. Сад томился в знойной атмосфере очередного чудесного денька. На одной из клумб возился какой-то мужчина в комбинезоне. Вдали виднелся кусочек моря – голубая чаша.

Лора оделась, спустилась и пошла на голоса, доносившиеся из кухни, где увидела Еву в переднике, что-то помешивавшую на плите фирмы «Ага», и старушку, которая, сидя за столом, лущила горох. При появлении Лоры обе женщины оторвались от своих занятий и посмотрели на нее.

– Простите, что я так поздно.

– Ничего, ты должна была выспаться. Алек нормально уехал?

– Да, где-то без четверти шесть.

– Лора, познакомься: это Мэй. Ты вчера ее не видела. Мэй живет с нами.

Лора и Мэй обменялись рукопожатием. Рука Мэй, пораженная артритом, была холодной от гороха.

– Здравствуйте.

– Рада знакомству, – поприветствовала ее Мэй и вновь занялась лущением гороха.

– Давайте помогу чем-нибудь?

– Не надо. Ты должна отдыхать.

– Я не могу сидеть сложа руки или слоняться без дела.

– В таком случае... – Ева отошла от плиты к одному из кухонных шкафов и, нагнувшись, достала миску. – Собери-ка на вечер еще малины.

– Где она растет?

– Я покажу.

Вместе с Лорой Ева вышла во двор и показала на калитку, ведущую в огород:

– Малинник в дальнем конце, под сеткой, чтобы птицы не поклевали. Если увидишь, что кто-то собирает там горох, это Друзилла. Я ей разрешила.

– А кто это – Друзилла?

– Она живет здесь, в том домике. Играет на флейте. У нее есть малыш, его зовут Джошуа. Надеюсь, он тоже там с ней. Она чудаковатая на вид, но абсолютно безобидная.

Огород был очень старый; грядки, одну от другой, аккуратно отделяли деревянные бортики. В замкнутом пространстве – огород был обнесен стенами – было жарко и душно, ни ветерка. Пахло древесиной, мятой, тимьяном, свежевскопанной землей. Лора пошла по дорожке, в конце которой стояла огромная старомодная детская коляска. В ней сидел крупный малыш. Смуглый, как прожаренные зерна кофе, он был без головного убора и вообще без всякой одежды. Рядом его мать, наполовину скрытая за зелеными кустами, собирала горох.

Лора остановилась, любуясь малышом. Потревоженная его появлением, Друзилла подняла голову и посмотрела на Лору поверх решетки, увитой стеблями гороха. Их взгляды встретились.

– Привет, – поздоровалась Лора.

– Привет. – Друзилла поставила корзину на землю и подошла к Лоре поболтать. Сложив на груди руки, она плечом прислонилась к одному из шестов.

– Чудный малыш.

– Его зовут Джошуа.

– Знаю. Ева сказала. Я – Лора Хаверсток.

– А я – Друзилла.

Выговор выдавал в ней уроженку севера Англии, что Лору немало удивило, потому что внешность у Друзиллы была экзотическая. Маленькая, хрупкая женщина – даже не верилось, что упитанного Джошуа вскормили столь худосочные корни, – со светлыми глазами и пышной копной непослушных волос цвета пакли, которые, казалось, сроду не знали ножниц. Пытаясь хоть как-то пригладить их, Друзилла перевязала голову плетеным шнуром, над которым ее волосы раздувались, как полиэтиленовая купальная шапочка, а ниже, густые, сухие и кудрявые, торчали в разные стороны.

Наряд ее был не более традиционен, чем прическа. Трикотажная сорочка с низким вырезом, скрывавшая ее плоскую, как у ребенка, грудь; сверху, несмотря на жару, бархатный пиджак, кое-где изъеденный молью; широкая длинная юбка из плотного хлопка почти до щиколоток; ступни голые и грязные.

Эксцентричный наряд Друзиллы дополняли украшения: сережка с синими камнями, свисающая с одного уха; на шее – нитка бус и пара серебряных цепочек; на тонких запястьях позвякивают браслеты; удивительно изящные пальцы унизаны кольцами. Лора без труда представила, как Друзилла играет на флейте.

– Ева сказала, что ты здесь. Она послала меня за малиной.

– Это там. Ты приехала вчера вечером, да?

– Верно.

– Надолго?

– Дней на десять, наверное.

– Ева говорила, ты не совсем здорова.

– Пару дней лежала в больнице. Ничего серьезного.

– Здесь ты быстро поправишься. Тут спокойно. Аура хорошая. Ты не находишь? Согласна, что здесь хорошая аура?

Лора сказала, что да, аура здесь хорошая. Она действительно так считала.

– А Ева милейшая женщина. Чудесная. Одолжила мне эту коляску для Джоша, у меня ведь своей нет. Раньше таскала его в старой коробке из-под продуктов, а он тяжеленный. С коляской гораздо сподручнее.

– Конечно.

– Ладно. – Друзилла выпрямилась, отошла от шеста. – Пойду дальше собирать. У нас на обед сегодня горох, верно, утенок? Горох с макаронами. Любимое блюдо Джоша. Еще увидимся.

– Надеюсь.

Друзилла снова исчезла в листве, а Лора с миской в руках пошла искать малинник.

После обеда они лежали в саду в шезлонгах, которые Ева поставила в крапчатой тени тутового дерева, – на солнце сидеть было слишком жарко. Джеральд отправился в Фальмут на какую-то встречу, связанную с яхт-клубом, а Мэй, после того как посуда была вымыта, удалилась в свои покои на верхнем этаже.

– Можно поехать на пляж, – спустя некоторое время предложила Ева, но потом они обе пришли к выводу, что погода слишком знойная и им совсем не хочется садиться в машину и куда-то ехать даже ради того, чтобы искупаться в море. Они решили довольствоваться отдыхом в саду, где находиться было приятно: благоухали розы, в листве щебетали птицы.

Ева взяла с собой кусок гобеленовой ткани и, ловко орудуя иглой с ниткой, шила чехол на стул. Лора блаженствовала в безделье, наблюдая за Люси. Та, маленький бурый комочек с загнутым крючком хвостом, радостно обнюхивала бордюры и кустарники в поисках кроликов. Наконец это занятие ей наскучило, и она, перебежав газон, резво запрыгнула хозяйке на колени. Лора стала поглаживать ее бархатистую на ощупь теплую шерстку.

– Прелестное существо, – сказала Ева. – И такая воспитанная. Давно она у тебя?

– Три года. Она жила со мной в Фулеме, ходила со мной на работу, спала под моим рабочим столом. Она привыкла хорошо себя вести.

– Я даже не знаю, чем ты занималась до того, как вышла замуж за Алека.

– Работала в издательстве. Пятнадцать лет. Многие, вероятно, сочтут, что я безынициативная, раз просидела на одном месте так долго, но я была там счастлива, дослужилась до редактора.

– Почему безынициативная?

– Ну, не знаю... Другие девушки гораздо предприимчивее, в авантюры всякие пускаются... Например, устраиваются поварами на яхты или автостопом добираются до Австралии. А я никогда особо предприимчивой не была.

Они умолкли. Было очень тепло, даже в тени дерева. Лора смежила веки.

– А я вот начала чехлы шить на стулья в столовой. Пока сделала только два, осталось восемь. Если буду работать такими темпами, до самой смерти не закончу.

– Чудесный у вас дом. Вы так замечательно все здесь обустроили.

– Ничего я не обустроивала. Он уже был такой чудесный, когда я сюда приехала.

– Дом большой, трудно, наверное, содержать его в порядке. Вам кто-нибудь помогает?

– Да, конечно. У нас есть садовник, он живет в деревне. Жена его почти каждое утро приходит, чтобы помочь мне по хозяйству. Ну и Мэй, разумеется. Хотя от нее уже толку мало. Ей ведь почти восемьдесят. Представляешь, это человек, который помнит, какой была жизнь до Первой мировой войны, на рубеже веков. Мэй прекрасно помнит свое детство, во всех подробностях. Зато не может вспомнить, куда она спрятала носки Джеральда или кто звонил мне и просил перезвонить. Мэй живет с нами, потому что она была моей няней, а потом растила Ивэна.

Ивэн. Алек немного рассказывал Лоре об Ивэне. О сыне Евы, с которым он познакомился на свадьбе Евы и Джеральда, куда тот явился – по причине какого-то нелепого недоразумения – не с одной, а сразу с двумя своими подругами, причем они терпеть не могли друг друга. Ивэн учился на архитектора, а получив диплом, устроился на работу в одну из компаний в Челтнеме, и казалось, ему обеспечена блестящая карьера, но он испортил себе репутацию, обручившись с некоей девушкой, а потом расторгнув помолвку. И все бы ничего, сказал Алек, если б он

пошел на попятную до того, как свадебные приглашения были разосланы, подарки получены и был воздвигнут большой шатер по случаю торжества. Но еще до того, как последствия этого вопиющего поведения дали о себе знать, Ивэн уволился из челтнемской компании и поселился в Корнуолле. В общем, ненадежный парень, сумасброд.

– Ивэн – это твой сын, да?

– Да. Мой сын – не Джеральда. Все время забываю, что ты с ним еще не знакома. Он живет в бывшем каретном сарае, что стоит в глубине двора. Он уехал в Бристоль по делам. По идее, должен бы уже вернуться. Может, это и добрый знак. Может, ему удалось продать много мебели.

– Я думала, он архитектор.

– Нет, он открыл небольшую фабрику в заброшенной часовне в Карнеллоу... Это в шести милях отсюда, на вересковой пустоши. У него есть компаньон, Мэти Томас. Он познакомился с ним в пабе. Хороший парень.

– Ты, должно быть, рада, что он живет рядом.

– Мы редко с ним видимся.

– Они с Джеральдом ладят?

– О да. Они очень привязаны друг к другу. Джеральд очень любил отца Ивэна. И Ивэна знает давно, с самого детства.

– Джеральд просто прелесть, – сказала Лора, изумившись тому, что у нее с языка сорвалось это замечание: ничего подобного она и не думала говорить. Но Еву ее слова не смутили. Напротив, она даже обрадовалась.

– Душечка, да? Я рада, что ты так думаешь.

– И такой симпатичный.

– Видела бы ты его в молодости.

– Ты его уже тогда знала?

– Да. Правда, не очень хорошо. Во-первых, я была замужем за Филиппом; во-вторых, Джеральд был начальником Филиппа и я благоговела перед ним. Потом, когда они оба вышли в отставку и Джеральд поселился в Корнуолле, а мы с Филиппом – в Гемпшире, мы какое-то время виделись очень редко. Но потом Филипп заболел. Джеральд навещал его, когда ездил в Лондон или если бывал в нашей местности. Когда Филипп умер, Джеральд приехал на похороны. Потом на пару дней задержался у меня, помог утрясти все правовые и финансовые проблемы, разобраться со страховкой, налогами. Помнится, он отремонтировал мне тостер, который дурил вот уже несколько месяцев, и устроил мне страшный нагоняй за то, что я не обслуживала машину в автосервисе.

– Твой муж долго болел?

– С полгода. Достаточно долго, чтобы забыть про автосервис.

– А потом ты вышла замуж за Джеральда.

– Да, мы поженились. Порой я оглядываюсь на свою жизнь и не верю своему счастью.

– У меня тоже так бывает, – призналась Лора.

– Это хорошо. Джеральд, конечно, прелесть, но и Алек хороший человек. Ты, наверное, с ним очень счастлива.

– Да, – подтвердила Лора.

В разговоре возникла короткая пауза. Лора все еще лежала с закрытыми глазами, но она представляла, как Ева, сидя рядом, шьет, время от времени поглядывая поверх своих очков в голубой оправе.

– Он пережил тяжелые времена. С Эрикой и Габриэлой мы знакомы не были. Джеральд утверждает, что Эрика стояла между Алеком и его семьей... Хаверстоками. Но после развода, когда Алек приезжал к нам, о ней он никогда не говорил, поэтому мы точно не знаем, что произошло.

– Она сбежала в Америку с другим мужчиной.

– Ну да, это мы слышали, но не более того. Да и не очень-то хотели знать подробности.

Он с ней общается?

– Нет.

– А с Габриэлой?

– Не думаю.

– Печально. И зачем только люди делают друг друга несчастными? Я всегда, постоянно, испытываю чувство вины перед Сильвией Мартен.

– Это та женщина, что была здесь вчера, когда мы приехали?

– Я хотела пригласить ее на ужин, но Джеральд не позволил.

– Кто она?

– О, она всю жизнь живет здесь. Урожденная Сильвия Трескарн. В юности Алек с братом приезжали в Тременхир на летние каникулы и, бывало, играли с ней в крикет на пляже. Она вышла замуж за человека по имени Том Мартен, и какое-то время они жили очень счастливо, у них было много знакомых, они постоянно ходили на вечеринки. А потом Том пристрастился к бутылке и, похоже, уже просто не мог остановиться. Конечно, было страшно смотреть... На твоих глазах человек физически разлагался. Некогда красивый мужчина к концу жизни выглядел мерзко: лицо цвета сливы, руки трясутся, взгляд блуждающий. Он умер в прошлом году.

– Ужасно.

– Да. Ужасно. Особенно для Сильвии, ибо она из тех женщин, которым в жизни обязательно нужен мужчина. Вокруг Сильвии всегда вились мужчины, как осы над горшочком с медом. В основном это были друзья Тома, но он вроде и не возражал. Есть женщины, которым мало внимания их мужей, они жаждут всеобщего восхищения, просто не могут без этого. В принципе, ничего плохого в этом нет.

Лоре сразу вспомнилась Дафна Боулдерстоун.

– Я знаю одну такую женщину, – сказала она. – Это жена друга Алека. У нее вечно запланированы обеды с какими-то таинственными джентльменами. Не знаю, где она находит время и силы.

– Да уж, – улыбнулась Ева, – тут требуется богатое воображение.

– А Сильвия ведь очень симпатичная. Наверняка выйдет замуж еще раз.

– Дай-то бог. Только вся беда в том, что после смерти Тома все воздыхатели Сильвии разом разбежались. Одно дело – флиртовать с замужней женщиной, другое – ухаживать за вдовой, это обязывает. Никто не хочет серьезных отношений.

– А она?

– Разумеется, хочет!

– Вообще-то, все женщины разные. Взять хотя бы мою тетю Филлис. Красавица, просто картинка, а вдовствует уже многие годы. Просто не хочет выходить замуж.

– А она, скажем так, богатая вдова?

– Да. Богатая, – ответила Лора.

– То-то и оно. Том умер от алкоголизма, а пьянство – дорогое удовольствие. Он оставил Сильвии очень мало денег. В частности, поэтому я и беспокоюсь за нее. Мне ужасно неудобно, что я не пригласила ее поужинать с нами вчера. Она совсем одна, а нас вон сколько, и мы все счастливы вместе.

– А нельзя ее пригласить к нам в другой вечер?

– Да, конечно. – Ева повеселела. – Мы пригласим ее на ужин через пару деньков, а когда Алек придет за тобой, мы все вместе пойдем в ресторан. В какой-нибудь роскошный ресторан. Это Сильвия обожает. Дорогой ужин в роскошном ресторане. Для нее это будет настоя-

щий праздник. Бог мой, ты не поверишь, уже почти половина пятого. Не возражаешь, если мы выпьем чаю здесь, в саду?

5

Лэндрок

Солнце жарило нещадно. В огороде трудился раздевшийся до пояса садовник – сажал салат латук на грядках за зарослями гороха. Джеральд на побуревшем газоне включил дождевальную установку. Вращающиеся струи воды на солнце переливались радужными бликами. На окнах гостиной Ева опустила жалюзи. Друзилла сидела на пороге своего домика; Джошуа, сидя рядом на корточках, старой оловянной ложкой ковырял в уголке ящика с травами, которые посадила Ева.

Среда. У Мэй официальный выходной. Ее нужно было отвезти на вокзал к поезду, следовавшему до Труро, и Лора предложила свои услуги. Она пошла в гараж, села в машину Евы, дав задний ход, осторожно выехала во двор и остановилась у черного хода, ожидая Мэй. Когда та появилась, Лора, перегнувшись в своем кресле, открыла ей дверцу, и старушка села рядом. На прогулку в город Мэй надела нарядное коричневое платье с узором из загогулин и свою детскую шерстяную шапочку с помпоном. С собой она взяла увесистую сумку и пластиковый пакет с изображением британского флага, так что казалось, будто она собиралась приветствовать кого-то из членов королевской семьи.

Следуя полученным инструкциям, Лора помогла Мэй купить билет до Труро и обратно и посадила ее в поезд.

– Удачи, Мэй.

– Большое спасибо, дорогая.

Лора вернулась в Тременхир, снова поставила машину в гараж. Друзилла и ее малыш уже исчезли, спрятавшись от жары в прохладе своего домика. Войдя на кухню, Лора увидела, что Джеральд, тоже устав возиться под палящим солнцем, сидит за кухонным столом, пьет пиво и читает «Таймс». Ева суежилась вокруг него, накрывала стол к обеду.

– Лора, ангел мой! – воскликнула она, когда Лора появилась в открытых дверях. – Ну что, проводила?

– Да. – Лора выдвинула стул и села лицом к развернутой газете Джеральда. – Не сварится она в своей шапке-то?

– Да уж. Таскаться по Труро в такую жару, да еще с чехлом для чайника на голове... К тому же сегодня базарный день. Давай лучше не будем об этом. Я уже махнула на это рукой.

Джеральд свернул «Таймс» и отложил газету.

– Давайте-ка налью вам чего-нибудь. – Он поднялся из-за стола и подошел к холодильнику. – Есть пиво, апельсиновый сок...

Женщины выбрали сок. Ева сняла передник, провела рукой по своим коротким серебристым волосам и тяжело опустилась на стул во главе длинного выскобленного стола.

– В котором часу она вернется? Я про Мэй.

– Примерно в семь. Кому-то придется ехать за ней на вокзал. Это мы позже обсудим. Итак, чем займемся сегодня? От жары мозги пухнут, даже думать не хочется... О, спасибо, дорогой. Какая красота!

В высоких бокалах колыхался лед.

– За меня не беспокойтесь, – сказала Лора. – Я просто посижу в саду.

– Пожалуй, можно бы съездить на пляж. – Ева тронула за руку сидящего рядом Джеральда. – А у тебя какие планы, дорогой?

– Я устрою себе сиесту. Склоню голову на пару часов. Потом, когда станет прохладнее, может быть, повыпалываю сорняки. А то по краям газона уже джунгли.

– Не хочешь поехать с нами на пляж?

– Ты же знаешь, я никогда не хожу на пляж в июле и августе. Мне не нравится, когда меня забрасывают песком, я не хочу глохнуть от транзисторов и дуреть от запаха противозагарного крема.

– Ну, может...

– Ева, – перебил ее Джеральд, – сейчас слишком жарко, чтобы строить какие-то планы. Давай пообедаем, а потом решим, что делать.

Ева поставила на стол холодный окорок, хрустящий хлеб, сливочное масло и блюдо с помидорами. Пока они лакомились этой вкуснятиной, тишину знойного дня за распахнутыми дверями нарушил рокот машины, которая въехала в ворота, затем через арку во двор и остановилась. Глухо хлопнула дверца. Ева положила вилку и прислушалась, обратив взгляд на дверь. Кто-то прошел по гравию, потом по выложенной плитам дорожке. На залитый солнцем участок кухонного пола легла тень.

– Всем привет.

Ева улыбнулась.

– Дорогой, ты вернулся. – Она подняла голову, подставляя для поцелуя лицо. – Все это время был в Бристоле?

– Утром приехал. Привет, Джеральд.

– Привет, старина.

– А это, – прибывший посмотрел на Лору, – это, должно быть, Алекова Лора.

Когда он сказал так – *Алекова Лора* – ее робость и смущение мгновенно куда-то испарились. Он протянул руку, она вложила в нее свою ладонь и улыбнулась, глядя ему в лицо.

Ее взору предстал высокий парень, хотя и не такой рослый, как Джеральд или Алек. Широкоплечий, загорелый, с грубоватыми мальчишескими чертами, глаза материнские, ярко-голубые, как цветки вероники, волосы густые, белокурые. На нем были холщовые брюки с вытертыми коленками и рубашка в сине-голубую клетку. На руке – массивные часы, на шее – золотой медальон на тонкой серебряной цепочке, видневшийся в вырезе полурасстегнутой рубашки.

– Здравствуйте, – официально поприветствовали они друг друга в один голос.

Это прозвучало так нелепо, что Ивэн рассмеялся. Улыбка у него была широкая, искренняя и обезоруживающая, как у матери. «Вот оно, его знаменитое обаяние, – подумала Лора, – причина его постоянных бед».

– Ты обедал? – спросил Джеральд.

Ивэн выпустил руку Лоры и повернулся к отчиму:

– Вообще-то, нет. Для меня найдется порция?

– И не одна, – заверила его мать.

Она встала из-за стола, чтобы принести для сына тарелку, бокал, ножи и вилки.

– Где Мэй? Ах да, сегодня ж среда. День Труро. Она загнется на этой жаре, помяните мое слово.

– Как съездил в Бристоль? – осведомился Джеральд.

– Очень удачно. – Ивэн подошел к холодильнику и, вернувшись к столу с банкой пива, сел рядом с Лорой. Ева положила перед ним приборы. Он открыл банку и налил пиво в бокал аккуратно, не создавая пенной шапки. – Мы получили два заказа от одного большого магазина и предварительный заказ еще от одного. Директор в отпуске, а его зам не хотел связывать себя обязательствами. Поэтому пришлось задержаться.

– Это же здорово, дорогой. Мэти, наверное, вне себя от радости.

– Да, это обнадеживает.

Подавшись вперед, Ивэн отрезал себе большой кусок хлеба. Руки у него были изящные, сильные и уверенные; ладони с тыльной стороны и предплечья покрыты обесцвеченными солнцем волосками.

– Где вы ночевали в Бристоле? – спросила Ева.

– В одном пабе, который посоветовал Мэти.

– На автостраде движение интенсивное?

– Да ничего, как обычно в середине недели. – Ивэн взял помидор и принялся его нарезать.

Обращаясь к Лоре, сказал: – Ты привезла с собой хорошую погоду. Я слушал прогноз по радио. Обещают еще несколько жарких деньков. Как Алек?

– У него все хорошо, спасибо.

– Жаль, что я его не застал. Хотя ничего страшного. Он ведь за тобой приедет? Вот тогда наконец и повидаемся.

– Приходи к нам на ужин, – пригласила сына Ева. – Мы с Лорой решили, что как-нибудь вечером все вместе пойдем ужинать куда-нибудь в ужасно дорогое и роскошное заведение. И Сильвию с собой позовем.

– Она будет в восторге, – заметил Ивэн. – Чтоб у столика метрдотель, в перерывах между блюдами фокстрот.

– А платить кто будет? – спросил Джеральд.

– Ты, конечно, дорогой.

Джеральд, как и ожидала Ева, ничуть не возмутился.

– Очень хорошо. Только не забудь заранее заказать столик. И не в том ресторане, где нам подали тухлые креветки с чесноком. Я потом несколько дней мучился.

Ивэн сварил кофе.

– Что будете делать сегодня после обеда?

– Хороший вопрос, – отозвался Джеральд.

– Джеральд намерен прикорнуть. Говорит, что не поедет с нами на пляж.

– А вы собираетесь на пляж?

– Еще не решили. – Ева глотнула кофе. – А ты? На фабрику, наверное, поедешь?

– Нет, нужно смотаться в Лэндрок. Мистер Коулсхилл приобрел старинную мебель из сосны – распродажа была в каком-то особняке. Он предоставил нам право первого выбора. Так что если я сегодня не появлюсь, то дилеры быстро ее оприходуют.

Ева снова поднесла ко рту чашку с кофе.

– Может, Лору с собой возьмешь? – предложила она. – Дорога красивая, и ей, возможно, понравится копаться в антиквариате.

– Конечно, – сразу согласился Ивэн. Он повернулся к Лоре. – Поедешь со мной?

Это неожиданное предложение застало Лору врасплох.

– Э... Да. Только зря вы беспокоитесь из-за меня.

Ева с сыном рассмеялись.

– Мы не беспокоимся, – заверила ее Ева, – и ехать тебя никто не заставляет, если ты предпочитаешь отдохнуть. Но тебе это может понравиться. В лавке той полно фарфора и прочего пыльного старья. Интересно покопаться.

Антикварные магазины Лоре нравились почти так же, как книжные.

– Пожалуй, поеду... Ты не будешь против, если я возьму с собой свою собачку?

– Ничуть. Если, конечно, это не датский дог, которого укачивает в дороге.

– Нет, это чудная маленькая такса, – сказала Ева. – Но я думаю, ее лучше оставить здесь со мной. Пусть бегаёт в саду.

– Тогда решено. – Ивэн отодвинул свой стул. – Едем в Лэндрок. А на обратном пути, может быть, остановимся на пляже Гвенвоу, искупаемся.

– Я была там два дня назад, – доложила ему мать. – Сейчас как раз отлив, купаться в самый раз.

– Как ты на это смотришь, Лора?

– Положительно.

– Отправляемся через пятнадцать минут. Мне нужно сделать пару звонков... И не забудь свои купальные принадлежности.

Как Лора и предполагала, Ивэн ездил в купе с открытым верхом, и дувший им в спину ветер постоянно швырял ей волосы на лицо. Она пыталась убирать их назад, но это было бесполезное занятие, поэтому Ивэн извлек откуда-то старый шелковый шарф, которым она и подвязала волосы. Интересно, много ли его подружек пользовались этим шарфом?

С милую они мчались на всех парах по центральной автостраде, а потом свернули в лабиринт петляющих узких дорог с крутыми поворотами, обрамленных с боков высокой живой изгородью, и Ивэн, не желая испытывать судьбу, сбавил скорость. Они мирно ехали, время от времени минув небольшие деревни и одинокие фермы, где пахло навозом и благоухали сады, засаженные яркими цветами. Живая изгородь пестрела фиолетовыми и темно-розовыми цветками фуксии, в канавах желтели лютики и торчали высокие кремовые стебли бутены.

– Здесь так спокойно, – сказала Лора.

– Можно было поехать по центральной дороге, но я в Лэндрок всегда езжу этим путем.

– Зачем вам старая мебель, если вы производите новую?

– Мы занимаемся и тем и другим. Когда я познакомился с Мэти, он занимался обработкой сосновой древесины. У него был свой бизнес, небольшой, но вполне успешный, недостатка в материалах он не испытывал. Но потом сосна неожиданно вошла в моду, и все лондонские дилеры принялись скупать все, что могли. Поставки древесины сократились.

– И как он поступил?

– А он ничего не мог поделать. У него не было средств на то, чтобы перебить их цены, и через какое-то время он уже был не в состоянии обеспечивать продукцией собственных клиентов. Вот тогда я и появился, год назад. Мы познакомились в пабе, за кружкой пива он поделился со мной своими неприятностями. Мэти мне понравился, он хороший парень, и на следующий день я зашел к нему в мастерскую, увидел стулья и стол, которые он изготовил сам. Я спросил, почему он не наладил собственное производство мебели. Он объяснил, что у него нет капитала на покупку оборудования, что он не потянет накладные расходы. Мы стали компаньонами. Я финансировал, Мэти обеспечивал производство. Несколько месяцев мы едва сводили концы с концами, но теперь появилась надежда. Думаю, скоро мы начнем получать прибыль.

– А я думала, ты архитектор.

– Архитектор. Работал в этой области несколько лет, в Челтнеме, представь себе. А когда поселился здесь, понял, что на всех архитекторов работы просто не хватает. Нет спроса на людей моей профессии. А разработка дизайна мебели не сильно отличается от проектирования зданий, да и мне всегда нравилось работать руками.

– Ты здесь навсегда поселился?

– Хотелось бы. Главное – не провиниться перед Джеральдом, а то он вышвырнет меня из Тременхира. Ты ведь впервые в этих краях? Ну и как тебе?

– Просто рай.

– Это ты сейчас так говоришь, потому что погода отличная. А вот подожди, как ветры начнут свирепствовать да дожди зарядят... Кажется, все, конец света.

– Мне немного боязно было ехать сюда, – призналась Лора. У нее это получилось само собой, потому что с Ивэном общаться было легко. – Думала, как же я буду тут одна, у чужих людей, которых вижу первый раз в жизни. Пусть даже они родственники Алека. Но врач сказала, что в Шотландию мне нельзя, а больше мне было некуда податься.

– Как? – изумился Ивэн. – У тебя нет своих родных?

– Нет. Ни единой души.

– Даже не знаю, завидовать тебе или сокрушаться. Но ты не переживай. Забота о близких – любимейшее занятие моей матери. Джеральд время от времени топает ногой, но она не унимается. Он ворчит, что она превратила дом в паршивую общину. Правда, свое раздражение по поводу всех нас, приживал, он изливает только тогда, когда ему кажется, что у Евы утомленный вид. Ты уже познакомилась с Друзиллой?

– Да.

– А с чертенком Джошуа? Появление Друзиллы в Тременхире – это, боюсь, моя вина.

– А кто она такая?

– Понятия не имею. Она появилась в Ланьоне год назад с младенцем Джошуа и парнем по имени Кев. Полагаю, он и есть отец Джошуа. Он всем представлялся художником, но картины писал такие ужасные, что никто даже в минуты безумия не подумал бы дать за них хорошие деньги. Они жили в маленьком домике на вересковой пустоши, а потом однажды вечером, девять месяцев спустя, Друзилла объявилась в пабе: на спине рюкзак, футляр с флейтой, малыш в картонной коробке из-под продуктов. Молва гласила, что Кев бросил ее и удрал в Лондон к другой женщине.

– Вот мерзавец.

– О, она к этому отнеслась философски. Особо даже не возмущалась. Но она была сломлена, да еще оказалась без крыши над головой. В тот вечер в пабе был Мэти, он пожалел ее и, когда паб закрылся, привел ее домой к своей жене. Они заботились о ней пару дней, но сразу было ясно, что на долгое время они не смогут оставить ее у себя. Я переговорил с Джеральдом, и она поселилась в домике в Тременхире. И по-моему, она неплохо тут устроилась.

– А вообще, откуда она?

– Кажется, из Хаддерсфилда. Я мало что о ней знаю. Можно сказать, вообще ничего. За исключением того, что она профессиональный музыкант. По-моему, когда-то играла в оркестре. Ты услышишь, как она занимается на флейте. Великолепно играет.

– Сколько ей лет?

– Не знаю. Лет двадцать пять.

– А на что она живет?

– Очевидно, на пособие.

– И что же с ней будет? – не унималась Лора.

Эта другая жизнь, совершенно ей незнакомая, вызывала у нее глубокий интерес. Она даже подумать не могла, что так можно жить.

– Тоже не знаю. Здесь не принято задавать подобные вопросы. Но за Друзиллу ты не бойся. Они с Джошуа нигде не пропадут.

Пока они беседовали, рельеф изменился, дорога поползла вверх. Теперь она пролегла по открытой местности, по осушенным болотам, где не было высокой растительности. Вдали виднелись покатые холмы, которые тут и там венчали машинные здания заброшенных оловянных рудников, торчавшие на фоне неба, словно зубья.

Они доехали до указателя на Лэндрок, а мгновением позже въехали в само селение, не такое живописное, как те, что встречались им на пути, – просто несколько рядов стандартных унылых каменных домиков, возведенных вокруг перекрестка. На его четырех углах стояли паб, газетный киоск, почта и длинное неопрятное здание, возможно когда-то служившее амбаром. Маленькие грязные окна были заставлены привлекательными старинными вещицами, на двери – вывеска: «У. М. Коулсхилл. Поддержанная мебель. Старинные украшения. Антиквариат».

Ивэн затормозил у обочины. Они вышли из машины. Здесь, на холме, было прохладнее, свежее. Вокруг, казалось, ни души. Они вошли в магазин, спустились на ступеньку. В помещении было градусов на десять холоднее, пахло сыростью, гнилью, затхлостью старой мебели и восковой политуры. Потребовалось какое-то время, чтобы глаза после яркого дневного света

привыкли к мглистому полумраку. Они остановились у входа, из глубины магазина донесся шорох. Из темноты выступила фигура старика в обвислом кардигане, осторожно пробиравшегося между горами наваленной мебели. Он снял очки, чтобы лучше видеть вошедших.

– А... Ивэн!

– Привет, мистер Коулсхилл.

Ивэн представил Лору. Они поговорили о погоде. Мистер Коулсхилл осведомился о здоровье Евы. Потом вместе с Ивэном они удалились в какой-то темный закуток, где, по-видимому, находилась мебель из сосны, которую приобрел старик. Предоставленная сама себе, в приподнятом настроении, Лора бродила по магазину, втискиваясь в недоступные углы, спотыкаясь о ведерки для угля, стульчики для доярок, сломанные подставки для зонтов, груды фарфора.

Но она бродила не бесцельно – искала подарок для Евы. Перед отъездом из Лондона у нее не было времени купить подарок для хозяйки Тременхира, и ей было неловко от того, что она приехала с пустыми руками. Наконец, наткнувшись на пару фарфоровых статуэток, фигурки пастуха и пастушки, она сразу поняла: то, что нужно. Она внимательно осмотрела фигурки – нет ли трещин, сколов и склеенных мест; статуэтки оказались в идеальном состоянии, только немного грязные. Лора сдула с них пыль, вытерла пастуха о юбку своего платья. Лицо у него было белое, с румянцем; шляпа – синяя, с полями, украшенными по кругу крошечными цветочками. Такие статуэтки она хотела бы иметь в своем доме, – наверное, по этому принципу всегда и следует выбирать подарки. С находками в руках она пробралась в центральную часть магазина, где ее ждали Ивэн и мистер Коулсхилл, судя по всему уже успешно завершившие свою сделку.

– Простите, загулялась. Не думала, что вы меня уже ждете. Вот, нашла... Сколько это стоит?

Мистер Коулсхилл назвал цену, Лора вздрогнула.

– Это подлинный дрезденский фарфор, – заверил ее старик. Он перевернул фигурки.

Лора обратила внимание на его длинные грязные ногти.

– Настоящий дрезденский фарфор в идеальном состоянии, – он показал Лоре клеймо на основании статуэток.

– Беру.

Пока она выписывала чек, мистер Коулсхилл отошел ненадолго и вернулся с ее покупкой, завернутой в грязную газету. Она отдала ему чек и забрала у него свой драгоценный пухлый сверток. Он направился к выходу, открыл для них дверь, проводил из магазина. Они попрощались и сели в машину. После зябкой прохлады магазина приятно было вновь выйти на жару.

– Пожалуй, ты переплатила, – сказал Ивэн.

– Не важно.

– Очаровательные вещицы.

– Это для твоей мамы. Думаешь, ей понравится?

– Для Евы? Ты просто чудо!

– Правда, прежде чем дарить статуэтки, нужно будет их отмыть. Их, наверное, сто лет не мыли. Да и по дороге домой надо бы остановиться где-нибудь, купить подарочную бумагу. Не дарить же их в грязной газете.

Лора посмотрела на Ивэна. Он улыбался.

– Ты, наверное, очень любишь делать подарки.

– Да. Мне это всегда нравилось. Только, – добавила она в порыве откровенности, – до вступления в брак с Алеком я не могла себе позволить дарить то, что хотела бы купить. А теперь могу. – Она надеялась, что Ивэн не расценил ее слова как признание в том, что она вышла замуж по расчету. – Это замечательное чувство, – сказала она в свое оправдание.

– В городе есть магазин подарков. Там и купим бумагу, но сначала искупаемся.

Опасаясь нечаянно разбить статуэтки, Лора положила сверток в ноги, там он никуда не упадет.

– А ты? – спросила она. – Доволен своим приобретением?

– Да. Вполне. Хотя, как и ты, я наверняка переплатил. Ну и что? Ему тоже нужно как-то жить. – Ладно, – Ивэн завел машину, – забыли про покупки и едем в Гвенвоу, на море.

Сильвия лежала в шезлонге, в том самом, где минувшим днем отдыхала Лора. Джеральд, поработав немного мотыгой, уехал в город по каким-то своим мужским делам, и Ева, ухватившись за возможность успокоить свою потревоженную совесть, позвонила Сильвии и пригласила ее на чай. Сильвия приняла приглашение с подозрительной готовностью и явилась тотчас же, пешком преодолев короткое расстояние от своего домика до Тременхира.

Было уже половина шестого, чаю они попили. На низеньком столике между ними стояли пустой заварочный чайник, чашки и блюдца из тонкого рокингемского фарфора, недоеденное печенье. Люси, решившая, что в отсутствие Лоры она вполне может побыть и с Евой, лежала, свернувшись клубочком, под ее шезлонгом. Ева шила чехол.

Она глянула на часы:

– Пора бы им уже быть дома. Надеюсь, Ивэн не очень утомил Лору. В Гвенвоу он обычно поднимается на скалу и оттуда ныряет, а Лоре тяжело идти в гору. Надо было его предупредить.

– Думаю, Лора способна сама о себе позаботиться, – сказала Сильвия.

– Да, пожалуй. – Ева вскинула голову, иголка застыла в ее руке. Через деревню ехала машина. – Легки на помине. Пойду-ка заварю свежий чай.

– Может, они и не хотят ничего, – резонно рассудила Сильвия.

Они прислушались. Хлопнули дверцы машины. Зазвучали голоса. Смех. В следующую минуту Ивэн с Лорой появились в проеме арки из эскаллонии и по залитому солнцем газону направились к ожидавшим их женщинам, наблюдавшим за их приближением. Ивэн и... Да, Лора. Только теперь уже не та бледная девушка, что приехала в Тременхир два дня назад. Ева на секунду оторопела, не сразу узнав ее. Но, конечно, это была Лора. Лора с ее не обсохшими после купания темными прилизанными волосами, в сарафане свободного покроя. Ее голые длинные руки и ноги уже немного загорели, имели теплый медовый оттенок. Неожиданно задник на одной ее открытой туфле соскочил с пятки. Она встала на одну ногу, поправляя ремешок. Ивэн поддержал ее за руку. Он сказал что-то, она рассмеялась.

Люси, услышав ее смех, села, наострив уши, и, увидев Лору, кинулась к хозяйке, виляя хвостом. Лора, поправив туфлю, наклонилась и подхватила Люси на руки. Та в награду за ее усилия облизала Лоре лицо. Они пошли по траве – белокурый парень, темноволосая симпатичная девушка с маленькой собачкой на руках.

– Привет! – крикнула им Ева, когда они подошли поближе. – А мы уж думали, с вами что-то случилось. Хорошо погуляли?

– Да. Замечательно. Наконец-то охладилась. Привет, Сильвия. Не знал, что ты здесь.

Наклонившись, Ивэн поцеловал Сильвию в щеку – на ней были огромные солнцезащитные очки, – поднял крышку чайника.

– Что-нибудь осталось? Чертовски хочется пить.

Ева отложила гобелен в сторону:

– Сейчас заварю.

Но Ивэн не дал матери встать, положив руку ей на плечо.

– Не беспокойся, мы сами. – Он рухнул на траву, откинулся назад, опершись на локти.

Лора присела на корточки у ног Сильвии и опустила Люси на землю. Улыбнулась Сильвии:

– Привет.

– Куда ты ее возил? – спросила Сильвия у Ивэна.

– В Гвенвоу. Там уйма народу, визг, крики, но ты была права: море отличное.

– Надеюсь, ты не очень устала, – сказала Ева, обращаясь к Лоре.

– Нет. Чувствую себя великолепно. Будто заново на свет родилась. – Лора опустила на траву, подогнув под себя колени. После купания в море вид у нее был посвежевший. «Пятнадцатилетняя девочка», – подумала Ева.

– Ты прежде не бывала в Корнуолле? – осведомилась у Лоры Сильвия.

– Нет. Первый раз здесь. В детстве я жила в Дорсете, и летом мы обычно ездили в Лайм-Реджис.

– В молодости мы с Алеком вместе играли на пляже... Жаль, что мне не удалось поболтать с ним, когда он был здесь. Хотя Ева обещала, что мы еще успеем пообщаться, когда он за тобой приедет. Он уехал в Шотландию?

– Да. На рыбалку.

– И вы по-прежнему живете в Лондоне?

– Да. В том же доме, где Алек всегда жил. В Ислингтоне.

– Я часто ездила в Лондон в былые времена, когда муж был жив. И это всегда был настоящий праздник. Правда, я уже сто лет там не была. Отели теперь жутко дорогие, и вообще все дорого... Даже поездка на такси для меня разорение.

– У нас есть свободная комната. Это не хоромы, но если захочешь остановиться у нас, она в твоём распоряжении.

– Спасибо.

– Только сообщи о своём приезде. Уверена, Алек будет рад. Это на Эбигейл-кресент. Дом тридцать три. Можно просто позвонить. У Евы есть наш телефон.

– Даже не знаю, как и благодарить. Может, и воспользуюсь твоим предложением.

– Оно абсолютно искреннее. Надеюсь, ты к нам приедешь.

Ева беседовала с сыном:

– Как твой визит к мистеру Коулсхиллу?

Сильвия, услышав имя антиквара, вмешалась в разговор:

– Нашел что-нибудь интересное, Ивэн?

– Да, не зря съездил. Купил красивый кухонный шкаф и очень симпатичные стулья со спинкой в виде колеса. Смотрятся великолепно. Думаю, это достойные образцы для подражания. Мэти будет в восторге.

– Я так рада за тебя, дорогой. Удача за удачей несколько дней подряд, – сказала Ева.

– Знаю. Мы с Лорой решили отпраздновать это событие. Сегодня вечером в моем каретном сарае я устраиваю коктейль. Может быть, даже с шампанским, если найду хорошее. Сильвия, ты тоже приглашена. Жду всех в семь часов.

Сильвия обратила на него свой взор, скрытый за темными стеклами очков.

– О... Не думаю, – начала она, но Ева ее перебила:

– Никаких отговорок, Сильвия. Приходи непременно. Без тебя это будет уже не та вечеринка. Ивэн, если не найдешь шампанское, я уверена, Джеральд...

– Найду, не волнуйся. Съезжу и куплю, – заверил мать Ивэн. – Это моя вечеринка.

Часом позже, когда Лора принимала ванну, к ней заглянула Ева:

– Лора, к телефону. Звонят из Шотландии. Наверное, Алек.

– Слава богу. – Лора вылезла из теплой ароматизированной воды, обернулась в большое белое полотенце и спустилась вниз, голыми ступнями оставляя мокрые следы на гладких ступенях лестницы. Телефон стоял на комодике у входной двери. Она взяла трубку:

– Аллю.

– Лора.

Голос Алека доносился будто с другого края света. Впрочем, он и был на другом краю света.

- О Алек.
- Как дела?
- Хорошо. Нормально добрался?
- Да. Без остановок. Приехал сюда около девяти вечера.
- Вымотался, наверное.
- Да нет, ничего.

Лора ненавидела телефоны. Чудовищное изобретение. Она всегда терялась, не знала, что сказать в трубку.

- Как погода? – спросила она.

– Льет как из ведра, довольно холодно. Но реки полные, и рыбы много. Дафна сегодня поймала своего первого лосося.

Льет как из ведра, довольно холодно. Лора подняла голову, глядя в вытянутые окна на безоблачное небо, на иссушенный солнцем сад Тременхира. Она попыталась представить залившую дождем холодную Гленшандру и не смогла, и не потому, что никогда там не была. Как будто она находилась за тридевять земель от своего мужа, уплыла от него за семь морей. Она представила Дафну в плаще, в сапогах, с удочкой в руках... Представила, как вечером они все болтают, пьют виски, сидя в маленьком баре у пылающего камина. Без камина там нельзя. Лора была рада, что ее там нет, и это постыдное облегчение сразу наполнило ее чувством вины.

– Здорово. – Она постаралась придать своему голосу радостное оживление, даже улыбнулась в трубку, словно Алек мог ее видеть. – Привет ей передай. – И тут же добавила: – И остальным тоже.

- А ты чем занимаешься? – спросил Алек. – Надеюсь, отдыхаешь?

– Вчера отдыхала, а сегодня познакомилась с Ивэном, мы ездили на пляж, чудно искупались.

- Значит, Ивэн вернулся?

- Да. Сегодня утром.

- Как его поездка в Бристоль?

– По-моему, удачно. По этому поводу устраивает сегодня вечеринку. Всех нас пригласил к себе. – И добавила: – На коктейль. Может, и шампанским угостит, если найдет.

- Похоже, ты не скучаешь.

- Нет, Алек, не скучаю. Мне здесь очень хорошо.

- Смотри не утомляй себя.

- Не буду.

- Я еще позвоню.

- Да, пожалуйста.

- Что ж, до свидания.

- До свидания... – Она помедлила. – До свидания, дорогой.

Но она медлила слишком долго, Алек уже положил трубку.

Ева приняла душ, надела легкое платье и, покинув свою спальню, по черной лестнице спустилась на кухню. Здесь после коктейля у Ивэна они все соберутся на ужин. Она уже сервировала стол – красиво, по-деревенски: клетчатые салфетки, белые свечи, глиняный кувшин с маргаритками.

Джеральд уже переоделся к ужину и уехал на вокзал встречать Мэй. Мэй всегда ужинала наверху в своей комнате, а вот для Ивэна и Сильвии Ева тарелки поставила и теперь стояла, раздумывая, нужно ли поставить еще одну – для Друзиллы. Она не знала, пригласил ли Ивэн Друзиллу на свой коктейль, но это не значило, что та не придет. Непредсказуемая женщина. В конце концов Ева решила на Друзиллу не накрывать – при необходимости тарелку всегда можно поставить в последний момент.

Приняв это решение, Ева покинула кухню и вышла во двор. На улице было тепло, пахло травами. На крыше голубятни ворковали, тихо переговаривались голуби. Иногда, поддавшись внезапному порыву, они взмывали ввысь и, широко расправив крылья, парили на фоне синего неба. У Ивэна при домике не было своего садика, и он поставил маленький столик и стулья вокруг него перед открытой дверью своего жилища. Сильвия уже прибыла и сидела там, держа в одной руке зажженную сигарету, в другой – бокал вина. Ивэн беседовал с ней, навалившись на стол, но при виде матери выпрямился.

– Иди сюда. Ты как раз успела на первый раунд.

Сильвия приподняла свой бокал:

– Шампанское, Ева. Какое угощение!

На Сильвии было светло-желтое платье, которое Ева часто видела на ней прежде и считала, что оно ей очень идет. Кудряшки густых седых волос обрамляли лицо Сильвии, словно лепестки хризантемы, и она, по-видимому, немало времени провела перед зеркалом, накладывая макияж. Золотые гвоздики блестели в мочках ее ушей, запястье одной руки обвивал золотой браслет в виде цепочки с золотыми подвесками.

– Сильвия, ты неотразима, – сказала Ева, усаживаясь рядом с ней.

– Ну, я подумала, что по такому случаю не грех и принарядиться. Где Джеральд?

– Поехал за Мэй. Будет с минуты на минуту.

– А Лора? – поинтересовался Ивэн.

– Тоже сейчас придет. Ей Алек позвонил из Шотландии, – наверное, поэтому она и задержалась.

Дверь домика Друзиллы была открыта, и Ева понизила голос:

– Ты пригласил Друзиллу?

– Нет, – ответил Ивэн. Он налил бокал шампанского и подал его матери. – Но она наверняка не преминет составить нам компанию, – успокаивающе добавил он.

В этот момент показалась Лора – вышла, как и Ева, через кухню и по гравии зашагала к ним. Восхитительно прелестна, отметила про себя Ева. На Лоре было воздушное батистовое платье переливчатого синего цвета, изящного покроя, с мелкими сборками. Серьги с аквариамином в обрамлении мелких бриллиантов выгодно подчеркивали богатый цвет ее наряда. Свои длинные пушистые ресницы она подкрасила черной тушью, отчего ее глаза лучились и казались очень большими.

– Надеюсь, я не опоздала.

– Опоздала, – ответил ей Ивэн. – Намного. На целых две минуты. Сколько можно ждать!

Лора скорчила ему рожицу и обратилась к Еве.

– Это тебе, – сказала она.

Сначала, когда Лора вышла во двор, Еве показалось, что у нее в руке дамская сумочка, но теперь она увидела, что это сверток в розовой оберточной бумаге, перевязанный голубой лентой.

– Мне? – Ева поставила на столик свой бокал и взяла у Лоры сверток. – О, как мило. Только зря ты это.

– Это мой подарок хозяйке дома, – объяснила Лора, усаживаясь за стол. – В Лондоне у меня не было возможности что-нибудь подыскать, а вот сегодня наконец-то купила.

На глазах у всех присутствующих Ева развязала ленту, развернула бумагу – сначала розовую, потом белую. В свертке лежали две маленькие фарфоровые статуэтки. Ничего более прекрасного она еще не видела. От восхищения Ева утратила дар речи.

– О... О... Спасибо, – наконец промолвила она и, перегнувшись через столик, поцеловала Лору. – Даже не знаю, как тебя благодарить. Очаровательные фигурки.

– Ну-ка покажи. – Сильвия взяла у нее одну статуэтку.

Перевернула ее, как это делал мистер Коулсхилл, рассматривая маркировку. «Дрезден». Она глянула на Лору, и та, встретив взгляд топазовых глаз Сильвии, молча попросила ее воздержаться от предположений об астрономической цене подарка. Через секунду Сильвия поняла намек и улыбнулась. Перевернула пастуха и поставила его на стол.

– Красивые статуэтки. И где только ты их нашла? Молодец, Лора.

– Я поставлю их в своей спальне, – заявила Ева. – Все свои самые ценные, дорогие сердцу вещи я держу в спальне. Смотрю на них, когда просыпаюсь, смотрю, когда засыпаю. У мистера Коулсхилла купила?

– Да.

– Старый мошенник, – проворчала Сильвия. – Но у него среди хлама встречаются достойные вещи. Хотя дерет он за них бешеные деньги.

– Ну, как я говорил, ему тоже надо как-то жить, – сказал Ивэн. – А дрезденский фарфор в наши дни – большая редкость.

– Я их пока заверну, чтобы не разбить. – Ева принялась заворачивать статуэтки. – Ты просто чудо, Лора. Расскажи-ка про Алека. Как он там?

Лора начала рассказывать, но успела сообщить только то, что Алек благополучно добрался до Гленшандры, потому что в эту минуту машина Джеральда въехала в ворота, затем во двор и скрылась в гараже. Мгновением позже Джеральд вышел из гаража. Рядом с ним шла Мэй. Она по-прежнему была в своей шерстяной шапке, но еле волочила ноги. Ева сразу это заметила, и у нее защемило сердце. Должно быть, Мэй провела утомительный день, слишком много ходила. Казалось, она с благодарностью опирается на Джеральда, поддерживавшего ее под локоть. В другой руке она несла свою сумку и подозрительно пухлый пластиковый пакет с изображением британского флага. При мысли о его содержимом у Евы еще сильнее сжалось сердце.

Они остановились.

– Хорошо погуляла, Мэй? – спросила Ева.

– Да, замечательно, – ответила старушка. Но не улыбнулась. Взгляд ее старческих глаз скользил по лицам, не упуская ни малейшей детали. Она заметила и шампанское, и бокалы. Ее губы сморщились в недовольную складку.

– Ты, должно быть, устала. Хочешь, я пойду с тобой, принесу тебе ужин?

– Нет, нет, сама управлюсь. – Мэй решительно высвободила у Джеральда свою руку. – Спасибо, что встретил меня, – поблагодарила она его и повернулась к ним всем спиной.

Они смотрели, как она медленно тащится к дому, входит в кухню.

– Злобная карга, – сказала Сильвия.

Дверь за Мэй со стуком захлопнулась.

– Сильвия, ну зачем ты так? Она, если бы это услышала, страшно обиделась бы.

– Ой, Ева, прекрати, карга она и есть карга. На меня в жизни никто так не смотрел. Будто мы тут оргию устроили.

Ева вздохнула. Бессмысленно было что-то объяснять. Джеральд направился к ним, а Ева, подняв голову, перехватила взгляд сына. Ивэн знал, о чем она думает. Приободлив мать улыбкой, он отвернулся и выдвинул стул для отчима.

От улыбки сына Еве полегчало на душе, но лишь чуть-чуть. С другой стороны, они ведь собрались по такому чудесному поводу, компания замечательная, шампанское восхитительное, вечер превосходный, и было бы неправильно пренебречь всем этим, изводя себя тревогами о Мэй. Нужно жить настоящим, ценить каждое прекрасное мгновение.

Солнце садилось, тени удлинялись. В этот час Тременхир превращался в волшебный уголок. Сумерки. *L'heure blue*¹³. Еве вспомнились другие подобные вечера в далеком прошлом,

¹³ Синий час (*фр.*).

на Средиземноморье, вечера, когда они, нажарившись за день на солнце, сидели с друзьями в прохладе террас и пили вино. Террасы утопали в бугенвиллее с розово-лиловыми цветами, в воздухе витал смолистый запах сосны. Над темным затихшим морем поднималась полная луна. Стрекотали цикады. Так было на Мальте, когда она вышла замуж за Филиппа. Так было на юге Франции, где они с Джеральдом проводили медовый месяц.

Ева подняла глаза и увидела, что Джеральд наблюдает за ней. Она улыбнулась, он чмокнул губами, украдкой послав ей поцелуй.

Друзилла к ним не вышла, но в своем домике стала играть на флейте. Сумерки сгущались. Вечеринка, устроенная Ивэном, была в самом разгаре. Они все выпили много шампанского, и Сильвия начала рассказывать Джеральду старый анекдот, который всегда, как она знала, его веселил. Но едва теплый вечер огласили первые сладостные звуки флейты, смех и голоса стихли и даже Сильвия умолкла.

Моцарт. «Маленькая ночная серенада». Волшебная музыка. Даже не верилось, что у чудаковатой Друзиллы столь удивительный талант. С наслаждением слушая ее игру, Ева вспоминала оперный фестиваль в Глайнборне, который она впервые посетила вместе с Джеральдом. Ева решила, что этот концерт ничуть не хуже и пьянящая музыка в исполнении Друзиллы столь же очаровательна.

Когда мелодия стихла, с минуту они все сидели не шевелясь, а потом стали аплодировать. Джеральд поднялся со своего стула. Бурные аплодисменты.

– Друзилла! Bravo! Иди к нам. Ты доставила нам огромное удовольствие и заслужила награду.

Через мгновение Друзилла появилась в распахнутых дверях своего жилища, прислонилась плечом к косяку, сложив на груди руки, – восхитительно необычная, колоритная фигура: густая шапка непослушных светлых волос, архаичный наряд.

– Так вам понравилось? – уточнила она.

– «Понравилось» – не то слово. Ты играешь как ангел. Иди выпей шампанского.

Друзилла повернула голову и, как Мэй некоторое время назад, смерила всех взглядом. Ее лицо никогда, даже в лучшие времена, не отличалось выразительностью, но сейчас по нему и вовсе нельзя было догадаться, что у нее на уме.

– Нет, не пойду, – сказала она, помедлив. – Спасибо за приглашение.

И она скрылась в домике, захлопнув за собой дверь. Больше на флейте она не играла.

6

Пенджицаль

Погода менялась, атмосферное давление падало. Поднялся ветер, теплый и порывистый, дувший с юго-запада. На горизонте сгущались тучи, но небо оставалось голубым; тут и там по нему проплывали кучевые облака. Море, еще недавно ровное, словно синяя шелковая шаль, теперь дыбилося, пестрело белыми гребнями бурунов. Двери хлопали, окна дребезжали; простыни, наволочки и пеленки Джошуа с шумом раздувались, бесновались на бельевых веревках, будто плохо натянутые паруса.

Была суббота, и Ева – какое счастье! – в кои-то веки хозяйничала на кухне одна. Мэй чинила в своей комнате ворох белья и одежды, и Ева надеялась, что она спустится лишь к обеду. Друзилла отправилась в деревню за покупками, толкая перед собой старую коляску с Джошуа. Было ветрено, и она накинула на плечи шерстяную шаль и надела на Джошуа – что немало порадовало Еву, – помимо подгузника, войлочный свитер, который она купила на распродаже подержанных вещей на благотворительном базаре.

В субботу фабрика не работала, и Ивэн свободный день посвятил Лоре – посадил ее в свой автомобиль и повез показывать северное побережье и бухту Пенджицаль. Ева собрала для них корзину со снедью и предупредила сына, чтобы он не позволял Лоре много ходить и вообще утомляться.

– Не забывай, она недавно из больницы и сюда приехала набираться сил.

– Вечно ты квохчешь, как беспокойная наседка, – ответил он. – За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я заставлю ее отшагать десять миль пешком?

– Я тебя знаю, а за нее я отвечаю перед Алеком.

– Ну и какой же я?

– Энергичный, – только и сказала Ева, хотя могла бы наградить его еще десятком не самых лестных эпитетов.

– Мы устроим пикник, может, окунемся.

– А не холодновато для купания?

– Пенджицаль – закрытая бухта. Там всегда тихо, даже если вокруг свистит ветер. И не волнуясь, я о ней позабочусь.

Так Ева и оказалась одна. Было одиннадцать часов, и она варила кофе для себя и Джеральда. Потом поставила на поднос две чашки, молоко, сахар, тарелку с имбирным печеньем для мужа и, покинув кухню, по коридору прошла к кабинету Джеральда. Он сидел за письменным столом, работал с документами по ведению хозяйства. При появлении жены Джеральд отложил ручку, откинулся на стуле, снял очки.

– Что-то тихо у нас сегодня, – сказал он.

– Конечно тихо. Если, кроме нас с тобой да Мэй, никого нет. Тем более что Мэй наверху, штопает твои носки.

Ева поставила перед мужем поднос.

– Две чашки, – заметил Джеральд.

– Одна для меня. Я выпью кофе здесь, с тобой. Посидим пять минут вместе, поболтаем, пока нам никто не мешает.

– Приятное разнообразие.

Ева взяла свою чашку и отошла к большому креслу у окна, в котором Джеральд иногда дремал после обеда или вечерами читал газеты. Это было очень удобное и по всем параметрам мужское кресло, в котором ее маленькая фигурка просто терялась. Впрочем, и сам кабинет был уютным тоже по-мужски: стены, обшитые деревянными панелями, фотографии кораблей, другие памятные вещи, связанные со службой Джеральда в военно-морских силах.

– Лора чем занимается? – спросил он.

– Ивэн повез ее на экскурсию на своей машине. Я собрала им еды для пикника. Думаю, они поехали в Пенджицаль посмотреть на тюленей.

– Надеюсь, благоразумие ему не изменит.

– Я предупредила его, что ей нельзя уставать.

– Я не о том, – сказал Джеральд.

Он очень хорошо относился к Ивэну, но не питал иллюзий на его счет.

– Зря ты так плохо о нем думаешь, Джеральд. Он просто старается быть любезным. К тому же Лора – жена Алека, да и старше она Ивэна.

– Весомый аргумент, ничего не скажешь. Однако она очень мила.

– Красавица, правда? Я не думала, что она красива. Представляла ее себе такой серой мышкой. Хотя, возможно, до знакомства с Алеком она и была серой мышкой. Просто диву даешься тому, как способны преобразить простушку забота любящего человека и дорогие наряды.

– Почему ты решила, что она была серой мышкой?

– Из того, что она рассказывала о себе. Единственный ребенок, родители погибли в автокатастрофе, воспитывалась у тети.

– Ее тетя – старая дева?

– Нет, скорее веселая вдовушка. Они жили в Хэмпстед. Но потом, став взрослой, она устроилась на работу и нашла собственное жилье. И, насколько я могу судить, так она жила следующие пятнадцать лет. Работала в издательстве, дослужилась до редактора.

– Значит, она не глупа, но из этого не следует, что она была серой мышкой.

– Да, но это говорит о том, что она не предприимчива. Да и сама Лора первая это признаёт.

Джеральд взболтал в чашке кофе.

– Тебе она нравится, да?

– Очень.

– Думаешь, она счастлива с Алеком?

– Да, пожалуй.

– Как-то неуверенно ты это сказала.

– Замкнутая она, сдержанная. Мало говорит о нем.

– Может, просто не хочет, чтоб ей лезли в душу.

– Ребенка она хочет.

– И что ей мешает его завести?

– Непостижимые женские проблемы. Тебе не понять.

Джеральд, мудрый человек, не стал выпытывать подробности. Вместо этого спросил:

– А если у них не будет детей? Для них это очень важно?

– Для нее, думаю, да.

– А для Алека? Ему ведь, наверное, уже пятьдесят. Хотел бы он снова слышать детский ор в своем доме?

– Откуда мне знать? – Ева нежно улыбнулась мужу. – Я у него не спрашивала.

– Может быть, если...

На столе Джеральда внезапно зазвонил телефон.

– Проклятье, – выругался он.

– Не отвечай. Пусть думают, что нас нет дома...

Но Джеральд уже снял трубку:

– Тременхир.

– Джеральд?

– Да.

– Это Сильвия... Я... О Джеральд...

Ева ясно слышала ее голос и пришла в смятение, когда поняла, что Сильвия рыдает.

Джеральд нахмурился:

– Что случилось?

– Нечто ужасное... Страшное... Отвратительное...

– Сильвия, в чем дело?

– Я не могу... Не могу объяснить по телефону. Приезжайте, пожалуйста! Вместе с Евой! Без никого. Только ты и Ева...

– Что, прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас. Пожалуйста. Прости, но больше никто...

Джеральд глянул на жену. Та закивала, словно безумная.

– Сейчас приедем, – пообещал он. Голос у него был ровный, ободряющий. – Дождись нас и попытайся успокоиться. Мы будем минут через пять.

Он со стуком положил трубку на рычаг. Подняв голову, он увидел устремленный на него через комнату полный отчаяния вопросительный взгляд жены.

– Сильвия, – сообщил он, хотя в том не было необходимости. – Вот и посидели вдвоем.

– Что стряслось?

– Бог его знает. Чертова баба. Бьется в истерике.

Он поднялся из-за стола, задвинул стул. Ева тоже встала, все так же держа чашку в руке. Ее рука дрожала, и чашка дребезжала на блюде. Джеральд подошел к жене, забрал чашку и поставил ее на поднос.

– Пойдем. – Он обнял ее за плечи и, поддерживая, неторопливо повел из комнаты. – На машине поедем.

Дорога, ведущая в деревню, была усеяна слетевшими с деревьев зелеными листьями. Они въехали в ворота дома Сильвии. Ева увидела, что входная дверь распахнута. Терзаемая дурным предчувствием, она выбралась из машины еще до того, как Джеральд заглушил двигатель.

– Сильвия!

Ева вбежала в дом и в дверях гостиной увидела Сильвию с искаженным от горя лицом. Женщины сошлись в середине тесной прихожей.

– О... Ева, как хорошо, что ты здесь.

Всхлипывая, что-то бормоча бессвязно, Сильвия упала ей в объятия. Ева прижала ее к себе, стала утешать, похлопывая по плечу.

– Ну, будет... Будет, все хорошо, мы здесь, – снова и снова повторяла она бессмысленный набор слов.

Джеральд, вошедший вслед за женой, решительно закрыл входную дверь. Приличия ради выждав пару минут, он сказал:

– Ну все, Сильвия, хватит. Успокойся.

– Простите... Вы так добры...

Усилием воли Сильвия взяла себя в руки, отстранилась от Евы, вытащив из рукава свитера носовой платок, вытерла заплаканное лицо. Ее жалкий вид шокировал Еву. Она редко видела Сильвию без макияжа, и сейчас та выглядела какой-то оголенной, незащитной и сильно постаревшей. Волосы растрепаны, ладони, загорелые и огрубевшие от работы в саду, бесконтрольно тряслись.

– Давайте-ка пройдем в комнату, – сказал Джеральд, – сядем, и ты нам все спокойно расскажешь.

– Да... Да, конечно...

Сильвия повернулась, и они последовали за ней в ее маленькую гостиную. Ева – ей казалось, что ноги у нее стали резиновыми, – устроилась в уголке дивана. Джеральд выдвинул стул из-за стола, развернул его и сел прямо. Невозмутимый, хладнокровный, он явно задался целью погасить панику, выяснить все по порядку.

– Итак, что случилось?

Сильвия стала рассказывать, непроизвольно всхлипывая время от времени. Ее голос дрожал, срывался. Она ездила в город за покупками, а когда вернулась, обнаружила у порога на коврике несколько писем, доставленных с утренней почтой. Пару счетов и... Это...

Послание лежало на ее столе. Она взяла его, передала Джеральду. Небольшой коричневый конверт, в который обычно кладут документы.

– Вскрыть? – спросил у нее Джеральд.

– Да.

Он надел очки, извлек из конверта письмо. Листок розовой писчей бумаги. Джеральд развернул письмо, прочитал. Много времени это не заняло.

– Понятно, – произнес он.

– Что там? – осведомилась Ева.

Джеральд встал и молча отдал ей письмо. Ева взяла его кончиками пальцев, как нечто заразное. Джеральд снова сел и принялся внимательно изучать конверт.

Ева увидела линованный листок писчей бумаги с дурацким изображением феи в его верхней части, на каких обычно пишут дети. Послание было составлено из букв, вырезанных из газетных заголовков и аккуратно приклеенных одна рядом с другой.

Ты ГУляЛа С ДРУгиМи МУжчиНАми поТОму ТвОй Муж и заПил БЕсСтыДНиЦА

Впервые в жизни у Евы возникло ощущение, что она столкнулась с настоящим злом. Но вслед за чувством омерзения ее охватил жуткий страх.

– О Сильвия...

– Чт... Что мне делать?

Ева сглотнула комок в горле. Важно было сохранять объективность.

– Как выглядит адрес на конверте?

Джеральд передал ей конверт, и она увидела, что адрес напечатан неровно, отдельными буквами, с помощью резиновых штампов. Возможно, из детского набора. Почтовая марка 2-го класса. Штемпель местного почтового отделения, вчерашняя дата. И все.

Ева вернула письмо и конверт Джеральду.

– Сильвия, ты не догадываешься, кто мог прислать тебе это ужасное письмо?

Сильвия, стоявшая у окна и глядевшая на сад, повернула голову и посмотрела на Еву. Ее удивительные глаза, главное украшение ее лица, опухли от слез. Ева встретила ее взгляд. Сильвия молчала. Ева повернулась к мужу, ища поддержки, но тот лишь смотрел на нее поверх очков, и лицо его было суровым и печальным. Они понимали друг друга без слов, но не решились произнести имя.

Ева сделала глубокий вдох, протяжно, судорожно выдохнула:

– Вы думаете, это Мэй, да?

Ни Джеральд, ни Сильвия не отвечали.

– Вы думаете, это Мэй. Я знаю, вы думаете, это Мэй...

В ее голосе появились пронзительные нотки, он задрожал. Она стиснула зубы, пытаясь побороть слезы.

– Ты думаешь, что это Мэй? – спросил Джеральд.

Ева покачала головой:

– Я не знаю, что думать.

Джеральд перевел взгляд на Сильвию:

– Зачем Мэй стала бы писать тебе такое письмо? Для чего?

– Не знаю. – Сильвия уже перестала плакать, немного успокоилась и теперь держалась почти как обычно. Сунув руки глубоко в карманы брюк, она отошла от окна и принялась мерить шагами свою крошечную гостиную. – Просто я ей не нравлюсь.

– О Сильвия...

– Это так, Ева, хотя я никогда не придавала этому большого значения. Просто Мэй почему-то не выносит меня.

Ева, зная, что Сильвия права, молчала; вид у нее был несчастный.

– Пусть так, но ведь это еще не повод, чтоб посылать оскорбительные письма, – рассудил Джеральд.

– Да, Том пил и тем себя погубил.

Ева была потрясена хладнокровием Сильвии и в то же время преисполнена восхищения. Так спокойно говорить о личной трагедии... По мнению Евы, это был верх благоразумия и мужества.

– Мэй, конечно, порой утомляет своими строгими принципами в отношении алкоголя и нравственности, но почему она на тебя взъелась?

– «Гуляла с другими мужчинами». Ты к этому клонишь, Джеральд?

– Я ни к чему не клоню. Просто пытаюсь быть объективным. И мне непонятно, какое дело Мэй до твоих друзей и до твоей личной жизни.

– Может, и не было бы никакого дела, если б моим другом не был Ивэн.

– Ивэн! – недоверчиво охнула Ева. Собственный голос ей самой показался визгливым. – Не может быть.

– Почему же? О Ева, ты же не подумала... Нет, просто порой, когда вас с Джеральдом нет дома, Ивэн приглашает меня к себе на бокал вина... Просто проявляет любезность. Один раз он подвез меня на вечеринку, на которую мы оба были приглашены. И все. Больше ничего. А Мэй все время шпионит из окна своей комнаты наверху. Ничто не укрывается от ее внимания. Возможно, она решила, что я пытаюсь его совратить. Старые няньки очень привязаны к своим воспитанникам, а она ведь его вырастила.

Ева, держа руки на коленях, сцепила ладони. *Хм. Одиноко. Я могла бы такое рассказать, что у тебя уши завянут.*

Она вспомнила про альбом для наклеивания вырезок. Непонятный альбом, газеты, ножницы, клей.

Она вспомнила пластиковый пакет с изображением британского флага, набитый чем-то, что Мэй накупила в свой выходной. Возможно, там были писчая бумага с феей, детский печатный набор?

Ох, Мэй, родная, что же ты наделала?

– Не надо никому ничего говорить, – сказала она.

– Почему? – нахмурилась Сильвия.

– Никому не нужно знать об этом.

– Но это же преступление.

– Мэй – очень старая женщина...

– Нужно из ума выжить, чтоб послать такое.

– Возможно... Возможно, она немного... – у Евы язык не поворачивался произнести слово «сумасшедшая», – не в себе, – закончила она тихо.

Джеральд опять рассматривал конверт:

– Письмо отправлено вчера. Мэй вчера ходила в деревню?

– Не знаю, Джеральд. Она постоянно таскается на почту. Как на прогулку. Ходит за пенсией, покупает мятные леденцы, шерстяную штопку.

– Девушка, что работает на почте, вспомнит ее?

– Да ей и не обязательно ходить на почту. У нее в сумке всегда есть книжечка марок. Я постоянно прошу у Мэй марки. Она могла просто бросить письмо в почтовый ящик и вернуться домой.

Джеральд кивнул, соглашаясь с женой. Они погрузились в молчание. Ева, внутренне содрогаясь, представила, как Мэй, в своей шерстяной шапке, с трудом передвигая ноги, выходит из ворот Тременхира, бредет по дороге в деревню, опускает свое злобное письмо в красный почтовый ящик.

Сильвия остановилась у камина, взяла сигарету из пачки, лежавшей на каминной полке, закурила и устремила взгляд на пустую нечищеную каминную решетку.

– Она всегда меня терпеть не могла, – снова сказала Сильвия. – Я всегда это знала. Мне кажется, я слова доброго ни разу не слышала от этой старой коровы.

– Не называй ее так! Не называй Мэй коровой. Она не корова. Может, она и послала тебе это гадкое письмо, но лишь потому, что она стара и не понимает, что делает. Если кто-то узнает об этом... Если мы сообщим в полицию или еще кому-то, начнутся расспросы, и никто не поймет... И Мэй тогда окончательно тронется умом... И ее заберут... и...

До этой минуты ей, пусть с большим трудом, удавалось сдерживать слезы, но теперь ее прорвало. Джеральд вскочил со стула, подбежал к дивану, где она сидела, обнял ее, прижал к себе ее лицо. Она ощутила знакомое тепло его груди и разрыдалась в лацкан его синего пиджака. Ее плечи вздымались и опускались от плача.

– Ну, будет, – сказал Джеральд, успокаивая ее так же, как некоторое время назад она сама увещевала Сильвию, – ласковыми словами и похлопываниями по спине. – Все хорошо. Все хорошо.

Наконец она взяла себя в руки и извинилась перед Сильвией:

– Прости. Мы пришли помочь тебе, а тут я сама расклеилась.

Сильвия рассмеялась. Может быть, и невесело, но, по крайней мере, по-настоящему.

– Бедный Джеральд. Вот навязались две истерички на твою голову. Мне, право, неловко, что я вывалила на вас свои проблемы, но я подумала, что вы должны об этом знать. Понимаете, когда я вскрыла конверт и прочитала эти мерзкие строки, я испытала шок и сразу подумала, что это Мэй. – Сильвия перестала мерить шагами комнату. Остановившись у дивана, она нагнулась и поцеловала Еву в щеку. – Не переживай. Я больше не буду расстраиваться из-за этого. И я знаю, что ты очень привязана к ней...

Ева высморкалась. Джеральд глянул на свои часы.

– Думаю, нам всем не мешало бы выпить, – сказал он. – Полагаю, Сильвия, у тебя в доме нет бренди?

Бренди у Сильвии нашлось. Они выпили по стопочке, обсудили ситуацию. В конце концов решили никак на это не реагировать и никому не сообщать. Если письмо отправила Мэй, сказал Джеральд, можно надеяться, что на этом она успокоится. Не исключено, что она уже и не помнит про свою выходку, поскольку страдает забывчивостью. Но если подобное повторится, Сильвия должна немедленно сообщить об этом Джеральду.

Сильвия согласилась. Что касается письма, она намеревалась его сжечь.

– А вот этого делать не надо, – веско сказал Джеральд. – Как знать? Если это плохо кончится, оно, возможно, нам понадобится в качестве вещественного доказательства. Если хочешь, я буду хранить письмо у себя.

– Ну уж нет. Не хватало еще, чтобы эта зараза осквернила Тременхир. Нет, уж лучше я запру письмо в ящике своего стола и забуду про него.

– Только не сжигай.

– Обещаю, Джеральд. – Сильвия улыбнулась. Знакомой обаятельной улыбкой. – Господи, какая же я дура. Нашла из-за чего расстраиваться.

– Совсем не дура. Анонимка кого хочешь испугает.

– Прости, – сказала Ева. – Мне ужасно стыдно. Здесь есть доля и моей вины. Но если ты попытаешься простить бедняжку Мэй и войти в мое положение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.